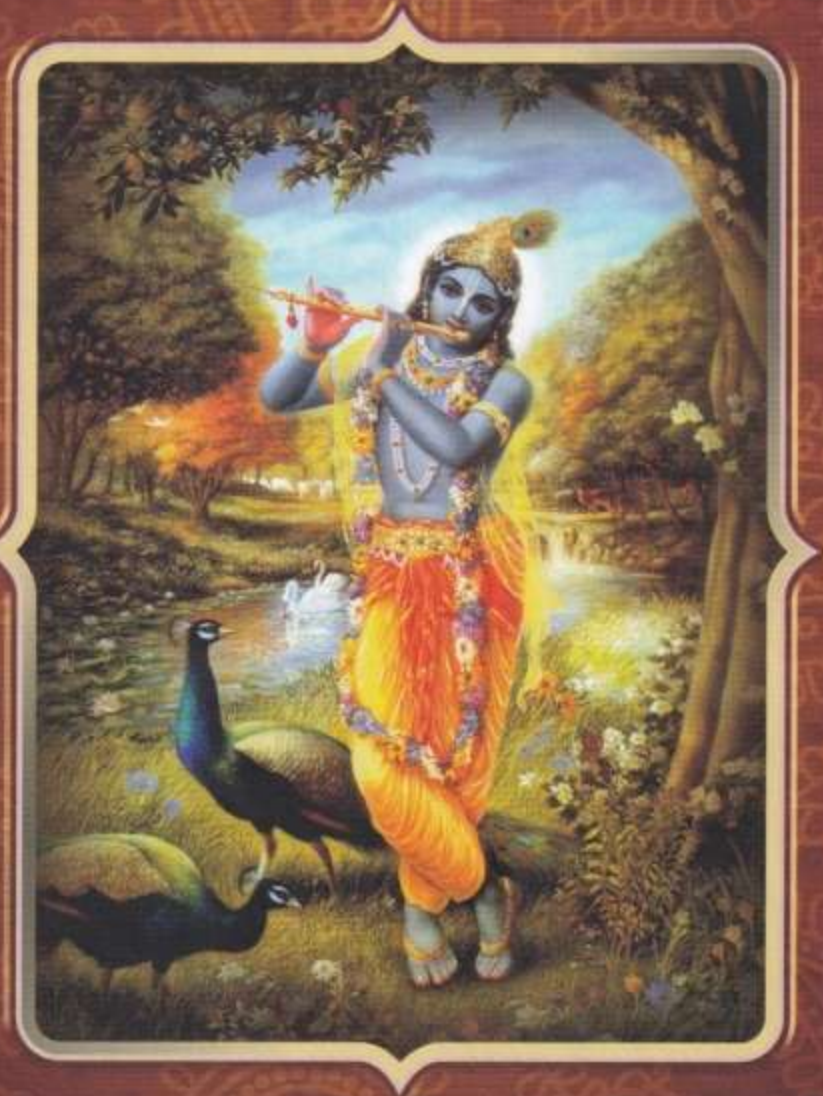

СЛОВО АРИАВАРТЫ

35 веков индийской поэзии в переводах
и переложениях Юрия Ключникова

СЛОВО АРИАВАРТЫ

35 ВЕКОВ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

**В ПЕРЕВОДАХ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ
ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА**

Беловодье

УДК 821.21-1(082)
ББК 84(5Инд=522)-5я43
С48

Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии в переводах и переложениях Юрия Ключникова : [16+] / составители Ю. М. Ключников, С. Ю. Ключников. – М.: Беловодье, 2021. – 496 с. – ISBN 978-5-93454-272-7.

И. Ключников, Юрий Михайлович, сост.

Сборник переводов и переложений индийской поэзии, созданный поэтом, переводчиком и эссеистом Юрием Ключниковым, отражает давний интерес автора переводов к индийской теме: в своё время он издал большую книгу своих путешествий «Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте». Данный сборник включает в себя как переводы и переложения индийского эпоса («Бхагавадгита», отрывки из поэм, созданных такими авторами, как Вальмики, Тируваллувар и Калидаса), так и переведённые и переложённые произведения, относящиеся к теме любовной и философской лирики XIV—XX вв. Сборник состоит из 320 стихотворений, миниатюр и глав из поэм. Темы индийской поэзии, всегда вызывавшей интерес у русских поэтов, одновременно разнообразны и привычны — жизненный путь человека, духовные и религиозные поиски, любовь, традиционные семейные ценности, дружба, страдание и сострадание к слабым мира сего, красота индийской природы, проказы и шалости юных индийских богов. Неповторимые интонации, свойственные каждому поэту, красота древних и современных текстов, широта охвата индийской поэзии делают сборник привлекательным для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93454-272-7

16+

© ООО НПЦТ «Беловодье», 2021
© Ключников Ю. М., текст, 2021
© Ключников С. Ю., текст, 2021

«Индия — колыбель человеческой расы, колыбель человеческой речи, мать истории, бабушка легенды, и прабабушка традиций. Наши самые ценные и наиболее важные из материалов в истории человечества хранятся только в Индии!».

Марк Твен

* * *

*Не в чудесах твоих для нас магниты,
Но в мудрости пылающих сердец,
О Индия, страна «Бхагавадгиты»!
Да утвердится дух твой наконец!*

*По серпантину знания поднимаясь,
Сердцами рвём рассудочный туман.
И разум на санскрите значит «манас»,
Ведь сохранила же Европа «ман».*

*Восток и Запад — братья, хоть и мессу
Единству их поёт толпа невежд.
О Индия! Навстречу Бенаресу
Идут София, Суздаль, Будапешт.*

*Что ненависти жалкие лохмотья
Перед шелками братства и любви?!
О Индия! Как дороги сегодня
Пророчества великие твои!*

*Но чтобы плоть и мужество, и силу
Они в сраженьях долгих обрели,
Союз бхаратов и сынов России
Дарован на спасение Земли.*

Юрий Ключников
1985

ДХАРМА ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Каждый настоящий поэт, именно поэт, а не стихотворец-версификатор, свой опыт личной и социальной жизни сопрягает с художественно значимыми сочинениями своих великих предшественников. При этом он силой своего таланта преодолевает искушение подделываться под кого-то из классиков. Только в таком случае содержание его собственного произведения становится индивидуальным и, как говорил Александр Бенуа, «определённо художественным». Таким образом, для настоящего поэта литературное наследие прошлого — камертон, с помощью которого он настраивает свою лиру.

Юрия Михайловича Ключникова, поэта, прозаика и путешественника, также, несомненно, привлекает манера письма с оглядкой на литературные шедевры. В немалой степени этому способствует его переводческая деятельность. Вслед за вольными переводами поэзии Уильяма Шекспира, английских поэтов елизаветинской эпохи, классиков испанской и французской поэзии раз-

ных веков он взялся за труд совсем уж тяжёлый и неблагодарный — изложить в своей интерпретации китайскую поэзию тридцати веков и суфийскую поэзию VIII—XX веков в сохранившихся лучших её образцах.

И, наконец, увлечение Востоком и восхищение творческой деятельностью Николая Константиновича Рериха и его жены Елены Ивановны, как русских восточников, неминуемо привело Ю. М. Ключникова к первоисточнику — древнеиндийским текстам. Первым шагом к ним было ознакомление с Учением Живой Этики. Отметим, что он ни тогда, ни тем более сейчас не ограничивал своё творческое мировоззрение одними рериховскими идеями, а стремился поэтически осмыслить мировую духовную культуру. Рерихи решительно воздействовали на формирование в нём недогматической веры (хотя в последние годы поэт написал множество стихотворений, наполненных православным духом). В связи с этим вспоминается мысль Бориса Пастернака, высказанная в интервью А. Нильсону, «о возрождении религии не как церковно-религиозной догмы, но как жизнеощущения». С появлением у Ю. М. Ключникова подобного жизнеощущения у него в конце концов возникло желание сделать поэтическое

переложение «Бхагавадгиты, Песни Господней». В Индии её называют просто «Гита» (Песнь). Она входит в шестую книгу (*Бхишмапарва*, главы 23—40) древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

«Бхагавадгита» стоит в одном ряду с такими священными текстами, как *Тора*, *Библия* и *Коран*. Её содержание составляет философская беседа между воином Арджуной и его колесничим Кришной, в конце которой тот раскрывает Арджуне свою божественную сущность. В России «Бхагавадгита» стала известна в 1788 году благодаря просветителю и издателю Николаю Новикову.

В коротком предисловии к своей «Бхагавадгите» Ю. М. Ключников признаётся, что впервые прочитал это «откровение», или «некую благую весть об истинном устройстве мироздания и, в частности, о природе и призвании человека» (формулировки С. Д. Серебряного), в 1978 году в русском переводе академика, нейрохирурга Бориса Леонидовича Смирнова, изданном в Ашхабаде, а затем, в 1993 году, в переводе Анны Алексеевны Каменской (1867—1952) и Ирмы Владимировны де Манциарли (1898—1950), известных последовательниц Елены Петровны Блаватской. Это было переиздание перевода, по-

явившегося в «Вестнике теософии» в 1914 году. Однако за основу своего поэтического переложения «Гиты» Ю. М. Ключников выбрал академический перевод с санскрита, сделанный московским санскритологом Всеволодом Сергеевичем Семенцовым (1941—1986).

Могу представить, что мастер погрузился в работу над поэтическим переложением «Бхагавадгиты» с присущими ему страстью и воодушевлением. Иными словами, в который раз продемонстрировал своей творческой деятельностью «всемирную отзывчивость» русского человека. Как известно, именно о ней говорил в знаменитой речи об А. С. Пушкине Федор Михайлович Достоевский. Не скажу, что темп работы, который задал себе Ю. М. Ключников в соответствии с грандиозностью замысла, дался ему легко. Ведь (цитирую из той же самой речи Ф. М. Достоевского) «усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций» — это, скажу вам, не решетом воду мерить.

Среди многих мудрых изречений из басен, поэм и трактатов древней Индии существуют несколько основополагающих. Одно из них я процитирую: «Ни сегодня, так завтра погибнет наше тело среди горестей и болезней. Что поль-

зы преступать ради него долг?». Изречение это взято из «Гиты». «Понятия долга (*дхарма*) для последователей индуизма по своему содержанию более многозначно, чем в других религиях, и потому-то непереводаемо одним термином. Вот как его растолковывал известный индолог Ростислав Борисович Рыбаков (1938—2019), обладавший не только обширной эрудицией, но и редким сегодня даром просто и доходчиво говорить о сложном: «Любопытно, что именно *дхарма* (при всём разбросе значений этого слова) свидетельствует о том, что индуизму вообще чуждо понятие хаоса, в том числе и при оценке окружающего мира. Как бы ни гуляли подвыпившие боги, какие космические катаклизмы ни сотрясали бы землю и Вселенную, но всё и везде подчинено неукоснительному порядку, всё разложено по полочкам, всё расписано, как в идеально-бюрократических инструкциях. И этот порядок, и эти «инструкции» и схватываются термином *дхарма*. *Дхарма* человека — это нескончаемый перечень его обязанностей: по отношению к предкам, к богам, к окружающим, ко всему живому и неживому. *Дхарма* — это не только порядок, но и качество жизни. Это правило нравственного поведения, возведённое в долг. Нравственность не рекомендуется,

нравственность жесточайшим образом предписывается. Нарушение *дхармы* есть преступление космическое».

В «*Гите*» уже в первой *шлоке* первой главы появляется понятие *дхарма*. Известно, что в Индии устное слово, передаваемое многими столетиями, а может, и несколькими тысячелетиями, от духовного наставника, мудреца (*риши*) ученику, ценится намного выше, чем слово, написанное и сохранённое в рукописи или в книге. Вот почему в этой стране священные тексты индусы или, как сейчас говорят, индуисты называют *шрути* — услышанное (перевод с санскрита), а тексты, созданные людьми, — *смити*, то есть запомненное (перевод с санскрита). «*Гита*», разумеется, считается священным текстом, относящимся к *шрути*.

Как справедливо отмечает известный индолог, профессор Сергей Серебряный, «В. С. Семенов в своей книге о *Гите* (“*Бхагавадгита* в традиции и в современной научной критике”. — А. С.) проводит мысль, что *Гита* предназначалась не просто для чтения, а для своего рода “медитации”, нацеленной на коренное преобразование сознания».

Современному человеку ой как необходимо неукоснительное исполнение своего долга перед

лицом Бога, возложившего на него ответственность за сохранение жизни на Земле и в ближайшем Космосе. Ю. М. Ключников убеждён, что именно в этом и состоит главное наше предназначение — осуществлять попечительство над миром живых существ и окружающей их природы.

Что тут разглагольствовать! Без вечных ценностей человечеству не выжить. Кирдык ему будет, как говорят турки и сопричастные им народы. Чтобы этого не случилось, каждый из нас должен чувствовать ответственность перед другими людьми и Богом и следовать своей *дхарме*. А для этого, прежде всего, необходимо научиться управлять самим собой, своими мыслями и поступками.

Борис Пастернак в письме двоюродной сестре Ольге Михайловне Фрейденберг (1890—1953) писал: «Я многое предвидел, а главное, я многого не в силах был принять (...). Время моё ещё далеко».

Время, которого желал и жаждал великий русский поэт, не то чтобы приблизилось к нам вплотную, мы в нём уже существуем и действуем. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что новое поэтическое переложение на русский язык «*Бхагавадгиты*», избавленное от академической

схоластики, полностью соответствует вызовам XXI века. Другого и быть не могло. Остается сказать, что Ю. М. Ключников вот уже много лет следует своей *дхарме* — сеет в людских душах разумное, доброе, вечное.

Поэт не ограничился созданием поэтического перевода «Гиты», а сделал целую книгу переложений индийской поэзии, начал с древнейшего гимна «Ригведы» и завершив свою работу стихами поэтов конца XX — начала XXI века. В финале сборника стихи моего друга — *Ашока Ваджпейи*, который ещё жив. В книге ещё есть и фрагменты эпоса («*Рамаяна*» *Вальмики*, «*Тируккурал*», созданный легендарным древним тамильским поэтом *Тируваллуваром*) и религиозно-философская поэзия (стихи *Вивекананды*, *Ауробиндо Гхоша*, *Инайята Хазрата Хана*), и лирика, жившая в Индии во все века от *Калидасы* и *Сурдаса* до *Сароджини Найду*. Большинство поэтов относятся к индуистской традиции, но есть авторы, которые принадлежали к традиции мусульманства и суфизма (*Кабир Дас*, *Мирза Галиб*, *Мухаммед Икбал*, *Инайят Хан*). Есть и современные поэты — *Хариваниш Рай Баччан* (1907—2003), *Субхаш Мукходпадхьяй* (1919—2003), *Ашок Ваджпейи* (1941). О двоих

из них — *Баччане* и *Ваджпейи* — мне приходилось писать и делать переводы их стихотворений.

Я уже писал о том, что переводы Ю. М. Ключникова особенные — они вольные. В случае перевода с восточных языков он пользовался подстрочниками, а в каких-то случаях использовал чужой нерифмованный перевод, добиваясь, чтобы все строки были украшены рифмой. Как подчёркивает автор книги, он не ставил перед собой задачи добиться буквальной точности. Его цель — ввести индийскую поэзию в отечественную поэтическую традицию с её законами и эстетикой, пересказать её по-русски. Ради красоты в каких-то случаях приходилось жертвовать точностью, и такая жертва, на мой взгляд, в целом была оправданной. Это не труд профессионального переводчика, но работа художника, поэта, который рассказывает нам, какой, согласно его мнению, является поэзия Ариаварты. И у него это получается. Дух Индии в его вольных переводах жив.

Александр Сенкевич,
доктор филологических наук,
индолог, поэт, переводчик

Ю. М. Ключников

МОЙ ПУТЬ К «ГИТЕ»

Впервые «Бхагавадгиту» я прочёл в 1978 году, в только что опубликованном русском переводе Б. Л. Смирнова. А годом раньше познакомился с Учением Живой Этики. Эти два факта навсегда определили мою дальнейшую судьбу. Я принял эти идеи всем сердцем, и сам факт высокой оценки «Бхагавадгиты» Рерихами усилил во мне интерес к этому источнику, который стал моей настольной книгой на долгие годы. Я понял, что «Гита» даёт ответы на очень многие вопросы, стоящие перед человеком и человечеством. Вторым моим подступом к этому великому источнику стало издание в 1993 году этого великого духовного произведения 10-тысячным тиражом (в ту, «доинтернетную», пору подобные тиражи ещё быстро расходились). Правда, это был перевод не Б. Л. Смирнова, а А. А. Каменской и И. В. де Манциарли. Я перечитывал «Бхагавадгиту» много раз в разных переводах и написал предисловие к книге.

И вот мой третий подступ к «Гите». На этот раз я рискнул сделать поэтическое переложение великого Памятника. Проблемы, поднятые в этой книге, проповедующей вечные ценности, показались мне настолько важными и актуальными для сегодняшнего времени, включая кризис и пандемию, что я решил сделать «Гиту» доступной для каждого грамотного россиянина. Ведь поэма в академическом издании содержит очень много санскритских имён и слов, требующих разъяснений и затрат времени, на что у современного человека, занятого выживанием, попросту не хватает сил. В стихотворной форме самые глубокие истины доходят до человеческого сознания значительно легче. Мне кажется, что в случае с «Гитой» древняя формула: «Не буква, но дух» приобретает максимальное значение. Потому я намеренно освободил своё переложение от множества сложных индийских имён и терминов (хотя кое-какие всё-таки оставил и прокомментировал), которые практически ничего не говорят российскому читателю, но, безусловно, утяжеляют восприятие этого чудесного источника, и сосредоточился на переложении самих философских мыслей и духовных откровений.

Какие же это важные и актуальные проблемы, которые встали перед человечеством и от-

дельным человеком, и какое отношение к ним имеет поэма, написанная, согласно некоторым мнениям, несколько тысяч лет назад? Это вопросы жизни и смерти, отношения человека и Бога, ответственность человека перед людьми и самим собой, свобода подлинная и мнимая, вопросы долга, наконец, задачи управления своими мыслями и поступками, идея этического очищения и духовного совершенствования человека, возведённая в категорический императив. Меня поразило созвучие идей, высказываемых в «Гите», с русской духовной культурой — идея личного Бога, идея служения высокому, идея духовного сражения за свои идеалы.

За основу поэтического переложения «Гиты» я выбрал перевод с санскрита, сделанный выдающимся московским санскритологом Всеволодом Сергеевичем Семенцовым (1941—1986). Меня привлекла сама личность исследователя, о котором я впервые услышал от А. Н. Дмитриева, доктора естественных наук, который, как глубокий знаток и практик йоги и медитации, насколько мне известно, консультировал Семенцова по этим темам.

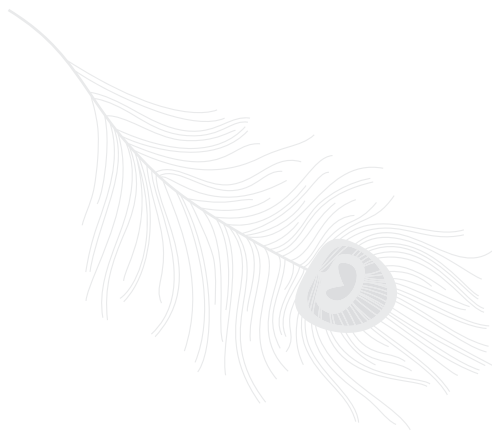
Второй раз имя Семенцова я услышал в 1980 г., в Улан-Удэ, в бурятском филиале АН СССР, и в Иволгинском буддийском дацане, куда я при-

езжал как редактор двухтомника избранных сочинений Гомбожапа Цыбикова, первого переводчика на русский язык «Ламрим-рим чен по» (главного сочинения той ветви буддизма, которая сохранилась у бурят, калмыков и тувинцев). И надо сказать, имя В. С. Семенцова с большим уважением произносилось и ламами дацана, и учёными бурятского филиала Академии Наук.

Сравнивая перевод Семенцова с другими работами этого рода, я отметил не только академическую фундаментальность, филологическую глубину, но и духовную позицию учёного, который подошёл к тексту как православный человек. Главная проблема, стоящая сегодня перед человечеством, — это, на мой взгляд, проблема выполнения долга перед лицом Бога. В этом смысле главные идеи, сформулированные в Божественной песне, стоят перед человечеством в целом и перед каждым из нас. И требуют неукоснительного выполнения.

В заключение хочу искренне поблагодарить всех переводчиков «Бхагавадгиты», которые работали до меня или продолжают работать параллельно: А. А. Петрова, А. А. Каменскую, И. В. Манциарли, Б. Л. Смирнова, В. И. Тихвинского, В. С. Семенцова, Ю. М. Густякова, О. Н. Ерченкова, В. Г. Эрмана, С. М. Неаполи-

танского, А. П. Казначееву, Д. В. Бурбу, Б. Б. Гребенщикова. Благодарю также всех, кто пытался переводить индийскую поэзию, мне эти переводы очень помогли выстроить свою работу. Я признателен таким поэтам и переводчикам, как А. А. Фет, Ю. К. Балтрушайтис, Л. Н. Гумилёв, В. М. Тушнова, С. Д. Серебряный, И. Д. Серебряков, П. А. Гринцер, В. Г. Эрман, А. Ш. Ибрагимов, И. П. Глушкова, В. Ф. Коровин, А. Н. Сенкевич, Э. Лейтан, Я. В. Васильков, В. Н. Берг, С. Л. Северцев, Э. А. Лякишева, Т. Я. Елизаренкова, О. Ю. Мелентьева, А. М. Дубянский.

ЧАСТЬ I

ЭПОС

ВЬЯСА

ИЗ РИГВЕДЫ

«Ригведа» — самый первый из известных человечеству памятников индийской литературы на ведийском языке и один из самых древних индоарийских текстов. Учёные спорят, как датировать этот памятник, но склоняются к тому, что появилась «Ригведа» примерно около 1700—1100 лет до н. э. Длительное время она сохранялась в устной форме, но затем была зафиксирована письменно — скорее всего, в раннем Средневековье. Считается самой древней из Вед. До нас дошло 1 028 гимнов этой замечательной книги.

Кем были авторы этой книги? Первыми поэтами мира? Их называли «риши» — мудрецы, пророки, жрецы, чьи души были наполнены возвышенными переживаниями величия Бога и красоты мира. Сама поэзия того времени, по мнению исследователей, воспринималась как некое величайшее таинство и волшебство. Индоевропейские языки отражают это представление древней о поэзии как величайшем делании.

В то же время поэзию сопоставляли с ремеслом. Индийские и, шире, индоевропейские поэты, по мнению исследователя древних текстов С. Петрова, «ткали» слова, как ткачи, и «тесали» их, как плотники, о чём свидетельствуют древние источники: «О поэты, точите же сейчас все вместе топоры, / Которыми вы вытёсываете для бессмертия!» (*sató nūnāṃ kavayaḥ sām śiśīta / vāśibhir yābhir amṛtāya tākṣatha*) (РВ 10.53.10). Выражение «Ригведы» «[люди] вытесали мантру» (*māntram ātakṣan*) (РВ 7.7.6) имеет своё точное соответствие в «Авесте»: «Ахура вытесал мантру» (*ahurō maθrēm taṣat*) (29.7). Пиндар, призывая Музу к поэтам, именует их «плотниками сладких, как мёд, песен» (μελιγαρούων τέκτονας κώμων) (Нем. 3, 4)».

Заметим, что в древности мастерство ремесленников было действительно штучным и священным действием. Поскольку для индоариев наиболее совершенным произведением плотницкого искусства была колесница, «Ригведа», как пишет С. Петров, многократно сравнивает сочинение стихов со строительством: «Наиболее совершенным произведением плотницкого искусства для индоария была колесница, поэтому «Ригведа» неоднократно сравнивает сочинение стихов с её строительством: «Эту хвалу тебе,

о рождённый могучим (т. е. богу Агни), я, вдохновенный, / Стесал, как искусный (плотник) — колесницу» (*etām te stōmaṁ tuvijāta vipro / ráthaṁ ná dhīraḥ suápā atakṣam*) (РВ 5.2.11); «Эти молитвы, которые мы вытесали, как колесницы» (*imā bráhmāṇi... yá tákṣāma ráthām iva*) (РВ 5.73.10)».

Должен сказать, что меня, как поэта и человека, уже почти полвека увлечённого классической индийской культурой, тексты «Ригведы» и её образы интересовали давно. Ещё в далёком 1980 году я, находясь у себя в сибирской деревне, написал такое стихотворение:

Однажды летом, на рассвете,
Встречая первые лучи,
Я вдруг обрёл ключи к «Ригведе»,
Её священные ключи.
А было так: из тёмной дверцы
В аквамариновый дворец
Скользнуло солнышко — и сердца
Запел ликующий скворец.
И разрешилось напряженье
Минувших дней, молитв и снов,
И всё во мне пришло в движенье,
Зажглось, зашлось, от слёз и слов.
Я понял, деревенский схимник,
Что йоги долгая игра

Ты в душу проникаешь далеко.
Влагаешь жизнь во всё, что Око видит.
Тебя не в силах тьма возненавидеть,
Хотя ты с ней справляешься легко.

О Агни, жертву сердцем охватил,
Богов она великих достигает.
Твори порядок в доме что есть сил,
Нам твоё благо в вере помогает!

О славный Сурья*, огнеликий бог!
К своим сынам не будь чрезмерно строг.

ЕВАНГЕЛИЕ ИНДУИЗМА

Известный русский поэт-метафизик Максимилиан Волошин назвал «Бхагавадгиту» одним из величайших Евангелий человечества. «Бхагавадгита» — это одна из самых главных книг индийской философии, если не самая главная, представляющая собой часть шестой книги «Махабхараты», и одна из трёх основных книг Веданты. Стихотворный размер, которым написана книга, предполагает, что её будут петь, потому название «Бхагавадгита» буквально означает «Божественная песнь».

* Солнце (санскр.).

По жанру и сути она представляет собой высокую философскую беседу, которая происходит между почитаемым в Индии божеством Кришной и готовящимся к великой битве на легендарном поле Куру между родами Пандавов и Кауравов Арджуной, его учеником, царевичем, принадлежащим к древнему роду. В ответ на сомнения, поразившие душу Арджуны, Кришна призывает его к выполнению своего долга, объясняя, что смертно только тело, но душа бессмертна, и убитый в справедливом сражении за родину попадает на небо. Тело и жизнь временны, а душа бессмертна, и при выборе между земным и духовным, вечностью, нужно всегда выбирать духовное. Защита родины — это священный долг человека, и нужно ему следовать, поскольку Кришна тоже участвует в битве и сам следует долгу, а иначе мир бы погиб. Попутно Кришна даёт картину мироздания с его незыблемыми законами и объясняет своему ученику, как нужно существовать в этой вселенной. Кришна развеивает сомнения Арджуны относительно участия в битве, и тот, усвоив высокую духовную науку, принимает решение вступить в 18-дневную войну. Отметим, что число 18 постоянно повторяется в «Гите»: она состоит из 18 глав, а армии двух родов, сражаю-

щихся друг с другом, разделены на 18 армейских корпусов. Ряд интерпретаторов книги полагает, что «Гита» символизирует собой великую битву, которую человеческий дух должен вести против своей низшей природы, и содержит глубокую науку, следуя которой, человек обязательно одержит победу.

Как писал об Индии востоковед С. В. Пахомов, эту страну в течение многих веков принято рассматривать как «своеобразный духовный материк, необъятный край практических средств по самопреобразованию». Главная духовная книга Индии — «Бхагавадгита» — это и свод этических предписаний, и учебник мудрости, и краткая энциклопедия духовных практик, имеющих общечеловеческое значение, в ней можно найти перекличку со священными книгами любых высоких традиций, даже таких, как православное христианство и исихазм.

Автором этой великой книги, «Евангелия индуизма», предания называют Вьясу, также известного как Ведавьяса, Вьясадева, Бадараяна или Кришна-Двайпаяна, — легендарного мудреца III тысячелетия до н. э. По преданиям, Ведавьяса был незаконным сыном мудреца Парашары и Сатьявати. В силу своего происхождения он получил имя Канина («бастард»), по цвету

кожи — Кришна («чёрный»), а по месту рождения и воспитания — Двайпаяна («рождённый на острове»). После рождения Вьясы Сатьявати вышла замуж за царя Шантану и родила от него двух сыновей. Старший из них — Читрангада — был убит в сражении, а младший — Вичитравирья — умер бездетным. Вьяса, ведший аскетическую жизнь в лесу, по законам страны и по настоянию своей матери взял к себе двух бездетных вдов своего младшего единоутробного брата — Амбику и Амбалику. От них он имел двух сыновей: Дхритараштру и Панду, родоначальников двух враждующих в «Махабхарате» родов — Кауравов и Пандавов.

Само слово «Вьяса» буквально означает «составитель»: как гласят легенды, мудрец составлял и редактировал и другие священные тексты — Веды и Пураны.

Прошли тысячелетия, но человечество до сих пор читает «Махабхарату» и находит в ней ответы на самые жгучие вопросы, стоящие сегодня перед человечеством и отдельным человеком.

БХАГАВАДГИТА

Глава 1

На поле Куру — поле жизни —
Две рати выстроились к бою.
За тем, что есть, и тем, что будет,
Следят внимательные двое.
Один — Арджуна, воин знатный,
Искатель правды легендарный.
Другой — его учитель Кришна,
Господь обличьем лучезарный.

Господь сказал:

«Вглядись, мой сын, солдаты луки
На землю ставят, выбрав цели.
Глаза надёжны, крепки руки.
Всё напряглось перед сраженьем:
На солнце блещут колесницы,
Ждут колесничие приказа,
Чтоб с неприятелем сразиться
На поле Куру беспощадном.
Нет и не может быть лукавых,
И цель одна стоит пред каждым:
Добиться смерти или славы.
Чего же, сын мой, ожидаю
От воинов на поле боя?»

Такой вопрос задать ты вправе.
Исполню мнение любое».

Господь умолк. И вот внезапно
Весёлый шум весенним утром
Возник под грохот барабанов
В ещё тумане непробудном.
Звучанье раковин* сигнальных
И медных труб напев хрипящий
Раздались, словно поединок
Идёт в долине настоящий.
Настала очередь Арджуны
Ответить на вопросы Бога.
И ученик богоподобный
Спросил почтительно и строго.

Арджуна сказал:

«Я понимаю, музыкантам
Сыгратья нужно, руки теша.
Однако в грохоте сумбурном
Мой ум дробится, Хришикеша**.
Ты показал мне наше войско
В его военном построенье.
Поверь же, что врага не видя,

* В древней Индии морские раковины выполняли роль рога.

** *Хришикеша* — повелитель чувств.

Я не решусь поведать мненье.
Пандавы выглядят отлично.
Но как глядятся Кауравы*?
Чтобы на твой вопрос ответить,
Я оценить их должен здраво».

Для Господа не существует
Проблемы выбора позиций:
К врагам мгновенно повернулись
Колёса грозной колесницы.
Глазам внимательным Арджуны
Предстала вражеская сила.
Её увидев, наш философ
Затосковал невыносимо.
Продолжил горестно и страстно:

Арджуна сказал:

«Что вижу во враждебном стане,
Где скоро загремит сраженье
И литься кровь не перестанет?
Среди врагов — мои родные,
Отцы, и сыновья, и деды.
Как с ними стану воевать я?!
Какой в бою дождусь победы?
Сплелись на древе жизни ветки,

* Пандавы и Кауравы — противоборствующие стороны в эпосе древней Индии «Махабхарата».

Не отделить зерно от смоквы.
Мы все на этом поле Куру —
Зятя, и шурины, и свёкры.
Когда представлю тело брата,
И меч, в него вонзённый гордо,
Меня охватывает ужас,
И стынет кровь, и сохнет горло.
Терпеть в бою такие муки
Непредставимо, горько, тошно.
Лук, чую, не удержат руки.
По мне — сраженье невозможно!».

Затих Арджуна ненадолго,
Прижавшись к жизненному корню.
Но вот продолжил своё слово,
Объятое великой скорбью:

«Когда я вижу эти толпы,
Пришедшие для грозной битвы,
Иные думы посещают —
Слова смирения и молитвы.
Зачем, Кешава*, осуждаешь

* *Кешава* — «кудрявый» — одно из имён Кришны. Одновременно этот эпитет означает «солнечный», «солнцелосый» и повторяется в других главах Гиты. Таким образом кудри Кришны сравниваются с лучами солнца, что обоснованно связывает культ Кришны в Древней Индии с культом Ра в Древнем Египте.

Кошунства, низменные драки,
Зато благословляешь молча
Вооружённых толп атаки?
И почему погибших славят,
Когда легли за дело чести,
Хотя и правых, и неправых
Кладут в сырую землю вместе?
Не ты ли сам людей разводишь
По разным сторонам и ратям?
И насмерть драться разрешаешь
Заклятым недругам и братьям.
Между добром и злом, о Кришна,
Темна межа, граница зыбка.
Скажи, Господь, что означает
Твоя неясная улыбка?
Ты управляешь Мирозданьем,
Ты ценишь вещи по-иному.
Ответь, какой влечёт нас берег,
В какую жизнь, к какому дому?
Не вижу доброго исхода,
Коль совершу убийство чьё-то.
И за судьбу не опасаюсь,
Не жду военного почёта.
Но откровенно повторяю,
Что мои руки лук уронят,
Меня совсем не смерть пугает,
Она ведь всё равно догонит:

В бою, в болезни ли случится,
Иль возраст человеку рану
Пошлёт последнюю. Но сам я
В сраженьях убивать не стану.
Печально зреть, о Многорукий,
Что люди гибнут из-за денег,
В борьбе за власть или за землю,
В желанье скудных наслаждений.
Зачем терпеть земные муки,
Коль всё равно придётся сгинуть?
К чему довольство и богатство,
Когда рискуешь всё покинуть?!
Положим, жизнь всегда безбрежна,
Закончишь эту, ждёт другая.
Но страшно совершить убийство,
Грех на Природу возлагая.
Вот почему не должно людям,
Грешить, других лишая света.
Нет хуже в мире злодеянья,
Чем непростительное это.
На войнах исчезают роды,
Цветы сгорают, гибнут кони,
И воцаряется разруха,
И процветает беззаконье.
И прекращаются посевы,
И поникают в поле травы,
Детишек не рожают жёны,

Приходят в развращенье нравы.
У варн* стираются границы,
Смешенье их грозит нам адом,
При нарушении законов
Встаёт хаос с порядком рядом.
Над заповедями смеются,
Никто их выполнять не хочет.
Приходят времена такие,
Где светлый день темнее ночи.
Чем провинились перед небом
Твои сегодняшние дети,
Что посылаешь в пекло смерти
Бесчисленные толпы эти?!
Я лучше упаду на землю,
Сражённый Времени косою,
Смешаюсь с утренним туманом,
Под солнцем высохну росюю.
Пускай сражаются, кто жаждет
Добычи, славы, превосходства.
Не привлекает поле Куру,
Я не хочу на нём бороться».

Закончил речь свою Арджуна,
Упал на спинку колесницы,
Отбросив лук, колчан и стрелы,
Сомкнув решительно ресницы,

* *Варны* — касты, сословия.

Предчувствуя, что кровь прольётся
И скоро в поле грянут грозы:
Он не хотел, чтоб Кришна видел
Его страдальческие слёзы.

Глава 2

И, наблюдая за Арджуной,
До глубины души смятённым,
Своему преданному бхакту*
Заметил Кришна ровным тоном.

Господь сказал:

«Я преисполнен сострадания
К твоим сомнениям глубоким,
Но нелегко к ним подобраться
Каким-то подходящим боком.
Что за несвойственная слабость
Тебя тревожит, славный воин?!
Мне до сих пор всегда казалось,
Что ты иных страстей достоин.
Подобная влечёт к бесчестью,
Вот почему, мой кшатрий** лучший,
Перед решительным сраженьем

* *Бхакт* — любимый, преданный ученик.

** *Кшатрий* — воин, вторая по значимости каста (варна) Индии.

Себя раздумьями не мучай.
Темна в военных схватках жалость,
Она в сомненьях утопает,
Тогда как моему любимцу
Бой проиграть не подобает».

Арджуна сказал:

«На смерть таящем поле Куру
Среди врагов я старцев вижу.
Как их, любимых и почтенных,
Своей враждебностью обижу?
Да лучше стану попрошайкой,
Голодным псом в степи завою,
Чем, потеряв в бою рассудок,
Подобных поражу стрелою!
Они ли здесь лишат нас жизни,
Иль мы их в небеса отправим,
Не ведаю, кому придётся
Встречаться с адом или раем.
Глубины неба неизвестны,
Судьба нам здесь все вяжет нити.
Признаюсь, Кришна, откровенно:
Не вижу смысл в кровопролитье.
Наиважнейшего на свете,
Убив других, себя лишаем.
Мы рвём насильно чьи-то судьбы
И самой жизни угрожаем.

Покуда не найду ответа,
От боли никуда не деться.
Прошу тебя откликнись, мудрый,
Верни покой уму и сердцу.
Я не стремлюсь назваться “свами”^{*}
Или с тобой равняться, Кришна,
Тем более, над божествами
Возвыситься. Тебе лишь верю:
Ты не смутишь меня ошибкой».

И отвечал Господь Арджуне,
Блеснув загадочной улыбкой.

Господь сказал:

«Ты ставишь трудные вопросы.
Но мысль о жалости напрасна.
Ни павших в битвах, ни живущих
Не свете нет. Всё это ясно.
Сам говоришь: лишишься тела —
Вручат иное — тело света.
Так полагали наши предки,
И подтверждает Шрути^{**} это.
Но нарушающий порядок
Или кто ложь повсюду ищет,

^{*} *Свами* — почётный титул в индуизме. В применении к обладателю значит «укротивший чувства».

^{**} *Шрути* — святое писание. В отличие от *смрити* — предания.

Тот неизменно получает
В аду законное жилище.
Прошу тебя, мой сын Арджуна,
Отныне и навек запомнить:
Не на погибель посылаю,
А лишь обязанность исполнить.
Сам говоришь: износим тело,
Как тут же обретаем снова.
Во всех мирах такой порядок,
И жизнь не ведает иного.
За всеми этими телами
Стоит таинственный Единый,
Мечам и стрелам недоступный,
В сражениях непобедимый.
Его огонь не пожирает,
Не трогает вода и плесень.
И ад к Нему не прикоснётся,
И рай такому тоже тесен.
Его вне образов мы чуем.
Но коли пасть придётся в слякоть,
Ни сокрушаться, ни стыдиться
Не станем, а тем паче плакать.
Умрёт когда-либо рождённый,
Погибший всё равно родится.
Так что солдату в час сраженья
Рыдать и охать не годится.
Не знаем тварного начала,

И окончанье неизвестно.
Выходит, назначать паденье
До срока людям неуместно.
Ты должен понимать, Арджуна,
Свой долг прямой, задачи армий,
Как ученик и мой дружинник,
Как закалённый славной дхармой*.
Позволь тебе напомнить, Партха**.
Законы долга выполняя,
Мы не на адскую дорогу
Ступаем — на дорогу рая.
Но если ты изменишь долгу,
Покинешь путь войны и славы,
То знай: тебя осудят крепко
Не только мы — и Кауравы.
Грехом тяжёлым осквернишься,
Не выполнив задачи варны.
Подумай хорошо, Арджуна!
Ты выбираешь путь коварный.
Будь и в раздумьях, и в поступках
На поле Куру осторожен.
Конечно, за тобой решенье,
Бог навязать задач не может.

* Дхарма — путь, закон, порядок, основа.

** Партха — одно из имен Арджуны, означающее «сын Притхи». В буквальном переводе с санскрита слово *арджуна* (*aṛjuna*) означает «белый», «светлый», «серебряный», а *кришна* (*kṛṣṇa*) — «чёрный», «тёмный» или «тёмно-синий».

Но если биться не захочешь,
Свои решат — что с перепугу.
Враги вздохнут и посмеются,
Окажешь им свою услугу.
Погибнешь — раем насладишься,
А победишь — земною жатвой.
Совет такой пошлю в итоге:
Решайся, многодумный кшатрий!
Сомнения многоветвисты,
Различны тропы и дороги.
Всё то, о чём наговорил Я,
Попробуй сделать силой йоги.
Она понять поможет Веды,
Убрать непониманье дхармы.
И даже, думаю, развяжет
Узлы тобой свершённой кармы.
Ведут по жизни нас три свойства:
Стремленье к счастью, страсти, тамас*.

* *Тамас* — невежество. Согласно индуизму, в каждом из нас природой заложены три гуны, три качества: *самтв*а — уравновешенность, гармоничность, *раджа*s — желание чем-то владеть, *тамас* — невежество. При этом каждая гуна имеет как свой потолок, так и плинтус. Может быть, например, стремление к мудрости и к богатству, обладание бескорытием и жадностью. Две стороны даже у тамаса — иллюзорное (относительное) знание и тупое невежество. Философия Гиты, считает, что в неравновесии гун или в преобладании одной из них коренятся причины всех человеческих и природных несчастий.

У каждого своё понятие
Об этих трёх и также самость.
Кто свойствам без раздумий служит,
В плену бывает у привычек.
Отсюда жизнь нам вместо счастья
Сплошные беды в карму кличет.
Где выход из цепи рождений,
Из цепких лап слепой сансары*?
Не домогаться наслаждений
И не бояться божьей кары.
Нас губит двойственность, Арджуна,
Мы служим прихотям и Богу.
Блуждающий на перекрёстках
Не сможет отыскать дорогу.
Не должен правоверный йогин
Давать свободу низким чувствам.
Кто ищет истинное счастье,
В своих страстях всегда обуздан.
Им, неустойчивым и жалким,
Не позволяй владеть собою.
Хочу я зреть тебя не шатким,
Но каждый миг готовым к бою.
Взращённая в бою отвага
И Мне, и всем богам дороже

* *Сансара* — течение жизни, обнимающее всё Мироздание. Данное понятие, родившееся в индуизме, затем перекочевало в буддизм.

Любых неискренних обрядов
И всех молитв пристрастных — тоже.
Лети стрелой на поле боя —
Упрямой, точной и горячей,
Но не ищи плодов и выгод
Себе, любимому, тем паче.
Мы шли по жизни долго вместе,
Друг друга проверяли оба.
Вот почему о «пользе» выгод
С тобой поговорим особо.
На бесконечном поле Куру
Земной не поддавайся моде:
Пока в тебе плодов занозы,
Ты забываешь о свободе.
Будь лишь на действие заточен,
На сердца пламенные зовы.
Но если оным ищешь выгод,
Ты на него надел оковы.
Бездействие опасно тоже,
Там тупость цепи надевает,
И постепенно цепкий тамас
Трудящимся овладевает.
Будь стоек, деятелен, ровен,
В удаче тих, в несчастье весел.
Срединный путь зовётся йогой.
На нём найдёшь ты равновесье.
Обуздывая сердцем чувства,

Расти величину поступка,
Несовершенство побеждая,
Как воду впитывает губка.
Не потакай своим желаньям,
Плоды в ряду последнем числи.
Поставь перед собой задачу
Освоить сердцем йогу мысли.
Таится в ней заряд громадный:
Она введёт в Брахманирвану.
Ты удостоишься самадхи*».

Глава 3

Арджуна сказал:

«Но если чувства и раздумья
Превыше дел, зачем, Кешава,
Меня к убийству принуждаешь?***
Свершившего найдёт ли слава?
Зовёшь военный долг исполнить,
А значит, поклониться ранам...

* Высшие состояния, доступные человеку, входят одновременно в глоссарий индуизма и буддизма. Нирвана — естественное состояние богов, тогда как человек достигает её, входя в так называемое *самадхи*.

** Эта традиция восприятия Бога как старшего Друга, с которым можно не соглашаться и даже спорить, в дальнейшем была продолжена поэтами-суфиями, а также Шекспиром.

Мне кажется твой образ мыслей
Неубедительным и странным».

Господь сказал:

«На поле Куру есть познание
И в поле ратная работа.
Здесь вовсе нет противоречья,
Повсюду труд и капли пота.
Отвергнуть дел никто не может
И мысли нет без их влиянья.
Без действий никакая йога
Не достигает надеянья.
Одна бесплодна отрешённость,
Бездельник не найдёт блаженства.
Вручённые природой гуны
Наш долг поднять до совершенства.
Обуздывая чувства сердцем,
Мы начинаем карма-йогу,
Делами жизни продолжая
Безличное служенье богу,
Но только по закону жертвы,
Иначе, мой философ-воин,
Нирваны столь благословенной
Не будешь в жизни удостоен.
Когда-то Брахман, наш Владыка,
Создав людей, промолвил Слово:

“Вас на пути поддержит жертва,
Она есть пища и основа”.
Весь мир растёт, питаясь чем-то,
В основе пищи жертва чья-то.
Трава питается землёю,
Траву едят в степи телята.
Нам молоко дают коровы,
Дожди же — дело рук Владыки.
У жертвы множество названий,
Явления жертвы многолики.
Мне важно, чтоб жила отвага
И бескорыстное даренье,
Ведь Брахман завещал продолжить
Свои заветы и Творенье.
Он колесо сансары вертит,
Непогрешим и не запятнан,
Присутствует и в человеке,
Как высшее начало — Атман.
Бог посылает в сердце вести,
Приводит в равновесье гуны,
Как голос совести беззвучный,
Как твой Господь, Отец Арджуны.
Нет у Него ни предпочтений,
Ни гневных чувств, ни явной цели.
Даёт совет, едва касаясь,
Который слышен еле-еле.
Ему, Арджуна, повинуйся,

Лишь в сердце пребывает Разум.
Свободу обретает путник,
Когда желаньями не связан.
Освободись от искушений,
Не поддавайся ложной страсти,
Она — убийца нашей саттвы,
Причина всяческих несчастий.
Будь только к Атману привязан.
Яви к земным привычкам скупость,
Тем явишь истинное Буддхи*
И Мирозданья целокупность.
Щедрее стань в благоотдаче,
В приобретенье блага — строже.
Примером сделайся, Арджуна,
И люди станут делать то же.
Нет ничего в трёхмерном мире,
Чем неспособен обладать Я.
Но действия не прекращаю,
Как меньшие друзья и братья.
А стоит Мне остановиться,
Хоть на единое мгновенье,
Замрут со Мною все три мира
Или погибнут в столкновенье.
Пусть йогин, в действиях искусный,
Людей к поступкам понуждает.

* Буддхи — мудрость. Вторая ипостась Высшей триады в человеке: Атман, Буддхи, Манас.

И мысль, и жажду пониманья
В сердцах их также пробуждает.
Пусть точно так же, как заблудших
В лесу, дорога действий мучит,
Тебя, возлюбленный мой Партха,
Мысль от сомнения отучит.
Душою слеп, чья самость видит
В самом себе источник действий.
Такой на деле пребывает
У Пракрити* в глубоком детстве.
Она нас к жизни закаляет,
Она воспитывает юных,
Ловушки всюду расставляет,
В своих прокручивая гунах.
Неопытны бывают духи,
Слабы на поле Куру души.
Познай же Пракрити отличие
От бескорыстного Пуруши**.
Она — благая Матерь мира,
Душа вещей и всякой плоти.
Он — дух бесплотный. Оба вместе
Всегда в борьбе, всегда в работе.
Задача гун — вращаться в гунах.

* *Пракрити* — первичная материя, в данном случае материальная практика.

** *Пуруша* — дух. Оба начала, Пуруша и Пракрити, согласно метафизике индуизма, присутствуют и в мужчине, и в женщине.

Их охраняет мира Матерь.
Пуруша к Атману стремится,
Соединившись с Ним в усилиях.
Такой фундамент Мироздания
Со всеми нашими грехами
Оставил нам великий Брахман,
Чтоб Дом достраивали сами.
Чтоб страсти нас не ослепляли
И гуны нами не владели,
Чтоб верность Атману и Богу
Могли бы доказать на деле.
Должны мы совершать деянья,
Лишь выполняя Божью Волю.
Вот почему тебя, Арджуна,
Я вывел к воинскому полю.
Всех, кто хулит Моё ученье,
Законы жизни не приемлет,
Таких Я тоже отвергаю
И возвращаю снова в землю.
Сам никогда их не ругаю,
Хотя подобным не угоден.
Всех прочих бессловесных тварей
Предоставляю их природе.
И ты не осуждай другого,
Каким бы ни был он злодеем.
Опасно собственное сердце
Зловредным отдавать идеям.

Благими мыслями питаюсь,
Не лезь в дела враждебных армий.
Решай свои, как можно, лучше,
Чужой не предавайся дхарме*».

Арджуна сказал:

«Но что людей к грехам склоняет?
Кто разрушает в нас единство,
Творит извечную адвайту,
Кто зла родник, отец бесчинства?»

Господь сказал:

«Во всём, что с миром происходит,
Виновен человеческий Раджас,
Источник чувств неугомонных,
Естественных и безотрадных.
Он — дым, от нас затмивший пламя,
Родник накрывшее корыто.
В мятущемся подлунном мире
Всё вожделением покрыто.
Неуправляемый и жадный,
Он мудрость подчиняет страсти,
Взгляд безошибочного сердца
Туманом заблуждений застит.

* *Дхарма* — закон, начало, ипостась, путь, весьма многозначное понятие, используемое в «Гите».

На беспокойном поле Куру
Ты гуны должен так построить,
Чтоб все их привести в порядок:
Не уничтожив, успокоить.
Один не сможешь равновесье
Установить на поле ратном.
Тебя поддержит мощный Брахман,
Тебе поможет чистый Атман.
С их помощью очистишь сердце
От зла, невежества и лени,
Зарыв губительную яму
Всех ненасытных вожделий».

Глава 4

Господь сказал:

«Из века в век, из юги в югу*,
Я сообщаю йогу людям.
Когда-то все мы знатоками
Её великих истин будем.
Вначале йоге просто верят.
Но в вере множество загадок.
Их разрешая постепенно,
Приводят люди мир в упадок.
Тогда Я вновь и вновь рождаюсь,
Восстановить порядок чтобы,

* Юга — цикл времени, исчисляющийся миллионами лет.

Земную жизнь спасти от смуты,
Распада, бешенства и злобы.
Ты знаешь жизнь, как безусловность,
А Я, — как временную Майю*,
Которую своею силой
Периодически рождаю.
Я много раз являлся миру,
И ты рождался не однажды.
Я знаю все свои явления,
Ты полон их познания жаждой.
Как нерождённый, сущий, вечный,
Я пребываю в каждой твари.
Ты погружён во мрак сомнений,
Я проясняю их, как Хари**.
Немало Мною просветлённых,
Лишённых страсти, страха, гнева,
Очистились лучами солнца,
Украсили земное древо.
Они идут путями жертвы —
Моей излюбленной дорогой,
Которую я называю
Из всех возможных лучшей йогой.
Я жертвой укрощаю гуны,

* *Майя* — иллюзия.

** *Хара* — одно из имён Кришны. Санскритский корень «хар» означает «сносить, переносить, нести». *Хара* — мужская ипостась Верховного Божества, *Хари* — женская ипостась Верховного Божества.

Оковы Раджаса ломаю.
Мне подражая в жизни, йогин
Смиряет собственную Майю.
Приносят богу люди жертвы,
Когда им что-то в жизни надо.
Меня желанья не стесняют,
И потому не жду награды.
Что на земле имеет душу
И существует под луною,
Живое или неживое,
Сотворено когда-то Мною.
Я сотворил четыре варны,
Согласно действиям и гунам.
Однако им не поклоняюсь,
И не подвержен фазам лунным.
Бери с Меня пример, Арджуна,
Твори дела во имя истин.
Я действую не ради выгод,
И ты будь тоже бескорыстен.
Того считаю в жизни мудрым,
Кто действует без личной страсти,
Кому одно известно бремя
Святое бремя божьей власти.
Покуда обуян сомнением,
Пока желанья верховодят,
Ты, мой возлюбленный Арджуна,
Не можешь сердцем быть свободен.

В свой разум, помещённый в сердце,
Стремись внимательно взглядеться.
Там отзвук со-вести услышишь,
Уловишь смысл свершённых действий.
И там Меня увидишь, Партха,
Мои исполнишь предписанья
О долге, действиях, сомненьях,
О всепобедной силе знанья.
Когда ты в жизни всем доволен,
Вне двойственности, независтлив,
Ни к низким чувствам не привязан,
Ни даже к самой малой мысли,
Тогда сведёшь расчёты с кармой,
И наконец свободным станешь,
И счастье завоюешь снова,
И снова к Брахману воспрянешь.
Задача йогина — проникнуть
В секреты жертвоприношений.
Одни хотят такое сделать
Путём молитвенных прошений.
Другие все пять чувств природных
На пламень жертвенный бросают.
Впадают третьи в созерцанье.
Таким путём себя спасают.
Порой ко Мне приносят люди
Предметы — рук своих творенья,
А иногда одни лишь думы

И слов высоких повторенье.
Кто пишет, посылая знанье,
Кто молча поднимает прану*
Ко Мне в недвижной позе «лотос»,
Творя саману и апану**.
Все жертвы в их многообразье
Я принимаю и вкушаю
И через жертвоприношенье
Поклонников преображаю.
И ты иди за Мной, Арджуна,
Вне времени и расстоянья.
И ты моею силой действуй,
Безгрешной силой надеянья.
Почаще задавай вопросы,
Служи исправно и покорно.
И доберёшься до всезнанья,
И докопаешься до корня.
Не ведающий йоги тёмн,
Меня постигший — прям и светел.
Вдыхай же радостным дыханьем
Познания блаженный ветер.
И даже если бы ты, Партха,
Из грешников был самым грешным,
Познанье этой дивной йоги

* *Прана* — жизненная энергия.

** *Самана, апана* — виды дыхательных практик в индуизме, с помощью которых «низшие» энергии поднимаются «вверх».

Страдальца делает успешным.
Добившийся успеха йогин,
Как птица, над грехом летает
И в этом мире, и в загробном
Покой и счастье обретает.
Но пребывающий в сомненьях,
Лишённый знания и веры,
Такой на том и этом свете
Хлебнёт страдания без меры.
Восстань в глазах Моих, Арджуна,
Испепели свои сомненья,
Мечом познания авидью*
Всегда рази без сожаленья!»

Глава 5

Арджуна сказал:

«Ты, восхваляя карма-йогу,
Внушаешь прекращенье действий.
Так, что же лучше — недеянье
Или свершенье дел? Ответствуй».

Господь сказал:

«И дел свершение, и йога
Приводят человека к благу.

* *Авидья* — незнание.

Но всё же карма-йога лучше:
Рождает в воине отвагу.
Я называю отрешённым,
Того, кто овладел искусством,
Не уступил ни пяди в сердце
Дурным сомнениям и чувствам.
Небезопасен путь познания,
Трудны военные дороги.
Себя, Арджуна, совершенствуй,
Как мощный лев и тонкий йогин.
Будь крепок телом, безрассуден,
В делах и мыслях безупречен.
И обретёшь Мою поддержку,
И будешь Брахманом отмечен.
Моим огнём очисти сердце,
Введи в него полнее разум.
Почувствуй душу всякой твари —
И станешь, действуя, не связан.
Подумай: “Он всех дел вершитель,
Я лишь свидетель Его воли.
Дыша, ходя, рождая мысли,
Меч обнажая в этом поле,
Или моргая, или слыша,
То Он — во мне, я — только пленник,
Присутствующий поневоле
Во всех предметах и явлениях.
Сам по себе в подлунном мире

Гроша последнего не стою.
Но с Ним цвету, как чудный лотос,
Не смоченный греха водою”.
Меня в делах и чувствах помни,
Ко Мне направь святое рвенье.
Отвергнувший узду желаний,
Получишь умиротворенье.
А коль останешься вне йоги,
Тебя отправит раджас к смутам.
И в этом, и в грядущем мире
Грехом окажешься опутан.
Не обвиняй Природу в бедах:
Её удел нам неподсуден.
Всё непотребное на свете
Творят во зле слепые люди.
Восстань из слепоты, Арджуна,
Позволь быть гунам в их вращенья,
Сам становись на путь познания,
Иди тропой невозвращения.
Идущему путём познания
И ночью блещут светозары,
Такой успешно разрывает
Оковы губительной сансары.
Он удовольствия не ищет,
Беда приходит — не горюет,
Брахмана чаще вспоминает.
С собой, невеждою, воюет,

Себя не связывает с миром,
Предметную не ждёт награду:
Кармический платёж исполнив,
Находит в Атмане отраду.
Поскольку за любой усладой
Приходят беды и страданья,
Мой сын и настоящий йогин
Ни в чём не ищет обладанья.
Он терпит в этом смертном теле
Дары и боль невозмутимо,
Не раз пятёркой чувств почуяв,
Что всё течёт куда-то мимо.
Ему знакома также радость,
Хранящаяся неизменно
В глубинах сердца. Это чувство
Не знает ни беды, ни тлена.
Стремись, мятущийся Арджуна,
Найти своё успокоенье,
Твоя единственная радость —
Святого долга исполнение.
Кто внешнюю постиг адвайту,
Тот лечит внутренние раны.
А главное: тот достигает
Здесь, на земле, Брахманирваны.
Путь до неё не так уж долог,
Тому, кто победил желанья,
Кто Атмана к себе приблизил

Непобедимой силой знания,
Кто отвратился от предметов,
Ушёл в себя, загих устами,
Апаной* вверх направил прану,
Между бровями взор уставив,
Кто сердцем усмирил все страсти,
Душой — явления природы.
Таким тебя, Арджуна, вижу,
Такой достоин ты свободы.
И ты, во всём Меня лишь видя,
Иди упрямо, без оглядки.
И обретёшь свою победу,
И удостоишься самадхи.

Глава 6

Господь сказал:

«Не нужен никому на свете,
Кто жертву Агни** не приносит,
Такой в раздумьях и поступках
Меня лишь о поддержке просит.
То, что зовётся “отрешённость”,
Есть, Мой Арджуна, та же йога —

* *Апана* — здесь: задержка дыхания, с помощью которой йогин добивается наилучших энергетических результатов.

** *Агни* — огонь, энергия.

У действия и размышленья
Должна быть общая дорога.
Стремясь достичь вершины йоги,
Мудрец в деянье видит средство,
Достигнув цели, недеянью
Безмолвно уступает место.
Он о плодах уже не мыслит,
К успехам прошлым равнодушен,
Привязан к новым горизонтам
И зовам будущим послушен.
Высоких струн в душе коснёшься
Иль низкие в себе затронешь...
(Речь о тебе веду я, Партха)
Возвысишь долг или уронишь?!
Кто победил себя собою,
Себе же делается другом,
Но если над собой не властен —
Всем человечеством поруган.
Высокий Атман* там проявлен,
В ком уничтожена авидья
С адвайтой вместе, кто без страха
Живёт, ничто не ненавидя.
Кому-то поле Куру — битва,
Кому-то — злачная долина.
А нам, всему познавшим цену,
Равны и золото, и глина.

* *Атман* — наивысшее начало в человеке.

Тебе уединенье люблю
На коврике из куши* тканной.
Ты в медитациях искусен,
И значит — под Моей охраной.
На Мне сосредоточь все мысли,
Душой тверди Моё лишь имя —
И станут сиддхи** славных предков
Твоими кровными родными.
Будь верен до конца обетам,
Которые давал в начале,
Особенно, когда поклялся
Не измениться в брахмачарии***.
Мой йогин не передает
И не лишает тело пищи,
Спит столько, сколько ему нужно,
Короче, в жизни меру ищет.
Но устоит и в искушенье,
И в зное, и под буйным ветром.
Он маленькой свече подобен
В её сопротивленье светлом.
Находит наслажденье в йоге,
Когда уходит тьма из сердца.
Упрямо будит спящий Атман,
В нём находя единове́ра.

* Сорт травы, из которой плетут коврики.

** Сиддхи — духовные достижения.

*** Буквально — духовное ученичество, здесь — половое воздержание.

Ключом любви открывший Атман
И в созерцанье, и на деле,
Нашедший, наконец-то, счастье,
Добившийся желанной цели,
Он никогда не возгордится
И не предастся тяжкой скорби —
Продолжит путь бесстрастной йоги,
Блаженные отыщет корни.
Усилие доступно сердцу:
Избавь себя от лжи и скверны,
Дай истине проникнуть в душу,
А уж потом учи неверных*.
Всё, сказанное Мною выше,
Есть правда жизни, йоги тоже.
Держись за правду, и сегодня
Она одна тебе поможет.
Туману сам не поддавайся
И не води другого за нос.
Для этого рукою твёрдой
Попридержи текучий манас**:
Бывает чересчур подвижен,
Ввергает сонный Атман в беды.

* Почти дословная переключка с Кораном: главный джихад (усилие) — убить неверие сперва в себе, а уж потом — неверного.

** Здесь «манас» как «низшее» сердце, склонное к двойственности.

И в этом тоже искус йоги
И основание победы».

Арджуна сказал:

«Ты проповедуешь ученье,
Где основанье сердца ровность.
Я в этой разглядел опоре
Непостоянство и греховность».

Господь сказал:

«Но это так и есть, Арджуна:
Изменчив манас, беспокоен.
Но только усмиряя сердце,
Ты своего добьёшься, воин.
Любовь без дела, в созерцанье —
Удел болеющих и сирых.
Достигнуть истины не может,
Кто обуздать себя не в силах».

Арджуна сказал:

«Допустим, небольшой подвижник
Не обладает сильной верой,
Не совершает славных действий,
Какой его оценишь мерой?
Падёт ли лепестком на землю,

Как расцветающая вишня,
Или, Брахмана не достигший,
Навеки сгинет? Молви, Кришна.
Меня терзают днём и ночью
Неразъяснённые вопросы.
Прошу, ответь, о Многорукий,
Молю тебя, Солнцеволосый!»

Господь сказал:

«Тебе, мой сын, скажу и людям,
Вы только этому поверьте,
Ни на Земле, ни в Ином мире
Не существует вовсе смерти.
Хотя и коротко бывает
Существование земное,
Дурной конец не предусмотрен
Ни Брахманом благим, ни Мною.
Пройдя несчётные рожденья
И бесконечные дороги,
Родится снова в лучшем Доме
Заблудший в этой трудной йоге.
Так вспыхивает свет сваямбху*
Из жизни в жизнь, из тела в тело.
Жизнь не имеет окончанья,

* *Сваямбху* — самопорождённый огонь, энергия. Наглядный пример — пламя, вспыхивающее внезапно в пасхальную ночь в Иерусалимском храме.

Как Мироздание — предела.
Как все нелёгкие заслуги
Из предыдущего рожденья,
Как постепенно исчезают
Кармические заблужденья.
Наполнись радостью, Арджуна, —
Твои грехи граничат с болью.
Их раствори на поле Куру,
Моею силой и любовью».

Глава 7

Господь сказал:

«В Меня проникнув чистым сердцем,
Благое совершая дело,
Ты, Партха, Истину познаешь
И суть Мою поймёшь всецело.
Средь тысяч по земле идущих
Едва ль один ко Мне шагает,
Из устремлённых к совершенству
Его лишь редкий достигает.
Земля, вода, огонь и воздух —
Мои стихии, как и манас.
Совместно с буддхи и пространством
Они в нас представляют самость.
И это тоже грани правды,

Такая правда восьмерична* —
Всё видимое иллюзорно,
Конечно, знаешь это лично.
Так знай же суть Мою иную,
Она не двойственна, не лжива —
То существующий у тварей
И взгляду недоступный джива**.
Весь мир — игра его явлений,
За ними — Я. Игра такая
Людей смущает повсеместно,
Из ниоткуда возникая.
Я выше всяких игр, Арджуна,
Являю суть, а не накидки.
Ведь этот мир на Мне нанизан,
Как горсть жемчужная на нитке.
Я — вкус воды, сиянье солнца,
Звучанье Ом — святого слога,
Незабываемые Веды,
Неподдающаяся йога.
Я — поля Куру чистый запах,
Я — пламени живое свойство
Наказывать везде злодейство
И всюду прославлять геройство.
Я — прорастающее семя

* Здесь возникает произвольная аналогия с восьми-конечным крестом — символом Православия и Истины.

** *Джива* — вечноживое существо.

Во всём живом и очень разном,
Я — разум в существах разумных,
Я — красота во всём прекрасном.
Я — непреклонность самых сильных,
Страстям высокая плотина,
И даже в людях вожделье,
Покуда дхарме не противно.
Тригуны: саттву, раджас, тамас —
Я тоже подарил Природе.
Они владычествуют всюду.
Однако Я от них свободен.
Есть те, кто ищет в Моих гунах
Добро и зло — сам путь стесняет.
Мне из поклонников дороже
Тот, кто стесненью цену знает.
Узду свою Я сам покинул,
Мне чувств обуздывать не надо.
Сокрыт в своём непрявленье,
Не знаю рая — значит, ада.
Кто знанье раджасом разрушил,
Творит обряды, чтит привычки,
Богам и демонам вручает
Самим придуманные клички,
Я и таким прощаю тамас,
Снабжаю преподобных верой,
Лишь бы владели здравым смыслом
И в действиях разумной мерой.

Известен мне из всех живущих
Любой мудрец и каждый ракшас*.
И тот, кто в будущем родится,
Почувствует Кешаву также.
Я вечен для людей, Арджуна,
Ступай со Мной на подвиг ратный!
Ты, верю, Брахмана достигнешь
И состояния Адхьятмы **.
Пусть даже сердце твоё вспомнит
Мои наказания в час последний,
Мы не расстанемся с тобою
На поле Куру, мой наследник».

Глава 8

Арджуна сказал:

«Как Бога проще именуют?
Дела свершая в присной жизни,
Как двери отворить в иную?
Когда в обыкновенном теле
Бог неприметен и не узнан,

* *Ракшас* — демон.

** Буквально — состояние «сверхатмы», или «сверхйюги». С его их помощью йогин входит в самадхи. Этот древнейший йогический термин индуизма соответствует ныне сохранившемуся буддийскому понятию Нирваны.

Как зреть Его в часы ухода
Тому, чей нрав давно обуздан?»

Господь сказал:

«В нас Брахман — высшее начало,
Проявлен через душу в людях.
Описывать Его не стану —
Могу увязнуть в словоблудьях.
Адхьяджня* — означает “жертва”,
Она собою жизнь содержит.
Хранит нас жертвоприношение —
Изменчивого мира стержень.
Кто обо Мне лишь размышляет,
Когда он расстаётся с телом,
Тот в бытие Моё приходит
За этим, жизненным пределом.
Не рой сомненьями, Арджуна,
Себе до времени могилу.
Ты до конца не представляешь
Животворящей мысли силу.
Держи Мой облик постоянно
И в сердце, и перед глазами —
И просветление наступит,
И Божий выдержишь экзамен.
Между бровями взгляд направив,

* Буквально — «свержертва».

Удерживая в сердце бхакти*,
Попробуй день пробыть хотя бы
В таком благословенном акте.
Не забывай про ОМ священный,
Тверди его, шепчи всечасно,
Умешь — повторяй безмолвно,
Самозабвенно и бесстрастно.
Ищи Меня среди сансары,
Как это делали махатмы**,
Цепь безотрадных воплощений
Преображая в труд и факты.
Над всем, что видимо в сансаре,
Есть непроявленное Нечто.
Оно приходит и уходит,
Присутствуя повсюду вечно,
Как день и ночь, сезонов ритмы,
Как эта жизнь и жизнь другая,
По виду сильно отличаясь,
По сути, к счастью подвигая.
Суть воплощенья очевидна —
Сближенье явного с неявным.
Понятно жертвоприношенье —
Потеря и находка в Главном...

* *Бхакти* — духовная любовь. В отличие от кама — по-
ловой любви. В индуизме есть и Према — высшая степень
любви к Богу.

** *Махатма* — великая душа.

Конец приходит и сансаре,
День Брахмана не вечно длится.
Ночь воцаряется над миром.
Из виду исчезают лица.
Но Жизнь жива: меняя лики,
Уходит светлый, тёмный входит.
Задача наша — не поддаться
Ни безразличью, ни погоде.
Задача йогина — работа,
А не мечты о вечном рае.
Он продолжает йогу действий,
Живя и в храме, и в сарае.
Так упражняй в себе, Арджуна,
Судьбу и душу, плоть и сердце.
Уж если на земле родился,
От долга никуда не деться».

Глава 9

Господь сказал:

«Ещё одну большую тайну
Ты знать обязан, воин верный.
Тем знанием и применением
Мы очищаемся от скверны.
Моё познание — законно,
В нём нет ни магии, ни тягот.

Надеюсь, ты его постигнешь,
Не ждущий в жизни сладких ягод.
Несчётно лет в сансаре бродят
Мне не внимающие люди.
В кольце невежества и злобы
Они, увы, бесплодно блудят.
Весь этот мир пронизан Мною,
Но в нём не явлен образ Кришны.
Хотя для ныне воплощённых
Я — бог богов и сам Всевышний.
Всех к этой жизни вызываю
И в Непроявленное прячу.
Ты спросишь, как, Меня не видя,
Живущему решить задачу.
Отвечу: вездесущий вайю*,
Что в мировом пространстве веет,
Везде разносит Мои вихри
И семена познания сеет.
Все существа земли, Арджуна,
Ко Мне, как к Пракрити, стремятся
И даже, зная, что погибнут,
Любовью чувственной томятся.
Но сам Я камою** не связан,
Хотя влеченья порождаю.

* *Вайю* — ветер. В данном случае — эфирный способный передавать информацию.

** *Кама* — плотская любовь, страсть.

И отказаться от Природы
Томящихся не вынуждаю
Моё стремление — свобода.
Как Манас*, к Брахману стремится
И мной рождённая Природа.
Вот Моя сущность, о которой
Презрительно галдят невежды.
Им настоящая свобода
Перечеркнула все надежды.
Свобода — это труд и Санкхья,
Свобода — это свет культуры.
Её блаженство не познают
Лентяи, ракшасы, асуры**.
Меня махатмы почитают,
Которым Я надёжный фокус***.
Когда-то ведь и им придётся,
Меня сменив, возглавить Логос.
Я солнце закрываю тучей
И делаю его неясным.
Единый даже верным бхактам,
Являюсь им разнообразным.
Земного мира созидатель,
Его опора, и целитель,

* Имеется в виду высший аспект Манаса.

** Буквально — «не-боги».

*** Намёк на то, что Кришна считал себя лишь «заместителем» Брахмана, в христианском смысле — Логосом.

Кто духов чтит — уходит к духам,
В края отцов — кто предкам предан,
К богам — их любящие, к Правде —
Мои поклонники. Я — к Ведам.
Для знающих Я — дух творящий,
Земная вечная держава.
Для остальных — иконописный,
В коляске едущий Кешава.
На самом деле Я — свидетель
Всего, что есть, и жизни прибыль.
Её устойчивое семя
И неперменная погибель.
Я — то, что Брахманом дано нам:
Земля, Огонь, Вода и Воздух
И бездна, что от нас сокрыта,
Когда сияет небо в звёздах.
О Дэвачане* молят люди,
Несут дары, вкушают сому**.
Дарю им рай, но возвращаю
На землю к Авичи*** родному.

* Дэвачан — обитель богов.

** Сомы — ритуальный напиток в ведийской и древнеперсидской культурах.

*** Авичи (санскр. *Avīci*) — непрерывный ад, последний из восьми адов, где преступники беспрестанно умирают и вновь рождаются — но всё же не без надежды на конечное спасение. Слово «родной» по отношению к авичи подчёркивает тот смысл, что ад есть творение не богов, но человека.

Так образована сансара
На принципе чередований,
Чтобы испытанного бхакта
К желанной привести Нирване.
Она не лоно удовольствий,
Не бедные утехи рая —
Но радость творчества и боя,
Служенье Атману без края.
Оно доступно лишь немногим.
А почему, Мой бхакт примерный?
Не скрою от тебя, Арджуна,
Труды и жертвы — непомерны.
Я к ним привычен, как источник.
Незнающий всю жизнь страдает
От слишком долгого служенья
И очень часто отпадает.
Я не могу судить отпавших,
Как, впрочем, безрассудно чтущих
И пребывающих на небе,
И на земле ещё живущих.
У всех, кто Мне приносит вещи,
Цветы, плоды или прошенья,
Подарки сердца принимаю —
Любви святые подношенья.
Так цепи кармы нашей рвутся,
Плоды деяний злых и добрых.
Когда-нибудь и ты, Арджуна,

Приобретёшь Мой тайный облик.
Нет для меня в подлунном мире
Ни ненавистных, ни любезных.
Весь мир делю на работающих
И для работы бесполезных.
Труд над собой считаю главным,
И самым долгим, самым трудным.
Однако, несмотря на это,
Доступным женщинам и шудрам*,
Не говоря уж о браминах,
Царях великих, мудрых старцах
Кто до последнего мгновенья
Сумел невежеству не сдаться.
В грядущем все Меня воспримут
Не как Всевышнего — как Друга.
“Когда?” — ты спросишь. — Так отвечу:
Когда начнётся Сатья-юга**.
Дерзай же, знаменитый воин,
Сумевший сделаться брамином.
Соединись со мною сердцем —
И станешь, как и Я, Единым».

* Шудра — низшая из четырёх варн (каст) в Древней Индии.

** Сатья-юга — век истины. Между прочим, обещанный в будущем под разными названиями как основателями мировых религий, так и предсказаниями пророков.

Глава 10

Господь сказал:

«Меня послушай дальше, Партха,
Узнаешь важные идеи.
Их сообщаю, потому что
О будущем твоём радею.
Источник тайн Моих неведом
Ни малым людям, ни великим.
Принадлежу к саморождённым
Сам положил начало ликам.
И сравнивать Меня не нужно,
Мол, из творцов Он самый лучший:
Из смертных, даже из бессмертных
Один, быть может, не заблудший...
Я — мудрость, знание, рассудок,
Терпенье, праведность, старанье,
И боль, и радость, и рожденье,
Бесстрашие, и умиранье,
Покой, довольство, всепрощенье
И огненный порыв к работе.
Близки любые состоянья,
И все дела Меня заботят.
Что предстоит в грядущем, прячу,
Нагнал на прошлое туману.
Дал миру семерых пророков

И четырёх великих Ману*.
Кто знает все Мои явленья
И действует со Мной по сути,
Не даст ни в действии, ни в йоге
Напрасно сгинуть ни минуте.
Но, утвердив на Мне дыханье,
Взаимно обогрев друг друга,
Взлетит над миром силой йоги,
Не глядя, где какая юга»**.

Арджуна сказал:

«Источник необъятных знаний,
Одетый в тело человека
И по земле идущий с нами,
Тебя пророки именуют
Отцом Земли и всех религий.
Яви мне, если согласишься,
Иные жизненные лики».

* *Ману* — законодатель земного круга. Титул, которым в текстах индуизма называют прародителя человеческого рода. Ману — это также первый царь, правивший землёй и единственный человек, спасённый Вишну от всемирного потопа. Ману обладают великим благочестием и мудростью.

** Т. е. человек способен в принципе повелевать временем и пространством.

Господь сказал:

«Согласен! О своих вибхути*
Тебе поведаю, пожалуй.
Не обо всех, но лишь о главных,
Узнаешь всё по части малой.
У человека пребываю
Я в сердце. Здесь Моё жилище.
Тем более, когда хозяин
Своего дома правду ищет.
Зовусь среди адитьев** Вишну,
Среди светил небесных — Солнце,
У демонов Я самый главный,
А у ослепших — свет в оконце.
Я слабым посылаю силу,
Утратившим надежды — веру.
Среди стихий Мне любо море,
Среди вершин высоких — Меру***.
Я радуюсь шагам разумным,
О тупость человечью ранюсь.
Среди богов мне ближе Индра****,

* Священный пепел, предмет разных манипуляций алхимиков Индии. Здесь это слово употреблено в значении отпечатка Кришны.

** *Адитьи* — в индуизме группа божеств, сыновья Адити (санскр. *Aditi* — букв.: «бесконечность») и мудреца Кашьяпы.

*** *Меру* — гора богов.

**** Один из важнейших богов ведического пантеона.

В устройстве человека — Манас.
Средь букв считаю «А» важнейшей,
Из главных звуков — ОМ звучанье.
Дух Гималаев почитаю,
Дышу их снежными лучами.
Я — цель твоей, Арджуна, жизни
И ось всеобщей круговерти,
Стремленья к со-вести, к свободе
Навстречу Яме — богу смерти.
И изо всех его орудий
Предпочитаю вспышку ваджры*:
Она мгновенно прекращает
Мученья робких и отважных.
Как видишь, призываю всяких
Не к тёмной гибели, но дальше —
Покинуть дымную завесу,
Уйти от низости и фальши.
Зачем нам знать, какими станем
В ближайшем будущем, подробно?
Обличье может измениться,
Душа останется подобной.

* *Ваджра* (санскр. букв. «молния») — ведическое оружие. Некоторые комментаторы, естественно, не принадлежащие к учёному академическому кругу, полагают, что задолго до н. э. древние владели секретами ядерного оружия. Ваджра, по их мнению, представляла именно такой тип оружия.

Над нею даже Я не властен.
Над ней нужна своя победа».

Так между Кришной и Арджуной
Прошла десятая беседа.

Глава 11

Арджуна сказал:

«Ты тайны дивные поведал
И объяснил миров основу.
Душой вникая в объясненья,
Я принимал к любому слову.
Теперь же, разобрав сомненья
И показав грехи авидьи,
Яви невиданную милость —
Твой образ цели кому видеть».

Господь сказал:

«Ну что же, Я в тебя забросил
Целебного сознанья семя,
Так полюбуйся скорлупою —
Моими ликами. Не всеми.
Тем более, простому оку
Вид может показаться тесным.

Могуществом Мне данной йоги
Я глаз твой делаю чудесным».

Так молвил. И Арджуна видит,
Как ангелов возникли сонмы,
Как вещи все вокруг поплыли,
Светлы, прозрачны, невесомы.
Как человек, что находился
В военной колеснице рядом,
Внезапно в Бога обратился —
Не охватить Кешаву взглядом.
Как солнце бы тысячекратно
Раздвинуло границы разом,
Так всё пространство поля Куру
Преобразил Господний разум.
Глаза солдат вдруг загорелись,
Мечи сверкнули, луки, кони...
И поклонился Партха Кришне,
На сердце возложив ладони.

Арджуна сказал:

«Я слышу ангельские флейты,
Я чую запах благовоний
Богов, а с ними вместе Брахман
На облачном открылся фоне,
Многоутробный, многорукий,
Вмещающий богов и вещи,

Внушающий всему на свете
С благоговеньем страх зловещий.
Никто на все Твои движенья
Не может поглядеть без дрожи.
Смыкают тотчас люди веки,
Я, твой поклонник давний, — тоже.
Твои клыки не знают гнева,
Им незнакома также жалость.
Всё, что когда-то в мире было,
С забвением перемешалось.
Растишь бесчисленные толпы
И косишь, света их лишая.
Они в Твою уходят бездну,
Юдоль слезами орошая.
Немногие Владыку славят
За это всё по доброй воле.
Скажи, зачем меня привёл Ты
На это гибельное поле?»

Господь сказал:

«Я многих, что на поле видишь,
Намерен в битве уничтожить.
Зачем? Чтоб тьму вокруг рассеять,
Зло истребить и свет умножить.
Так рядом встань со Мной, Арджуна!
И заверши святое дело.

Я уничтожил вражьи души.
Добей отныне вражье тело!»

И Партха вновь сложил ладони,
На этот раз, как будто каясь,
Громогосому соседу
Ответил, тихо заикаясь.

Арджуна сказал:

«О Кришна, восхваляя Бога,
Весь мир трепещет и ликует;
А ракшасы* бегут в испуге:
Их сердце только паникует.
Ты явь и небыль. Свет и ужас.
И Красота. И злые рожи.
И то, что разум человечесий
Представить никогда не может.
И как же мне Тебя не славить?
Ты выше Брахмана и мира.
Подобного Тебе, Владыка,
Земля не видела кумира.
Ты — Первобог и Зачинатель!
Губитель и добра обитель!
И несравненный Расточитель!
И величайший Накопитель!

* Ракшасы — демоны.

Ты — Ваю*! Яма**! Жгучий Агни***!
И Света вечного держава!
И неизменный Праджапати****!
Шепчу: Хвала Тебе и слава!
И если раньше по незнанию
Говаривал порой: “Дружище...”,
Прости за панибратство, Кришна,
Вселенской святости жилище.
Прости меня, коль чем обидел,
Наверно, что житейским взглядом.
Я Беспредельность не увидел
За этим простеньким нарядом.
Глаза мои вместить не могут
Проявленного безграничья,
Твоих чудовищных явлений
И несравненного величья.
Дай мне возможность не ослепнуть,
Передохнуть в душе надежде.
Взываю, плачу, умоляю:
Явись, каким бывал Ты прежде».

* *Ваю* — бог воздуха и ветра.

** *Яма* — бог, отказавшийся от своего бессмертия и совершивший первое жертвоприношение (самопожертвование), которое стало основой возникновения мира и человечества, царь загробного мира.

*** *Агни* — бог огня.

**** *Праджапати* — метафизический прародитель всех богов. В Ведах — божество, связанное с деторождением, с зачатием, бог, породивший мир от своего семени.

Господь сказал:

«О мой Арджуна! Ты увидел
Невиданную силу йоги.
Такое людям недоступно,
Такое знают только боги.
Ни многочисленные мантры,
Ни совершённые обряды,
Конечно, повторить не смогут
Тобой полученной награды.
Не может обрести и Тапас*
Того, что видно тобою.
Я показал Себя, о Партха,
Готовя к длительному бою
С твоим мятущимся сознанием.
Привёл тебя на это поле,
Чтоб, наконец, обрёл свободу —
Не сам собой, так поневоле».

И сразу ужасы поникли,
И солнца появился проблеск.
Открыл глаза свои Арджуна,
И Кришна принял прежний облик.

* *Тапас* — йогический «разогрев» сердца. В древнеиндийской мифологии — космический жар как универсальный космогонический принцип, лежащий и в основе мироздания, и в основе религиозного благочестивого поведения.

Арджуна сказал:

«Неведомые прежде лики
Явили жар невыносимый.
Но человечесий облик кроткий
Вдохнул неслыханные силы».

Господь сказал:

«Высокое благоволенье
Меня увидеть позволяет
И в плоть земного человека
Дары небесные вселяет.
Дерзай, ко Мне лишь устремляясь,
Мой сын Арджуна, рви все цепи! —
И так, назад не озираясь,
Достигнешь высочайшей цели».

Глава 12

Арджуна сказал:

«Твой образ, Кришна, зажигает.
Он — искра дремлющему жару.
Скажи, что больше ценишь в людях,
Крутой огонь или Акшару*?»

* *Акшара* (санскр. букв. «неразрушимый») — непроявленная вечность. В философии — сущностное свойство Брахмана — нетленность.

Господь сказал:

«Кто сердцем Моего — коснулся,
Открыл ларец сердечных молний,
Тот ближе к вечному служенью,
Моим огнём сосуд наполнив.
Но чья духовная дорога
Толпе не явлена, незрима,
Того растрата сил на гласность
Проходит, не касаясь, мимо.
Он все растрчивает силы
На обузданье и служенье.
Мне тоже радость посвящает,
Во Мне находит утешенье.
Но всё же поиски Акшары
Не устранят привычных тягот.
Потом, быть может, большим грузом
На плечи труженика лягут.
Исчезновенье зримой цели
И непроявленные лики
Свои долги душе предъявят,
Потребуют трудов великих.
Ко Мне стремящегося сердцем,
Я сразу же, без промедленья,
Лишу возможности родиться
И долговременного тленья.
На Мне сосредоточься, Партха,

Меня возьми мерилом чести.
И ты со временем обитель
Найдёшь, где Я, на том же месте.
Когда же мысль сосредоточить
На Мне не можешь до предела,
Тогда попробуй йогу действий,
Затей во имя Кришны дело.
На йогу действий не способен —
Возьмись за йогу недеянья,
В конце концов, я добиваюсь
Лишь совершенства состоянья.
Оно не знает остановки,
Всегда в боренье и в теченье.
Запомни, мой любимый воин:
Наступит время Отреченья
От всяких йог, плодов и практик,
От дел бесплодного мерцанья,
И от молитвенных воззваний,
И от пустого созерцанья.
Довольный всем, всегда успешный,
Далёкий от любых раздоров,
Разумный, щедрый, милосердный,
Такой, Арджуна, ты Мне дорог.
Мне дорог тот, кто не терзает
Ни человека, ни безгласных,
Кто даже в мыслях не позволит
Причиной стать для дел опасных.

Свободный, чистый, отрешённый,
Готовый к состраданию людям —
Таков мой бхакт. И мы, Арджуна,
Молюсь, такими да пребудем!»

Глава 13

Господь сказал:

«Любое наше тело, Партха,
Принять за поле Куру можно.
И эту истину простую
Усвой всем сердцем и надёжно.
“Я есмь” — вот то, что ты обязан
Душе своей сказать однажды,
Под “я” Меня в виду имея
И ощущение вечной жажды...
Какое Поле, “я”* откуда?
В чём ощущение жажды вечной?
И как хранить такое чувство,
В круженье жизни быстротечной?
Многообразно это чувство
Его воспели в Ведах риши**,

* Имеется в виду «я» малое — атрибут личности. Среди поэтических памятников древности «Бхагавадгита» — первый, где чётко проведено различие между «Я» божественным и «я» личным в каждом из нас без исключения.

** *Риши* — выдающиеся мудрецы, провидцы.

В немногословных Брахма-сутрах*
Сердечный отзвук чётко слышен.
В нас Сердце — главный орган мысли.
А все пять чувств и Аханкара**
Суть “пастбища” и отпечатки
Его таинственного дара.
Желанья, страсти, радость, боли
И совершаемые жертвы,
И непреклонность твёрдой воли —
Вот достоянье личной кшетры***.
И то — немало, чтобы в жизни
Взгляд утвердить нелицемерный:
Терпенье, честность, верность гуру
И независимость от скверны.
Что Я в тебе? Познание Сути.
И отвращенье от мельканья.
Уменье выслушать любого
И не вступать с ним в пререканья,
Ведь Брахман пребывает в каждом
И тоже ищет, часто тщетно.

* *Брахма-сутры* — краткие религиозные наставления, сделанные на основе Вед и Упанишад.

** *Аханкара* — человеческая личность.

*** *Кшетра* (санскр. «поле») — священная территория, священное поле, может означать место, где есть священный храм или которое связано с особой или событием священной, религиозной или дхармической важности. В данном случае слово употреблено в значении «личная судьба».

Сумей помочь Его стараньям.
И сделай это незаметно.
Как Он, мы смертны. Он бессмертен.
Он — кучер. Мы — Его телега.
Внимательно следит возница
За каждым поворотом эго.
И поднимает кнут страданья,
Коль не туда несут колёса.
Кому? За что? Какая мера?
Не стоит задавать вопроса.
Мы все — одно большое тело
И Мною бьющееся сердце.
От общих радостей-печалей
На свете никому не деться.
“Я есмь” — такое ощущение,
Причастное ко всем страданиям,
Опорой видимому служит
И перед Богом оправданьем.
Я разнолик, многообразен
И всё охватываю разом.
Но никому не подотчётен,
Поскольку с Бытием не связан.
Отец существ внутри и внешне,
Я им на йоту не подвластен.
Во мне и гуны не имеют
Ни безразличия, ни страсти.
Как Пракрити и как Пуруша,

Я в этом мире безначален
И бесконечен. Это значит,
Что Я, как солнце, беспечален.
“Я есмь” — такого состоянья
Достичь способен каждый йогин,
Чья вера в Бога несломима,
А дух готов к сраженьям многим
Я достигим и через Санкхью,
Через дела и надеянье.
Цена вопроса — лишь упорство,
Мне безразличны одеянья.
Во всех сокрыта искра Божья,
Порой свеча и редко факел.
Гораздо чаще серый пепел
И опустившаяся накипь.
Восстань же из неё, Арджуна!
Ещё темно и путь несладок.
Не дай в себе подняться пене,
Но и не выпади в осадок.
Поднимется над Курукшетрой
Весенний день в сиянье строгом.
Твоя судьба на этом поле
В слиянье с Истиной и с Богом.
Останешься живым в сраженье —
Узнаешь сладкий вкус победы.
Падёшь, чужой стрелой пронзённый,
Тебя в веках прославят Веды.

И попадёшь ко Мне на встречу
В том мире, вечно незакатном,
Где светит днём и ночью Брахман
И правит собственный наш Атман».

Глава 14

Господь сказал:

«Теперь, Арджуна, внемли Слову,
Что называю высочайшим;
Хотя небесную Амриту*
Не доверяю смертным чашам.
На это знание опираясь,
Ты можешь землю под луною
Покинуть и к мирам под солнцем
Навеки улететь со Мною.
Моя природа — вечный Брахман,
Я семя в Пракрिति влагаю:
Даю начало всякой жизни,
Она же не всегда благая.
Из Пракрिति рождаются тотчас
Три гуны — саттва, раджас, тамас.
Они завладевают телом
И сковывают чуткий Манас.
Из трёх — у саттвы лучший норов,

* *Амрита* (букв. «неумирание», «бессмертие») — слове индуизма означает «напиток богов».

Она полезна для здоровья.
Но, будучи порой пристрастной,
Грешит навязчивой любовью.
У раджаса свои напасти —
Нас подчиняет вожделеню.
Тяжеловесный в чувствах тамас
Поступки связывает ленью.
Когда слабы второй и третий,
Тогда в нас саттва возрастает,
Уходят шоры с глаз и сердца,
И ясность силу обретает.
Но если в жилах кровеносных
Чрезмерно укрепился раджас,
Внедряется в нас суетливость,
Душой овладевает жадность.
Когда же тамас в сердце тушит
Огонь поступков и желаний,
В земле сгнивает их хозяин,
Совсем покинутый делами.
Миров безгрешных достигает
Идущий к смерти воплощённый,
Когда царит в нём гуна саттва,
Спокойный, радостный, прощённый.
Кто в раджасе кончину встретит,
В кармических возникнет лапах,
Повоевать придётся крепко.
Судьба такого — не для слабых.

Кто тамасу свой жребий вверил,
Не го́ж ни драться, ни трудиться,
Судьба ослепшего такого —
В нечистом лоне возродиться.
Но если этим властным гунам
Окажешь противостоянье,
Тебя за гробом ожидают
Моя судьба и состоянье».

Арджуна сказал:

«Скажи, Владыка, что за свойство
В нас гун господство превышает?
Откуда в них такая сила?
И что их победить мешает?»

Господь сказал:

«Нас вдохновляет сила Знания,
За ними — предрассудки множеств.
Вот почему мы превышаем
Сопротивление ничтожеств.
Нас гавань счастья не волнует,
Не поколеблет и несчастье,
Мы позволяем гунам в гунах
До смертных судорог вращаться.
Но сами к нашей вечной сути
Не разрешаем прикоснуться,

Надеемся не возвратиться,
Под новою звездой проснута».

Глава 15

Господь сказал:

«Есть дерево, зовут Ашваттха*,
Оно растёт корнями кверху.
Его листвою считают Веды,
А Веды укрепляют веру.
Иные корни вниз спустились,
Переплели дороги кармой...
Вот, Партха, в двух словах причина
На поле Куру стычки армий.
Я вслушиваюсь в зовы Неба,
Противник думает иначе...
У Кауравов и Пандавов
Стоят различные задачи.
Ты опираешься на веру,
Они — на гуны и сраженье.
Мне бы хотелось вам обоим
Внушить идею отрешенья:
Служить, как дерево Ашваттха,
Мирам вверху и под луною,
Соединяя оба мира

* *Ашваттха* (букв. «конная привязь») — «Древо жизни», фигурирующее во многих религиях.

С пока недостижимым Мною.
Я вас освободить стараюсь
От грозных ужасов сансары,
Ввести в миры без потрясений,
Где пребывают Светозары*.
Я в мир богов веду всех смертных,
Где вечен труд и наши души.
Веду путём Невозвращения
И к высочайшему Пуруше,
Туда, где джива независим
От воли гун, страданий тварных.
Одно условие при этом —
Долгов не делать лишних в варнах.
И у долгов на строгой страже
Мои советы и Заветы.
Хранят и следуют им муни**,
Их выполняют все аскеты.
Сияет ли на небе солнце,
Иль месяц озаряет тучи,
За очевидностью — Мой Агни***,
Благословенный и могучий.
Он всё на свете проникает,
Он движет Жизнь в телах и в духе,

* Божественные сущности. Этот образ из ведического словаря перекочевал впоследствии в славянское язычество и стал мужским именем.

** *Муни* — мудрец-молчальник.

*** *Агни* — огонь.

Её от гибели спасает,
Препятствует любой разрухе.
И в нас становится основой —
Дыханьем верхним или нижним,
А временами этот Агни
Становится самым Всевышним.
Я — память, знанье, гибель блуду
Во всех излишествах словесных.
Меня повсюду славят Веда.
Я суть премудростей известных.
Но поле Куру — два Пуруши,
Один бессмертием помечен.
Поверь в Незримого, Арджуна,
И сделаешься тоже вечен.
Оставь Ашваттхи вечный корень
На этом поле — поле ратном.
Пускай в тебе укоренится
Животворящий смертных Атман.
Мне ведомо: в грядущих книгах
Ещё не раз Я стану явлен.
И что со Мною, верный Партха,
По праву будешь ты прославлен.
Не забывай ни на минуту
Об искре той, что в сердце тлеет.
Дай Мне раздуть её, Арджуна.
Огонь в душе да заалет!
Ещё одну большую тайну

Поведал Я тебе сегодня.
Запомни!»*

Этим завершилась.
Пятнадцатая песнь Господня.

Глава 16

Господь сказал:

«Характер прямодушный, смелость
И в голове, и среди битвы,
Решительность, немногословность,
Безмолвный ток святой молитвы,
Всегда уверенность в победе,
Спокойствие, несуетливость,
Заботливость о малых тварях,
Терпение и негневливость,
Уступчивость, смирение, скромность,
Тон дружелюбный в чувствах, в речи —
Кто обладатель этих качеств,
Таким Я радуюсь при встрече.
Жестокость, жадность, грубость,
наглость,
Злорадство в причиненье боли —

* «Постоянно помни о Боге, размышляя о Нём» — этот завет существует в монашеской практике всех мировых религий.

Такое свойственно асурам,
Им по натуре злые роли.
Дорога первых многотрудна,
Зато их ждёт освобожденье.
Извилисты пути асуров,
Темны у них перерожденья.
Породы две сосуществуют
На свете — демоны и боги.
О первых Я сказал, Арджуна.
Что скажешь о вторых? Двуноги.
В мирах невидимых и зримых
Их несосчитанные числа.
Добра и зла не различают
И в йогах не находят смысла.
Жизнь создана, по их понятиям,
Чтобы грешить и после охать.
Что им всего нужнее? — спросишь.
Ответят: пиршество и похоть.
Народ безумный и бездумный,
Созревший в злобе и несчастьях,
Творит преступные деянья,
Сам тонет в нищете, в напастях.
Гнетут невзгоды люд недобрый,
Он всюду ищет крохи пира,
Считает, что с кончиной личной
Закончится картина мира.
Асуры любят нами править.

Нацеленные на обманы,
Дорвутся до высокой власти —
Всё рассуют в свои карманы.
Нажитое по ветру пустят,
Своим божкам служить прикажут...
А нам придётся очень долго
Расхлёбывать чужую кашу.
Все демоны набиты чванством,
Дурным беспамятством, гордыней.
В них ничего не поменялось
С поры потопной и поныне.
Исполненные самомнения,
Привычек самых низкопробных,
Меня, конечно, ненавидят
В себе и в обликах подобных.
А почему? Предполагают
Похожим на себя злодеем,
Поскольку отдаю зловредных
На откуп собственным затеям.
Ад создан вовсе не богами,
Он демонов изобретенье.
Ждёт воздаянье негодяев
Ответной после смерти тенью.
Рождённые в нечистых лонах,
В себе выращивают злобу.
А после гибели позорной
Уходят в адскую утробу.

Приводят к аду три влечения:
К убийству, вожделье, алчность,
Поэтому в сердцах асуров
Навеки поселилась мрачность.
Такие истребив пороки,
Мы в жизни обретаем благо,
В нас возрастает благодество,
В нас укрепляется отвага.
Внимай речам Моим, Арджуна,
Твори, что говорится в шастрах*.
Стремись к божественным Заветам.
Не слушай демонов несчастных».

Глава 17

Арджуна сказал:

«Кто искренне поверил в Бога,
Но не как знающие люди,
Такой всегда настойчив в вере.
Что с ним в последующем будет?»

Господь сказал:

«На спрос, как поступают с верным,
Хотя не знающим, слугою.
Отвечу так: что станем делать,

* *Шастры* — пояснения к ведическим текстам.

К примеру, с левою рукою?
Есть у людей три вида веры:
Большая, страстная, тупая.
Последняя, где верит тамас,
Скажу иначе — никакая.
Суть человека — это вера.
Без веры делать не намерен:
Свершает только те поступки,
В которых наперёд уверен.
Большая вера — вера в Бога,
Где страсть — её предметы разны.
Тупица к вере неспособен,
Его усилия напрасны.
И пища трёх бывает видов,
Где саттва — там едят простую,
Фруктовую и овощную,
Полезную и негустую.
У раджаса в почёте вина,
Из пищ — и острота и горечь.
Отсюда — частые болезни,
И нехороших мыслей корень.
Еда невкусная, гнилая,
Что негодна столам обычным,
Не по своей, конечно, воле,
Пригодна людям тамасичным.
И жертва тройственна по сути.
Кто в саттве, — жертву тот приносит

Безмолвно и чистосердечно,
Себе же ничего не просит.
Кто жертвует корысти ради,
Услужливо и лицемерно,
Тот неуклюже прячет раджас.
Такое приношение скверно.
Когда оно совсем без смысла,
Противно шастрам и браминам,
Такой пожертвовател просит
О чём-нибудь неисполнимом.
Коль страсти нет*, но вера в гуру,
В единство чувства, мысли, дела,
Там в целомудрие влюблённость.
Я в этом вижу «тапас** тела».
Немногословие и точность,
Отсутствие намёка злого,
Молитв коротких повторенье
Я называю: «тапас слова».
Разумность, ясность, дружелюбие,
И к чуждым, и к единоверцам,
Ума и чувства дисциплина
Для нас с тобою — тапас сердца.
Когда же йогин, кончив дело,
Плодов не требует у жатвы,

* Здесь имеется в виду низкая страсть.

** *Тапас* — в индуизме многозначное понятие. Может означать «усердие» «контроль чувств»; буквально — «разогрев сердца».

Тогда он может с полным правом
Назвать поступок делом саттвы.
Дар, принесённый бескорыстно,
Причём, дарителем безличным,
С единой мыслью — дар от сердца,
Такой считается саттвичным.
Когда ответный ждут подарок,
Иль подношение — опасно.
Здесь примешался к делу раджас —
Дарение такое страстно.
А если дар наш неуместен
И совершён кому не надо,
Неуважительно и грубо —
Бездушна жалкая награда.
Скажу, Арджуна, в заключение:
Меж гунами нетвёрды грани,
Растут желанья, варны, люди,
Особенно на поле брани.
И ты поклонников неловких
Щади. Пусть ошибутся даже,
Лишь бы в душе своей святое
Не подготовили к продаже.
ОУМ, ТАТ, САТ — святые слоги,
С них начаты святые Веды.
Воздвигнута душою крепость,
И меньше досаждают беды.
При звуке ОМ в нас входит Брахман,

ТАТ — к Богу обращенье с жертвой,
САТ означает тапас знания
С мольбой святой и милосердной.
Когда же тапас совершаем
Без постоянства и без веры,
Суть может превратится в несуть.
В ней пользы нет — одни химеры».

Глава 18

Арджуна сказал:

«Понять, хочу я, Мощнорукий,
В чём отрешенья назначенье.
И одновременно, Кешава,
Мне расскажи про отречение».

Господь сказал:

«Иные рассуждают бхакты,
Что все дела покончить надо,
Поскольку — грех. Я полагаю,
Такое демонам — отрада.
Лишь прекращенье действий страстных
Нам всем советуют провидцы.
В отказе от любой корысти
Благая может вестъ явиться.
Дары, свершенья, жертвы, тапас

Заканчивать совсем не нужно:
Дела такие очищают,
Их надо продолжать послушно.
И отрешенья с отреченьем
Без действий, что велят нам шастры,
Не могут быть. Хотя внушает
Дурные мысли тамас часто.
Кто в страхе действие бросает,
Скорбя и в тягости телесной,
Пусть не надеется на йогу —
Свершает тапас бесполезный.
Незабывающий о долге
И кто желаньями не связан —
Подобный действует саттвично
И опирается на разум.
Теперь узнай, мой сын Арджуна,
Какие главные причины
Людей на йогу побуждают,
Важны для воина-мужчины*.
Их пять: необходимость действий,
Сам человек, его три гуны,
Как говорит об этом Санкхья, —
Земли естественные струны.
Они — причина всяких действий,
Они — начало всем затеям,
Которые мы продолжаем

* Женщина как таковая в «Гите» не фигурирует.

Речами, мыслями и телом.
Невидимый над нами Атман
Следит за тем, кто ненавидит,
И тем, кто помрачённым зреньем
Себя, единственного, видит.
Тебя Я, Партха, ясно вижу,
Твой дух на щедрость не скупится.
На обозримом поле Куру
Такой не может быть убийцей.
Троична Знания причина:
Объект познанья, познающий
И проникающий повсюду
Невидимый Единосуший.
Кто чует, видит, знает в тварях
Необозримое единство,
Того всегда оберегаю,
Такой в ряды Мои годится.
Когда в познании предметов
Господствуют цена и разность,
Ты должен понимать, Арджуна,
Царит в таком познание раджас.
Привязанность к вещам ничтожным,
И со вниманием огромным,
Свидетельствует: их хозяин
По грудь увяз в болоте тёмном.
Исчезнувшая в сердце самость
И появившаяся милость —

Есть верный знак того, что саттва
Хозяйкой в сердце утвердилась.
Но если в нём одни колючки,
Разбушевавшиеся страсти,
Тогда с прискорбием отмечу:
Душа у раджаса во власти.
Кто необуздан, груб, завистлив,
Чьи намерения коварны,
Такой, вне всякого сомненья,
Плохой слуга последней варны.
Скажу тебе о постоянстве.
Оно открыто и не ложно,
Когда такому шепчет совесть:
Не хочется, но делать должно.
Кто долг свой честно исполняет,
Чьё постоянство превосходно,
Тот никого не принуждает,
Сам дышит полно и свободно.
Но если кто не различает,
Где беззаконье, где порядок,
Там явно расплодился раджас,
И плод людей таких не сладок.
Рассудок, угнетённый страхом,
Тоской, уныньем, долгой ленью...
Такое постоянство качеств
Ведёт хозяина к растленью.
О радости рассказ послушай

В ней тоже три бывает вида.
Она нас редко посещает,
Куда привычнее обида.
Где это чувство лишь в начале,
И быстро сходит след досадный,
А радость сердца длится долго,
Там дует светлый ветер саттвы.
Наоборот, коль радость сразу
Зальёт, потом — подобна яду,
Такую обойди, Арджуна,
Подальше встречную “награду”!
Когда же радость ослепила
Тебя со все сторон и сразу,
Мне помолись усердно, Партха,
Чтоб тамас не принёс заразу.
Хотя ни здесь, ни под водою,
Ни среди царствия иного
Ты твари не найдёшь единой
Без гун воздействия немого.
Тем более четыре варны
Испытывают их влиянье.
Три гуны, действуя на душу,
Определяют состоянье*.
Брамин обязан быть спокойным,
Смирненным, любящим, нелживым
Владельцем знания и веры,

* То есть кастовое положение в обществе.

Сознательным примером дживам*.
Отвага, стойкость и смекалка —
У кшатрия такие свойства.
Его обязанность святая —
В сраженье проявлять геройство.
Земля, торговля, скотоводство —
Суть вайшьи вечная забота.
У шудры — быть слугой проворным,
И это должен делать кто-то.
Кто свою карму понимает
И на чужую не завистлив,
Тому всё в мире помогает,
Чисты дела того и мысли.
Но если раджас или тамас
Внезапно замешались в дело,
Тогда оно, считай, пропало —
Противоречьям нет предела.
Гун “чистых” в мире не бывает:
Всегда одна преобладает.
И от подобного смешенья
Земля, естественно, страдает.

* *Джива* — понятие в индийской религиозно-философской традиции, обозначающее духовное, вечное живое существо, отдельную душу. Здесь — осторожный, тонкий и по сию пору актуальный намёк: так как джива в принципе бессмертен, долг любого священника возрастает вдвойне: хранить единство мысли, слова и дела, которые он проповедует.

Но действий прекращать не стоит,
Пускай они греховны даже
Или законы попирают,
Которые стоят на страже.
Важнее собственную дхарму*
Исполнить плохо, чем бушуя
И все порядки преступая,
Прекрасно выполнить чужую.
Запомни главное, Арджуна:
Не угоди душой на привязь
Какой-то посторонней карме,
Своим желаниям противясь **.
Теперь же коротко скажу Я,
Как в жизни обрести блаженство,
Как, понимая силу Агни,
Им ненароком не обжечься.
Лишь мысль и чувства обуздавший,
Себя же победив собою,
Способен справиться с врагами,
Поладить с миром и судьбою.
Я познаваем силой бхакти.
Я есмь Любовь. Таков по сути.
Меня познать до основанья
Не могут книжники и шрути.

* *Дхарма* — многозначное понятие: долг, путь, закон, основа поведения и пр.

** Характерное для «Гиты» противоречие: в одном случае связь вредна, в другом — полезна.

И только все дела свершая
И применяя силу знания,
Мои поклонники способны
Поднять уроненное знамя*.
Во Мне живущий превосходит
И жизнь, и смерть, и все три гуны.
Так сделай же, что должен сделать,
Исполни вечный долг Арджуны!
А если, несмотря на просьбу,
Ты скажешь: “Воевать не буду”.
Тогда и Я тебя вручаю,
Как жертву, собственному блюду!
Мне Жертвуй! Мне лишь поклоняйся!
Не проходи Заветов мимо!
На поле Куру делай то, что
Лишь Мной любимо и ценимо».

Арджуна сказал:

«Прозрел я, о великий Кришна!
Ко мне вернулся твёрдый разум!
Сомнения мои исчезли
Сегодня, навсегда и разом!»

*Идея, проходящая через всю поэму, — йога должна быть восстановлена. Дело в том, что у слов «йога» и «религия» один корень — связь. При этом глагол *religare* (лат.) означает «возобновить связь».

Услышан был на поле Куру
Тот разговор необычайный,
Где Васудэва* открывает
Благословенной йоги тайны.
Его запомнил мудрый Вьяса **,
Введённый в тайные беседы.
Он Махабхарату составил.
Потом возникли в мире Веды.
А там, где знание, там удача,
Там к счастью все открыты двери.
Закончена Господня песня.
Пусть мир теперь в Неё поверит.

Божественная Песнь окончена.

* Ещё одно прозвище Кришны.

** Легендарный автор эпоса «Махабхарата».

ВАЛЬМИКИ (V В. ДО Н. Э)

Легендарный первый поэт древней Индии, согласно преданиям, создавший текст величайшего эпоса Ариаварты — «Рамаяну». Точной даты создания «Рамаяны» нет, приблизительно датируется V в. до н. э. либо I в. до н. э. Текст огромный, он состоит из 480 002 слов, что в четыре раза длиннее главной книги древнегреческой «Илиады». В «Рамаяне» рассказывается история о Раме, индийском принце, чью жену Ситу похитил демон-король из Ланки — Равана. О самом Вальмики известно немного. Он считался реальным человеком современником самого Рама. Индологи утверждают, что это был первый поэт мира, который ввёл себя в своё же сочинение. Предание говорит, что он был охотником и разбойником, существовавшим за счёт грабежей. Однако встреча со знаменитыми семью риши коренным образом изменила его жизнь. Войдя в трансное состояние, Вальмики в течение нескольких лет повторял мантру «Рама». Проснувшись, он

ВАЛЬМИКИ

обнаружил себя внутри муравейника, построенного муравьями за это время. Говорилось, что муравьи встретят и завершат путь его тела ещё один раз. Уже после смерти, когда Вальмики вошёл в самадхи и застыл в этом состоянии, муравьи снова окружили его и полностью обглодали его тело. Но пока он был жив, за ним следовали толпы людей.

Есть легенда, что однажды в лесу Вальмики встретил мудреца Нараду, который поведал ему о событиях на Ланке — о Раме, Сите и Раване. Через какое-то время он встретил и Ситу, которой дал убежище. После долгих перипетий Рама нашёл в хижине Вальмики свою жену и детей. Вся история похищения королевской жены была описана Вальмики в эпосе, который он назвал «Рамаяной». Считается, что размер, при помощи которого Вальмики создал «Рамаяну», был подсмотрен им у природы, точнее, у птиц: поэт наблюдал за двумя птицами и увидел, как охотник застрелил токующего самца. Вальмики был в ярости и начал проклинать охотника-убийцу в стихах, и постепенно это проклятие превратилось в эпос.

Согласно сказаниям ариев, Вальмики был выдающимся знатоком духовной мудрости и тайных знаний индуизма, потому он счита-

ется составителем священного текста адвайта-веданты — Йоги-Васиштхи.

Умер поэт и мудрец в горах, куда он сознательно отправился покидать мир.

Я сделал художественное переложение его отдельных мыслей и афоризмов.

Когда нас горе поглощает целиком,
Нет сил на то, чтоб справиться с врагом.

Лишь то решенье с истиной согласно,
Где думающий судит беспристрастно.

Кто ищет, тот найдёт спасенья гавань.
И демоны его научат верно плавать.

Мы в жизни поклоняемся всему,
Что выше нас. Рисуем ею даже.

Пусть это станет поклонением Ему,
Не подлежащему ни купле, ни продаже.

Зло истинную суть надёжно прячет.
И этим губит слабых и незрячих.

Коль цели в жизни не достиг, не плачь.
Упорство — вот святой родник удач.

Из всех существ не знаю хуже,
Чем ту, что грезит не о муже.
Такая втягивает в грех
Живых и мёртвых, словом, всех.

О царь! Ты пожинаешь горький плод
Доверенной тебе Всевышним власти.
Предал бездумно собственный народ
Судьбой непредусмотренной напасти.

Со Мною каждый должен думать наперёд,
Лишь после принимать свои решенья.
Увы, ты поступил наоборот
И ждёшь оцепенело низверженья.

Я двуединой в мире власть создал.
Ты это понял, наконец. Но опоздал...*

* Эта шлока Вальмики, по существу, воспроизводит главную мысль «Бхагавадгиты» — свободу воли. Каждый человек, а власть имущий в особенности, может поступать, как он хочет, но в пределах Адвайты — законов Единого.

ТАМИЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТИРУВАЛЛУВАР

Биография Тируваллуvara является настолько спорной, что невозможно даже точно установить, к какой вере и касте он принадлежал. Исследователи выдвигают разные, порой противоположные мнения, что он был индус-пария, джайн, индус из низкой касты, буддист, индус из высокой касты, брахман или же потомок межкастового брака. «Своим» его считают как тамилы — сторонники индуизма, так и тамилы-джайны. Ряд текстовых моментов в «Тируккурале» свидетельствует как минимум о близости взглядов автора книги к джайнизму. Ряд исследователей, в частности, Дж. Поуп, проведший немало лет в Тамил-Наду, переведший много текстов с тамильского языка — включая сам «Тируккурал», считал, что данная книга написана под явным влиянием буддизма. Время жизни Тируваллуvara неизвестно — по разным гипотезам, основанным на текстологическом анализе «Тируккурала», он мог жить от II в. до н. э. до VIII в. н. э.

ТИРУВАЛЛУВАР

Есть мнение, что Тируваллувар по профессии был ткачом и жил в окрестностях Майлапура (Мадрас) в счастливом браке со своей женой Васухой, считавшейся образцом женской верности. В самом трактате она изображена как образец высших нравственных качеств. Индийские философы и духовные мастера называли Тируваллувара «врождённым сиддхом» — йогом, достигшим высшей стадии совершенства и полностью овладевшим скрытыми силами организма и психики. Вот, что писал о нём известный индийский философ и йог Шри Свами Шивананда: «Некоторые ученики приходили к Тируваллувару и интересовались: “О мудрец! Который из Ашрамов жизни лучше — Грахастха или Санньяса?” Мудрец не давал им какого-либо ответа. Он просто сохранял молчание. Он хотел их научить славе Грахастха Ашрама на собственном примере. Его жена была идеальной, целомудренной и преданной женщиной, которая никогда не смела ослушаться его приказов и безоговорочно выполняла их. Однажды Тируваллувар утром ел холодный рис. Он сказал своей жене: “О Васуки, рис очень горячий, принеси опахало, чтобы охладить его”. В это время, когда он позвал её, она вытаскивала воду из колодца. Она сразу отпустила верёвку и бро-

силась к нему с опахалом, чтобы охладить рис. Она не спросила своего мужа: “Как холодный рис может быть горячим? И почему тогда ты хочешь овеять его опахалом?” Она просто повиновалась его командам. Сосуд, который был заполнен водой, повис в колодце на полпути. Это было честное выполнение её Пативрата Дхарма Шакти (обета). Ученики отметили этот странный феномен и благородное поведение Васуки и были в изумлении. В другом случае Валлувар позвал свою жену в час дня и сказал: “Немедленно принеси мне лампу, о Васуки. Я шью. Я не могу видеть иголки. Я не могу продеть нитку в иголку”. Она не сказала: “На дворе светлый день. Зачем тебе нужна лампа? Ты можешь хорошо видеть иголку”. Но она безоговорочно повиновалась его словам. Ученики были вдохновлены идеальной жизнью Тируваллувара и восторженным поведением его жены. Они не сказали мудрецу ни слова и тихо оставили это место с чувством глубокого удовлетворения. Они были под большим впечатлением от очень практичной и образцовой жизни, которую вели мудрец и его жена. Они получили урок, каковой должна быть жизнь идеального домохозяина, и что эта жизнь нисколько не ниже жизни идеального Санньясина, вступившего на путь Нивритти и

аскетизма в пещерах Гималаев, и что каждый из этих путей является великим на своём месте».

«ТИРУККУРАЛ» — СВЯТОЕ ОТКРОВЕНИЕ ТАМИЛОВ

«Тируккурал» («Священный курал») — это величайший религиозный источник и одновременно литературный памятник древней Индии. Само слово «Тируккурал» в буквальном переводе означает: «священные двустушия», «священные куплеты». По поводу времени создания среди учёных нет единого мнения: одни индологи утверждают, что «Тируккурал» был создан в начале I столетия, другие относят его к более позднему периоду — V—VI в. н. э. Есть мнение, что столь большая разница в датировке памятника объясняется несомненным созвучием мыслей, в нём заключённых, христианским идеям, которыми, можно сказать, пронизан древний текст. Учёные недоумевают, как такие идеи могли возникнуть одновременно с учением самого Иисуса Христа. В самой книге, помимо чисто тамильской основы, находят влияние буддизма и джайнизма.

«Тируккурал» считается одной из самых почитаемых древних книг тамильских народностей, родина которых — юг Индии и север

Шри-Ланки. Эти народы до сих пор убеждены, что жилище, хранящее эту священную книгу, находится под божественной охраной и будет процветать.

Книгу называли также «тамильской Ведой», хранящей в себе суть всех Вед, Упанишад и шести Даршан, или «Тамильской Библией». Специалисты в духовной литературе высказывают мнение, что этот трактат по своей глубине сопоставим с «Бхагавадгитой», Кораном и «Авестой». Книга относится к жанру дидактической литературы, популярной как среди тамильского общества, так и среди людей, серьёзно интересующихся духовной культурой Индии. Она ставит универсальные этические вопросы, которые не ограничиваются местными традициями и значимы для всего человечества. Потому она переведена на 40 языков мира, включая русский. Известно, что её серьёзно изучал Лев Толстой, включивший изречения из «Тируккурала» в свои сборники «Круг чтения» и «Путь жизни», о ней составил восхищённые слова великий гуманист XX века Альберт Швейцер: «Едва ли найдется во всей мировой литературе другое собрание изречений, в котором мы могли бы обнаружить такое обилие высокой мудрости». Отзыв сохраняет полную силу и теперь.

Помимо Толстого и Швейцера, книгой восхищались Махатма Ганди, итальянский иезуит и миссионер в Южной Индии, ставший впоследствии тамильским поэтом, Констанцо Джузеппе Бески, о котором мы ещё будем говорить, немецкий лютеранский богослов, переводчик, полиглот Карл Грауль, а также наш отечественный буддолог Александр Пятигорский и многие деятели культуры Востока и Запада.

Само создание книги овеяно легендами. Согласно источникам, она была признана божественной уже при жизни поэта. Тируваллувар был скромным человеком и потому предложил свой труд на суд мудрецов и учёных, которые находились на некоем волшебном плоту, плававшем в пруду около храма. Учёные отнеслись к работе критически и отвергли её, но в этот момент собрание посетил сам Шива, сжавший своей волшебной волей этот плот до размеров рукописи. Все поняли, что книга действительно была божественной и признали её.

«Тируккурал» отличается чётким строением и включает в себя 1 330 двустиший (курал, стихов определенного метрической образца), сгруппированных в 133 главы по 10 куплетов в каждой. Каждый куплет (стих) — это семь слов, разделённых на две строки (3—4 слова).

«Тируккурал» состоит из трёх книг («О добродетели», «О государстве», «О любви»), посвященных самым главным темам для правоверного жителя Индии — *дхарме, артхе и каме*. Нравственные постулаты книги лишены религиозного фанатизма и узкого взгляда на мир, они созвучны идеям Библии и наполнены призывами к любви, милосердию, состраданию к ближнему. Идеалом книги является заботливый, добрый и мудрый, человеколюбивый домохозяин с высокими моральными принципами, возделывающий землю и живущий плодами своего труда. Мудрец воспевает земледельческий труд, считая его основой жизни государства. Здесь он был провидчески прав, поскольку земледелие составляет основу экономики Индии и сегодня.

Государственнические идеи трактата включают в себя описание обязанностей правителя и чиновника и поданного государства. Автор подробно рассуждает о природе человеческой и божественной мудрости и роли нравственных качеств человека — преданности в дружбе, честности, борьбе со страстями в поддержании устоев государства. Книга отвергает насилие и деспотизм, выступает против жестокости, особенно если она облечена властью.

Любовный кодекс «тамильской Библии» показывает, какими должны быть отношения на протяжении всего периода общения мужчины и женщины от знакомства до брака. Но, конечно, трактат Тируваллувара — это не Камасутра, а духовные наставления о духовной природе любви, помогающей ввести страсть в одухотворенные рамки. Автор выбирает различные жизненные ситуации и на жизненных примерах показывает человечеству идеальные отношения влюблённых.

«Тируккурал» поражает своим созвучием с нашим временем. Он наполнен множеством мудрых идей, помогающих человеку гармонизировать своё сознание и душу, государство и общество, семью и отношения между полами. Возможно, нынешней правящей элите при прочтении Тириккурал принесёт ещё большую пользу, чем, скажем, «Государь» Маккиавелли.

Как уже говорилось, поэма переведена на многие языки мира, включая и русский. Кто открыл миру этот кладезь мудрости? Мы должны быть благодарны уже упомянутому ранее первому европейцу-переводчику великого тамильского текста Констанцо Джузеппе Бески (1680—1747). Убеждён, что по силе духа и мощи таланта этот человек оказался равен

переведённому источнику и его легендарному автору. Этот человек, состоявшийся как лексикограф, поэт, миссионер, получил образование в мантуанской коллегии иезуитов, куда вступил в 1698 году в возрасте 18 лет. Он обучался в Равенне и Болонье и, наверное, мог сделать благополучную карьеру у себя на родине, но его привлекали неизвестность и трудные пути. По собственной настойчивой просьбе он был отправлен миссионером в Индию. Его целью была христианизация языческой страны. Уже с первых лет своей миссионерской деятельности Бески увлекся тамильской культурой, ездил по тамильским землям, изучая культуру и язык проживающего там населения. Негативный настрой местных правителей не давал ему возможности развернуть активную деятельность. Он пошёл другим путём: в совершенстве овладев тамильским языком, включил культуру тамиллов в свои проповеди. Об иезуитах есть мнение (и оно во многом справедливо), что они внедряются в архаические общества и начинают навязывать христианство, разрушая при этом традиционную культуру. Но в случае с К. Дж. Бески всё было по-иному: христианизуя индийцев, он вовсе не стремился разрушить местные духовные традиции. Он стал

носить одежду индусского аскета, следовать тамильским обычаям и при этом жил очень скромно. Всё это дало значительный результат: согласно преданиям, Бески крестил 12 тысяч человек!

Но при этом К. Дж. Бески сделал огромный вклад в тамильскую культуру. Он был автором-составителем первой тамильской грамматики, создателем нескольких словарей, среди которых выделяются тамильско-латинский и тамильско-латинско-португальский. В поэтическом творчестве он также преуспел — создал поэму «Тембавани» («Неувядающий венок»), которая на его второй родине сегодня считается классическим образцом тамильской поэзии. Этот огромный (3 615 строф) эпос рассказывает индийцам о жизни Христа в духе привычных для тамиллов индийских поэм о Кришне. Бески не ограничивался христианскими проповедями в Индии и стремился рассказать миру о духовной культуре Индии. Для этого он перевёл на латынь священную книгу тамиллов «Тируккурал». Заслуги Бески были высоко оценены в тогдашней Индии: народ считал его почти святым, а местный правитель какое-то время числил его премьером-министром своего двора. В 1968 году в Мадрасе правительством Индии был поставлен памятник К. Дж. Бески.

В русской культуре главным поклонником идей Тамильской Библии был Лев Толстой. Онзнакомился «Тируккуралом» в ограниченном объёме: в то время на русский язык была переведена только первая часть этого замечательного произведения, имеющая отношение к теме нравственности. Этот интерес вполне объясним и совпадает с личными духовными предпочтениями Толстого. Ведь он создавал своё учение, в котором главное место занимали темы нравственности, чистоты жизни, внутренней работы над собой. Тема государственной идеологии русского гения занимала в гораздо меньшей степени. Но несмотря на это, яснополянский мудрец в полной мере оценил мощный духовный заряд древнего источника.

Что могло привлечь Толстого в «Тируккурале» больше всего? Можно предположить, что это были в первую очередь глубоко проработанные тамилами нравственно-духовные темы — природа праведность, добродетель, любовь к ближнему, самообладание, бесстрашие, милосердие, чистота помыслов и поступков, победа над желаниями, упорство в достижении истины. Важные тогда вечные темы были значимы и во времена Толстого, и остаются актуальными сегодня. Лев Николаевич хорошо понимал, что иг-

норирование этих тем (а в начале XX века нравственность и духовность упала во всём мире, также и в России) чревато громадными потрясениями и социальными катаклизмами, что и произошло через несколько лет после смерти писателя. Если бы современники прислушались к выбору Толстого, внимательно прочитали этот старинный памятник мудрости и попробовали бы применить его в жизни, возможно, история пошла бы по-другому.

Лев Толстой, перелагая поэму в русле своих идей, внёс в текст некий собственный смысл, от чего Тамильская Библия не стала менее интересной. Я тоже сделал попытку изложить некоторые афоризмы и главки поэмы русской рифмой. Убеждён, что дидактичность этого источника преувеличена, а нравственная философия, тем более такая глубокая, как у древних тамилы, прекрасна и чиста в своей основе и потому вполне переложима на язык поэзии.

На меня эта книга произвела такое мощное впечатление, что я после завершения работы над первыми двумя книгами даже написал подражание «Тируккуралу» в форме десятистишия, основанное на понимании, что каждое чистое откровение постепенно подвергается неизменным искажениям.

Об итогах двух первых книг

Итак, себя усовершенствуй на пути.
Ошибки окружения людского не суди.

Свои искореняй зловещие пороки.
Отыскивай в себе надёжные дороги.

В глубины сердца погружаясь вновь и вновь,
Расти посеянную Господом Любовь.

Там обнаружишь изначальный Камень,
Который ограничен поклоненьем Камен*.

А поклонение везде извращено,
Хотя былую силу не утратило оно.

1. КНИГА ДОБРОДЕТЕЛИ

Хвала Всевышнему

Как буква «а» есть первая из букв,
Тому подобно Бог — наш главный Друг.

Задач у человека в мире много.
Главнейшая из них — познание Бога.

* *Кама* — бог плотской любви в индуизме.

Склоняющийся к Божеским стопам
Всегда идёт по правильным следам.

Господь не знает ни вражды, ни дружбы.
Он делает лишь то, что людям нужно.

Дабы прогнать невежества туман,
Необходимо одолеть рождений океан.

Хвала любви

Могу ли нечто приравнять к любви?
Её огонь пылает в звёздах и в крови.

Святое, нежное, тяжёлое влечение,
Равно одной лишь жизни по значенью.

Нетерпеливый, ждущий только благ
Обеим этим безнадёжный враг.

Любовь и скрытна, и видна наружно.
Ближайшая родня по духу — дружба.

Огонь любви Всевышний в нас зажёт
Мы без неё костей и мякоти мешок.

Хвала дождю

Хвалу стихиям должен помнить каждый.
Жизнь невозможна на земле без жажды.

Когда бы Индра* прекратил греметь,
Повсюду Яма** учредил бы смерть.

И нам, конечно, грозы угрожают,
Способствуют, однако, урожаю.

Моря с притоками, любая живность в них
Не могут обойтись без ливней проливных,

А мы природы безалаберные дети.
Всё путаем, где зло и добродетель.

О величии человека

Величия не нужно домогаться,
Оно души природное богатство.

Мы по телесному рождению равны.
Но для различия деяния нужны.

* *Индра* (в иерархии индуизма) — бог-громовержец, аналог славянского Ильи-пророка.

** *Яма* — ведический бог смерти.

Творцы их тем подобны мудрым жёнам,
Что сохраняют свой очаг зажжённым.

Величие не склонно к похвальбе,
Чернь похвалу поёт сама себе.

Большие духи не подчёркивают промах,
А негодяй поносит даже незнакомых.

О величии праведников

Без праведников жизни в мире нет.
Они — ядро её, благоуханье, цвет.

Нужны не меньше, чем земля и воздух,
Светлее и заметней точек звёздных.

Средь миллионов, омрачённых суетой
Всегда горит светильник золотой.

Кому подвластны все пять чувств и разум,
Тот крепкой нитью с праведностью связан.

Укоренивший в своём сердце благодать
Не станет никого на свете осуждать.

О сострадании*

Немало культов породило Мирозданье.
Нет настоящего без искры состраданья.

Жестокость многим посылает страх,
А сострадание несёт улыбку на устах.

Нельзя с голодным на еду скупиться,
Однако не за счёт постыдного убийства.

Кто ест добытый на охоте труп,
Становится душой невольно груб.

Отказ от мяса средь иных свершений —
Не худшее из жертвоприношений.

О милосердии

Забываясь о себе, подумай о соседстве.
Кто позаботится о нём? Чужое сердце?

* Споры о вегетарианстве не прекращаются до сих пор. У него миллионы приверженцев и миллиарды противников. Автор двустигий в этом смысле занимает умеренную позицию — отказ от мяса желателен, но не обязателен. Такая точка зрения в Индии (стране, в общем-то, вегетарианской) была, оказывается, выдвинута ещё в первых веках нашей эры.

Немного душ, способных выйти за предел
Своих привязанностей, дум, семейных дел.

И если тонкую одну в безлюдье встретишь,
Бери за образец, не превращая в фетиш.

Где болтовня, там милосердие спугнёшь,
Оно чувствительно, не переносит ложь.

Нам сердце открывает высочайшую дорогу —
Представь — в грядущем стал подобен Богу...

О мудрости

Правитель, внявший праведным речам,
Стать может неудобным богачам.

Отвергнувший спокойные решенья —
Погубит толпы в жертвоприношенье.

Подвластный извержениям словесным
Не может быть посланником небесным.

Совет, рождённый сердцем мудреца,
Исполни полностью с начала до конца.

Ведь мудрость и целительна, и свята,
И не бывает никогда витиевата.

О великодушии

О смертный! Этим свойствам овладей.
И, бросив взгляд, оценишь суть людей.

Роднит живых не кровь происхождения,
И даже не совместное в семье рожденье,

Что в звёздах называют словом «близнецы».
Нам неизвестны ни начала, ни концы,

Ни корни гаснущего в мире благородства.
Но твёрдо верим в силу превосходства

Великодушия над низостью людей.
В конце концов не победит злодей.

О сердечной щедрости

Она не знает ни времён, ни расстояний
И за добро своё не ищет воздаяний.

Лишь лёгкий дым шлёт облакам земля
За пролитые, скажем, ливни на поля?

Так создан мир. Что радостно и ценно,
Должно ко всем вернуться непременно.

И на земле, и в райских куцах хороша
Дарующая счастье щедрая душа.

Как обрести? Здесь до небес добраться,
Себя продав навеки Богу в рабство.

О непричинении зла

Задача мудрого — себя не уронить
И дух соседей крепким сохранить.

Душе любой грозит изъятье тела.
Но сам такого никогда не делай.

И Яма средь ему назначенных забот
Поможет совершить Великий Переход*.

Создатель завещал нам с Ним сближенье
И не конец земной — закон преображенья.

Закона суть незыблемо крепка —
Себя освободить от всякого греха.

* Здесь имеется в виду индивидуальный уход от всех соблазнов земной жизни. Одновременно содержится намек на будущую эпоху, т. е. на время, которое мир переживает именно теперь.

О зловредности мести

Пусть заповедь «не-зла» соединится вместе
С другой — забудь навеки чувство мести.

Не только потому, что месть дурна —
Твои грядущие рожденья очернит она.

Сжимает сердце злобное отмщенье —
Пошли обидчику сердечное прощенье.

Дурные мысли и дела — заклятые враги,
По сути, наши непрощённые долги.

О назначении семьи

Любой, кто чтит значение семьи,
Хранит основы Неба и земли.

Хранящий же семейные основы
Обязан чутя солнечные Зовы.

Они напоминают мёртвым и живым:
Хотя со смертью всё уходит в дым,

Мы только под луною делаемся лучше,
А значит, в райские не устремляйся кущи.

Земля есть кузница, где Бог куёт себе
Помощников по жизненной борьбе.

О спутнице жизни

Подруга и супруга настоящая не та,
Чья внешняя лишь блещет красота.

Душе мужской необходимо сердце,
Где можно в непогоду отсидеться.

Да и молитвенный обряд жене не нужен.
Творит его примерной жизнью с мужем*.

Здесь не растит число мужских долгов,
Там эта женщина — любимица богов.

Её достоинства, природу, добродетель
Своим примером обнаруживают дети.

О детях

Не знаем большей чести, чем явление детей.
Они — цветы, жемчужины, наследники людей.

Прикосновенье рук ребёнка — сладко телу,
Участие во взрослых играх — помощь делу.

* Традиция Индии полагает, что истинным жёнам набожность не нужна, достаточно относиться к мужу, как к богу.

Играющая вина несравненно хороша.
Не хуже речь несвязная иного малыша.

Мать настоящая питает наслажденье,
Когда испытывает боль ново-рожденья.

Нет для отца наград светлей и шире,
Чем если сын прославлен в этом мире.

Об отречении

Родившийся бредёт тропою заблуждений.
Проходит через некое число перерождений.

Уйдёт из-под ярма пяти знакомых чувств —
Для суеты тотчас же сделается пуст.

Кто отрешился ото всех земных желаний,
Освободил себя тем самым от страданий.

Такой сумел остановить сансары* колесо
И выше ангелов иных вознёс своё лицо.

Прильни душой к Творцу,
лишенному пристрастий —

* Внешнее бытие человека, представляющее собой кругооборот рождения и смерти и держащее человеческую душу в состоянии зависимости и рабства.

И пай немалый обретёшь
в Его верховной власти.

Об умении прощать

Земля прощает тех, кто её пашет,
Простите же и вы злодеев ваших.

Прекрасно, если горе терпишь сам,
Светлее зла не помнящий глупцам.

Велик вершащий подвиги аскет,
Но выше тот, в ком капли злобы нет.

Выращивайте в сердце всепрощенье
И завершите им земные воплощенья.

Не унесите только в будущее месть.
Она способна все заслуги съесть.

О добрословии

Одно лишь душевное слово дороже,
Чем сотни бездушных, неискренних — тоже.

Кто свет его первым во тьму принесёт,
Прославит себя и соседей спасёт.

Слова ободренья сердечны и милы,
Внушают уверенность, радуют силы.

Коль непогодь в жизни следы замела,
Отыскивая в сердце слова-семена.

Сердечное слово бальзаму подобно,
Но демонам тёмным весьма неудобно.

Злоречье в себе утвердить не позволю,
Тем вызовешь в Небе излишнюю боль.

О суесловии

Чуть рот открыл — оттуда полилось...
Каков итог? Усталость или злость.

Кто вовремя не ставит слову точки,
Подобен ставшей бесполезной бочке.

Порой и мудрый предаётся речи злой,
Когда повсюду учиняется разбой.

Однако этот не преступит меру,
Иначе, его слово потеряет веру.

А нечего сказать, но к болтовне привык —
Всю волю напруги и придержи язык.

О правильных поступках

Они живой природы основанье.
Цена их выше самого существованья.

Лишь благородными делами человек
Кочует без помех из века в век.

Брамин, забывший Веды, выучит их снова.
Свихнувшийся с Пути утрачивает Слово.

И если вновь с Ним встретиться решит,
Страдания такой уже не избежит.

Бывает хуже — мудрость понимает,
Но жить в согласье нею не умеет.

О пользе славы

Голодному пошли содействие в еде —
Себе поможешь в будущей беде.

Весть о твоём поступке разнесётся
И новой жизнью славной обернётся.

Всё тленно от вещей до первых лиц.
И лишь у славы постоянство птиц.

Она соединяет с небом землю,
Беспамятного гнёта не приемля.

Воистину нетленные и добрые дела
Выращивают в душах вечные тела.

О злых деяниях

В реченье — суть, в деянье — вещество.
Уравновешено двух смыслов естество.

Всевышний наставляет в жизни этой
Зла не оплачивать такую же монетой,

Чтоб в следующей джива* не терпел
Последствия собою совершённых дел.

Деянья злобные похуже скорпионов,
Они не знают ни пощады, ни законов.

Однако пощадит всегда судьбы весло
Ту лодку, что на мели занесло.

О неубиении

Задача мудрого — себя не уронить
И дух соседей крепким сохранить.

* *Джива* — всякое живое существо, кочующее из жизни в жизнь.

Душе любой грозит изъятие тела.
Но сам такого никогда не делай.

Бог Яма среди ему назначенных забот
Поможет совершить Великий Переход.

Создатель завещал нам с Ним сближенье
И не конец земной — закон преображенья.

Такая заповедь по-прежнему крепка —
Тебя освободить от всякого греха.

О вреде ханжества

Пять элементов человеческого тела*
Хохочут над ханжой, что неумело

Пытается сыграть чужую роль,
Себе и людям причиняя боль.

Кто зло творит, надев святую рясу,
Разносит самую жесткую заразу,

Себя ввергая тем в свирепый ад
И верящему в душу впрыскивая яд.

* Земля, вода, воздух, огонь, эфир — набор элементов в мировых религиях, из которых состоит человеческое тело.

Напрасно упражняешься, невежда,
Не скроет сути золочёная одежда.

О благодарности

Услуга вовремя, пускай невелика,
Поможет усмирить заклятого врага.

Особенно, когда не жаждет воздаянья
И рождена не без сердечного влиянья.

Но если вмешан деловой расчёт,
Даянье по иному руслу потечёт.

Платить услугой за услугу некрасиво —
Целебная уходит из поступка сила.

Благодарим за весть, что радость принесла.
А благо высшее — когда не помним зла.

О самообладании

Владение собой влечёт в миры богов,
Бездумные шаги растят число врагов.

Они нам расставляют кучу петель,
А это, кстати, тренирует добродетель.

Когда же управлять собою не привык,
Держи в узде хотя бы собственный язык.

Самоконтроль в бою необходим солдатам,
В миру большим — чинам и очень уж богатым.

Последним стоит помнить: смерть близка
Не только разовая — после,
на грядущие века...

О правдивости

Неправда, где добра и веры семена,
Так называться вовсе не должна.

Неправда, что и горестна, и злобна,
Отравленному семени подобна.

Несвойственна словам правдивым лесть,
Особенно, когда хотят в душе осесть.

Блажен, кто брата в горе утешает,
Над горемыкою себя не возвышает.

Отстирываем грязь обычную водой,
Пятно души смываем дельной правотой.

О скромности

Она у мудрецов без пятен и без трещин.
Имеет много разновидностей у женщин.

Её противник — честолюбие мужчин.
Тем более, когда имеют крупный чин.

У скромников охрана — звёздный купол.
Нахалов ждёт удел тряпичных кукол,

Которых дёргает за нитку кукловод.
Опора мудрых — бесконечный небосвод.

Его украсила стеснительная скромность —
На самом деле, необъятная огромность.

О тщательно продуманных деяниях

Кто размышляет об одной наживе,
Дороги к Богу не отыщет дживе.

Кто растворён во множестве забот,
И он не распахнёт святых ворот.

Боящийся в деянье совершить ошибку
Родит у знающего грустную улыбку.

Расплата догнала содеявшего зло.
Но и бездействие лентяя не спасло.

Спасенья нет, где лживые законы.
Пусть повинуются им даже миллионы.

О постижении знаний

Мни голову свою подобно тесту.
Закончив это, без сомнений действуй!

Та мудрость, что обрёл сегодня и сейчас,
Потом тебе послужит много раз*.

Нас знание влечёт, как встреча с милой —
Рождает радость, наполняет силой.

Чем глубже в реку опускаешь невода,
Крупнее рыба и заманчивей вода.

Лишь знание в душе неистребимо.
Всё остальное — достоянье дыма.

Об учёности

Учись не тому, что угодно карману.
Такая учёность подобна обману.

* На языке старой Индии это означает — «в течение многих воплощений».

Лишь алчущий правды воистину зряч.
Подобный себе и заблудшему врач.

Сегодня, тем более жизненным утром,
Ревнивым не сделайся к более мудрым.

Учёность потребна, как хлеб и вода,
Особо, когда наступила беда.

До смертного часа настойчиво, смело
Выращивай зрелость сердечную, чела*!

О вреде невежества

Невежда, наставляющий на путь,
Жене подобен, потерявшей грудь.

Там правды молока не сыщешь капли,
Зато полно фальшивой пакли.

По виду неуч может быть неплох.
Да жалка речь и здравый смысл усох.

Поэтому советы наставлений
Приводят челу к неразумной лени.

* Чела — ученик. Кстати сказать, русское слово «человек» содержит именно этот санскритский корень. В нашем языке оно звучит знаменательно — «вечный ученик». Таково желательное значение понятия «человек».

Когда упёрт в невежестве осёл,
Оно бывает худшим среди зол*.

О богатстве

Ты хочешь обрести секрет богатств?
Не нужно полного безденежья пугаться.

Когда богатство попадает в руки мудреца,
Приносит многим счастье без конца.

Наоборот, коль правит алчность
и без чести,
Богатство быстро или медленно исчезнет.

Кто щедро наделён душевной добротой,
С чужой управится и с личной нищетой.

Того Лакшми** вовеки не покинет.
Без щедрых душ тоскливо и богине.

О бедности

Факт бедности нерадостен и горек,
Беду содержит в слове даже корень.

* Здесь явная переключка с известным афоризмом Будды: «Зло — это невежество».

** *Лакшми* — богиня счастья, радости, любви.

Уничижает всех на свете нищета.
Богатый бедному повсюду не чета.

Смысл слова бедняка возможно точен,
Да слушать его речь никто не хочет.

И жалобы не станет принимать
От горемыки даже собственная мать.

И днём, и ночью, в городе и в поле
Молюсь не оказаться в бедной доле.

О людской вражде

Мудрец сказал: вот истинная язва —
Родня животных в людях безобразна.

И если некто уязвил тебя,
Попробуй усмирить его любя.

Когда вражда людей навеки сгинет,
Богиня Кали тоже нас покинет.

Власть перейдёт к сияющей Лакшми.
И ты Любовь её святую сей между людьми.

Законы Мироздания очень строги —
Без нашей помощи бессильны даже боги.

О вреде скопидомства

Скопивший необъятное богатство
Нередко забывает Божье братство.

Он должен знать, что приобрёл себе
Опасный жребий в будущей судьбе.

Нет на земле мертвей и хуже дома,
Чем жалкое жилище скопидама,

У коего способен отобрать Господь
Не только всё «добро» его, но плоть.

Куда надёжней облачное благо,
Где накаплиется Божественная влага.

О гостеприимстве

Еду и вина прячет только скупость,
У коей есть другое имя — глупость.

Не знают нищеты и бедствий те дома,
Где щедро для гостей распахнута сума.

Нашёл приют Земли бездомный житель —
Расположился по соседству небожитель.

Зачем странноприимцу лить кровавый пот,
Когда душа такого во всех случаях спасёт?

Кто одному себе в земной юдоли служит,
На небе и подстилки рваной не заслужит.

О беспристрастии

Будь справедлив ко всем на свете людям.
И встречные тебя такого не осудят.

Добро*, добытое неправедным трудом,
Откликнется бедою, может быть, потом.

Мы чуем это сквозь душевные потёмки,
Боль в полной мере ощутят потомки.

Добро и блага могут быть враги
Всеобщим лицезреньям вопреки.

Ищи союзника в своём единовеце.
Но лучше в том, чьё шире сердце.

О пагубе зависти

Молитве каждый обеспечить путь обязан,
А этой твари — перекрыть дороги в разум.

* Здесь имеется в виду добро материальное.

Достойный человек окажется смешон,
Публично заявив: «Я зависти лишён!»

Частица может быть на доньшке у сердца,
Позор же столь велик, что никуда не деться...

И если Бог от гибели спасёт,
Она нас непременно догрызёт.

Убей в себе любых размеров зависть,
Чтоб никогда не породила завязь!

О последствиях прелюбодеяния

Четыре чувства цепко держат тех,
Кто совершает этот смертный грех:

Животный нрав, дурное любопытство,
Презреньё к человеку и бесстыдство.

Последний сукин сын, сошедший со стези,
Жену соседа сможет выпачкать в грязи.

Подлец в аду кричит от дикой боли,
Чужую душу к согрешенью приневолив.

И, разумеется, блаженство обретёт,
Кто в эту западню не попадёт.

Об опасности пристрастия к вину

Кто слишком привязал себя к вину,
Все краски жизни превратил в одну.

Но пьяницу такая участь не тревожит.
Его родная мать покинуть может.

Глупец способен деньги заплатить,
Порвав с остатками рассудка нить.

Хотя уверен, что с безумием не связан.
Безумцу невозможно упорядочить разум.

Причина — он не чувствует вины.
Уверен твёрдо — мудрые пьяны.

О временности всего земного

Умей легко расстаться с каждым встречным.
Ведь лик его от слёз твоих не станет вечным.

Не рвись к богатству, закусивши удила.
Потрать излишек свой на добрые дела.

Спешి создать за воплощенье что-то,
Пока предсмертная ни началась икота.

Желаний наших бесконечна дребедень,
Хотя не знаем, доживём ли этот день.

Но неужели сердце, устремившееся к Богу,
Не обретёт к Нему в конце концов дорогу?!

О карме

Благая карма в нас рождает святость.
Дурную — норовим подальше спрятать.

В благой ты молодость души не износил.
Дурная быстро отнимает кучу сил.

На добрые поступки бесы не наставят.
Так обесселят, что энергия оставит.

А ведь её необходимо растянуть
На долгий по мирам Вселенной путь.

От кармы не уйти, тиски её могучи.
Пошлют и Божий дар, и злые тучи.

Об устранении желаний

Стремись умчаться от любых желаний,
Куда быстрее тонконогой лани.

Укрывшийся от них способен устранить
Земных страданий нескончаемую нить.

Из всех, кто счастье под луною ищет,
Нет обретенья благороднее и чище.

Пока костёр желаний ни погас,
Он в дым и пепел превращает нас.

И после гонит в новое рожденье...
Так без конца. О свет освобожденья!

2. КНИГА О ВЛАСТИ И УСТРОЕНИИ ЖИЗНИ

Задачи власти

Секрет величия успешных государей —
Себя не мнить владыкой глупых тварей.

Найти баланс награды и кнута.
Стране чтоб не грозила нищета.

Помощников распределить умело,
Но самому вникать в любое дело.

Ошибки вовремя и чётко исправлять,
Запомнить их, не повторять опять.

Внутри быть грозным, в разговоре — милым.
Проз взваливать плечи лишь по силам.

Об уважении властелина

Заботясь о своих делах и лике,
Не забывай об уважении к владыке.

Дурному помыслу о нём не дай созреть —
Приблужишь быстро собственную смерть.

В раздумьях не позволь возникнуть гневу.
Судьба царей подвластна только Небу.

И царь способен вызвать Божий гнев,
Препятствия свои в душе не одолев

И вызвав мудреца святую ярость.
Тогда падёт и властелина парус.

О справедливом правлении

Правление означает знанье сути,
Недопущенье негодяев к смуте.

Земли надежда в ожидании дождя,
Страна нуждается в решениях вождя.

И поклоняется его святым победам,
Что, в свою очередь, равно служенью Ведам.

Где правосудие всегда соблюдено,
Там в Небо открывается Окно.

Царь, убивающий врагов державы рьяно,
Не должен зваться именем тирана*.

О неправедном правлении

Страна-тиран, где грабежами сыт правитель,
Известна в мире как страна-поработитель.

Такая, жадно набивая собственный живот,
Успешно на виду у всех недолго проживёт.

Закон неумолим: живот такой распухнет —
Страна-грабитель непременно рухнет.

* Буквально в первоисточнике сказано: «Долг повелителя страны состоит в том, чтобы, охраняя покой граждан, беспощадно уничтожать врагов внешних и внутренних. В этом нет никакого прегрешения». Мысль древних тамиллов повторил А. С. Пушкин, понимавший, что царям нередко приходилось выполнять грязную работу истории. На вопрос об отношении к описанным Карамзиным в «Истории государства Российского» казням бунтовщиков, совершённым Иваном Грозным, Пушкин ответил, что поражён удивлению историка жестокости царя, «как будто для государей это не есть дело весьма обыкновенное».

Покинет её Небо восходящая заря,
Природа отвратит заботы от царя,

Умолкнут в храмах песнопения и Веда.
Отступницу-страну охватят беды.

О мудрости царя

Правитель, внявший праведным речам,
Стать может неуютным богачам.

Отвергнувший спокойные решенья —
Погубит толпы в жертвоприношенье.

Подвластный извержениям словесным
Не может быть посланником небесным.

Совет, рождённый сердцем мудреца,
Пусть царь исполнит от начала до конца.

Ведь мудрость и целительна, и свята,
И не бывает никогда витиевата.

О мужестве и упорстве в деяниях

Деянья есть печать ума и воли,
Рассудочность — помеха им, не боле.

Не ставь печать, когда болит душа.
Нечёткая она всегда нехороша.

Не бойся, если друг на вид тщедушен.
Порой в делах такой помощник нужен.

В решительных шагах не уступи врагам,
Каких бы гроз ни разразился ураган.

Не позволяй слезам бессилия пролиться —
Тонка у мужества со слабостью граница.

О врагах в твоём стане

Всё близкое способно вызывать боль.
Душою овладеть им не позволяй.

И не терпи врагов в родном соседстве —
Изранят твоё собственное сердце.

Бывает хуже кровное родство,
Чем оспа, заключение, воровство...

Стрела и меч поранят только тело.
Для пагубы незримой нет предела.

Не дай в себе заснуть живой душе.
Итак, всегда бывай настороже!

О решимости и решительности

Не отдавай себя ни слабости, ни лени.
Решимость — это мощь преодолений.

Так претвори её в решительности дух —
И невозможное возможным станет вдруг.

Не уплати дурным страстям ни капли дани,
Избавишь тем себя и ближних от страданий.

Шлёт неизменно неудачи мудрый Бог,
Чтоб мы вернулись на благую из дорог

И среди вечного житейского ненастья
Сумели бы найти завещанное счастье.

О взаимопонимании

Кто сходу видит близких и врагов,
Тех нужно чтить на уровне богов.

В житейском угнетающем тумане
Бесценен луч взаимопониманья.

Таких помощников царю бы надо брать,
Таковыми увеличить управляющую рать.

Увы, чиновнику всегда важна ограда,
Ему число запретов увеличить надо.

И остаётся лишь мечтать о том,
Что Бог подарит людям общий дом.

Советы царю по одолению пороков

Из малого греха не делай тайны,
Иначе обретёт размеры пальмы.

Оберегающего собственный порок
Добро не пустит даже на порог.

Кто и богат, и непомерно жаден,
Тому «подарок» Кали-юги даден.

Когда не хочешь обижать и воробья,
Накинется сама греховность на тебя.

Казни в душе бесплодные деянья,
Царю позорны и такие состоянья.

О царской дружбе

Трудней всего найти на свете друга,
Особенно, когда бывает туго.

Ещё трудней найти её царю,
Встречающему позднюю зарю.

Понять лицо и суть, увидеть верность,
Угодливость, игру в благоговейность.

К святыне дружбы подпускать нельзя.
В беде покинут «неизменные друзья»,

Которые в любви сегодня поклянутся,
А завтра царь ушёл — они не обернутся.

О выборе друзей и врагов

Друзья и недруги крепят любое царство,
И присягнув, и посягнув — всегда лекарство.

Тех и других на прочность надо проверять,
Чтоб государю власть свою не потерять.

Ему не нужно ущемлять свободу друга,
Преуменьшать размеры вражеского круга.

Но главный щит царя в самом себе,
Так только можно устоять в борьбе.

Условия борьбы диктует Кали-юга —
Предательства разнузданная вьюга*.

* Стараясь сохранить дух первоисточника, я в последних двух строках «Тируккурала» довольно далеко ушёл от его буквы.

О предусмотрительности

Царю, которому важны добро и сила,
Беспечность хуже яростного пыла.

Трусливый пребывает в страхах вечных,
Власть не выносит трусов и беспечных.

Когда предусмотрителен во всём,
Проедешь жизнь надёжным колесом

По всем её путям кривым и мутным.
Такой правитель назовётся мудрым.

Тогда добьётся цели без труда,
Коль эта цель жива в душе всегда.

Доверяй чиновникам после их испытания

Доверься только тем, кто хорошо испытан,
Весьма желательно — по много раз избитым.

Среди прошедших сквозь горнило драк
Почти отсутствуют и сволочь, и дурак.

Всю челядь пропусти через проверку.
Сам наблюдай за этим действием сверху.

Не опустишь до вспышки тёплых чувств,
Не полагайся на оценку чьих-то уст.

Вредны в проверке как чужие одобренья,
Так, впрочем, и свои дурные подозренья.

Об отношениях с чиновником после испытаний

Того привлечь необходимо к службе,
Кто знает дело, верен личной дружбе,

Цени способного полезным быть казне,
Поладить с земледельцами в стране,

Хранить нетронутость её пределов
От всевозможных вражеских проделок.

Не доверяй судьбу свою тому,
Кто слеп к тебе и к твоему уму.

Сам трезв пребудь к чужим умам и взглядам
И справедливым к наказаньям и наградам.

О дружбе и службе

Чрезмерны для владык такие риски,
Когда советники расчётливы и низки.

Любого властелина личная корысть
В делах подстерегает, словно рысь.

Служить своей стране сначала нужно.
Но и в политике необходима дружба.

Кому-то кажется суждение двойным —
Со смертью, дескать, всё уходит в дым.

Однако, родине своей служа усердно,
О дружбе помни, лишь она бессмертна.

О враждебности

Не может царь, одолеваемый враждой,
Ни победить врага, ни справиться с нуждой.

Враждебность непременно
 возвратит к истокам —
Творец при Сотвореньи
 не был к нам жестоким.

Мир опозорила в последующем тварь.
И главное, — любой неправый государь.

Враждебность порождает новые пороки,
Растит извечно тупиковые дороги

И тот бессмертия достоин властелин,
Который не вбивает между подданными клин.

О ненависти

Не возвращивай её в глубинах сердца своего —
Родившись для врага, тебя погубит самого.

Мир расцветёт, когда его возглавит,
Кто ненависть в надежду переплавит.

Но никогда своей надежде не позволяй
Довериться не знающему боль.

Ты одинок. Кольцо врагов сжимает туго.
Хоть одного попробуй сделать другом,

А если ненависть не можешь укротить,
Тогда придётся к Яме уходить.

О непотворстве жене

Владыку не согреет истинный почёт,
Когда его чрезмерно женщина влечёт.

Высокий дух согнётся сразу книзу,
В делах поддавшись милому капризу.

Достойней похвал покорная жена,
Такая государю настоящему нужна.

На троне страстным двум не отсидеться —
Обступят беды, у царя поникнет сердце.

И смотришь, без особенной вины
Вдруг наступает угасание страны.

О блудницах

Прекрасен и опасен женский лик
Для всех на свете, но особо — для владык.

Земных царей подстерегают петли,
Где могут погубить простые сплетни.

Святые люди говорят: объятия блудниц
Глушцов пленяют как ловушки малых птиц.

Обманутых ждёт жалкая награда —
Земное отражение Ведического Ада.

Соблазн блудниц с костями* и вино —
Известен людям и царям давным-давно.

* Имеются в виду игральные кости.

Об энтузиазме

Богат не тот, кто в рупии влюблён,
Но кто их сундуком не ослеплён,

Кому богатство вручено на дело —
Не чтобы нашей сутью завладело,

И навязало мерзкий мировой маразм.
Задача Бога в нас зажечь энтузиазм

Возвысить дух — не временное тело,
Поднять в частице «ту» основу — Тео*.

* Мне приходилось встречаться со мнением, что такие слова как «энтузиазм» и «интуиция», следовало бы писать, используя корень «тео», а не «ту». И хотя в индийских языках слово «Бог» звучит как «bhágas» («господин», «одаряющий»), в данном случае я, с целью подчеркнуть глубинное единство восточных и западных представлений о божественном, сознательно употребил слово «энтузиазм» с древнегреческим корнем, означающим «божественное вдохновение». Ведь поэзия тесно связана с состоянием вдохновения, и древние это хорошо знали. Древние жрецы и брамины слагали гимны, находясь в этом состоянии. Позволю привести себе академическую цитату из уже упоминаемого исследования Сергея Петрова «Индоевропейцы: поэзия и поэты» на эту тему: «На основании индоар. kaví- “поэт, провидец, мудрец”, авест. kəvi- “жрец, правитель”, лидийск. kaveś “жрец” и гр. κόης/κοίης “жрец” (Самофракийских таинств, у Гесиохия) можно восстановить ПИЕ слово *kowhlēi(s) со значением “жрец, провидец, поэт”,

А сделались не садом, даже не песком,
Огромной туши догнивающим куском.

О войске

Хорошей вине* нужен тщательный изгиб,
Солдату — чтобы был достаточно избит.

Тогда лишь при любом военном раже
Такому бой и с демоном не страшен.

Тем более непуганая стая крыс.
Такую убеждает окрик «Брысь!»

Или один удар, коль очень уж неймётся...
Ещё войскам нужны вожди и полководцы.

Солдат всегда окажется неправ,
Когда бездарен офицер и генерал.

образованное от глагольного корня **keuhl-* “видеть, воспринимать” (рус. “чуть”, “чудо”, гр. *kūdos* “слава”). Засвидетельствованное на западе индоевропейского мира слово **wōt-* “провидец, поэт”, образовано от глагольного корня **wet-* “дуть, веять, вдохновлять”, связь которого с поэзией восходит к общеиндоевропейской эпохе — ср. в “Ригведе” обращение к Агни: “Вдохни в нас мысль!” (*no āpi vātaṃ mānaḥ*) (РВ 10.20.1)».

* *Вина* — индийский музыкальный инструмент.

О крепостях

Они нужны защитникам и трону,
В атаках и принявшим оборону.

Важны им стрелы, склады пищи и воды,
Чтобы подкопы не наделали беды.

Стен неприступность, выгода позиций,
Как долго нужно в обороне провозиться.

Как быстро в наступленье перейти,
Когда отрезаны обратные пути.

Никто победу не вручит на блюде,
И крепость основная — это люди.

О выборе часа для удара

Не пробуй время ставить кверху дном,
Сову ворона побеждает только днём.

Глаза правителя и днём, и ночью зрячи —
Лишь в этом случае сопутствуют удачи.

Неправедным порядкам объявляя бой,
Владыка должен хорошо владеть собой.

Сжать словно цапля поначалу крылья,
А после ратные явить успехи и усилья —

Раскрыть свой клюв и нанести удар,
Вкусив победы упоительный нектар.

О выборе места победы

Свои с врагами соизмерив средства,
Сумей найти для главной битвы место.

Как люди укрощают мощного слона,
Так может победить и меньшая страна.

Здесь устрашающие не важны размеры,
Но сила мужества, ума, терпенья, веры.

Твердыня внешняя хорошая нужна —
Крутые стенки замка, верная жена...

И никакая сила не страшна народу,
Поднявшему свой меч за правду, за свободу.

О благожелательности царя

Над государством тёплый ветер веет,
Покуда государь семян вражды не сеет.

Дают коровы, масло, молоко, навоз,
Пока в нём ратный не возник психоз.

Что толку в музыке, коль песня не поётся
И добродушие из звонких слов не льётся?

Благожелательность — невидимый алмаз,
Бесплатно нами посланный из глаз.

Под силу и такой подарок воплощённым —
Заклятый ворог покидает их прощённым.

О задачах соглядатая

Судьба владык бывает грозной и проклятой,
Поэтому ей нужен неусыпный соглядатай,

Который должен за делами царскими следить,
Опасности фортуны разглядеть и упретить.

Зреть ясно, где ошибка, кто виновник?
И не изменит ли проверенный сановник?

Нельзя, чтоб соглядатай подозрения внушал,
Был слишком резок, на виду событиям мешал.

Оплачивать его услуги нужно
Так, чтобы тайной оставалась служба.

О советниках

Царь и советники его — кулак один,
Как пальцы чуют, кто их господин.

Какое следует царю вручить лекарство,
Как нужно вражеское усыпить коварство.

Пускай советник превосходит мудрость Вед —
Обязан чувствовать природоу всех побед.

Царь может обладать натурой дикой.
Советнику нельзя робеть перед владыкой.

Заранее событий ход предполагать,
Советы убедительно и ярко излагать.

О красноречии

Советнику нельзя промахиваться в слове
Здесь жизнь страны и смерть её в основе.

И красноречие не есть изящность фраз,
Но верный смысл и справедливость глаз.

Запомни также: неприятельские речи
Мозги друзей затронуть могут резче.

И что иной смышлёный краснобай
Способен словом сотворить и ад, и рай.

Пускай уйдут подобные загадки.
Останутся дела, а речи станут кратки.

О поведении на собрании

Когда перед народом держишь речь,
Нельзя его вниманьем пренебречь.

Проверь словами слушателей уши,
Как речь твою воспринимают души.

Выстраивая пониманья мост,
Будь максимально короток и прост.

Пусть мудрый поучает умудрённых,
Не тратя время на самовлюблённых.

Воспитывать подобных всё равно,
Что в сточную канаву лить вино.

О бесстрашии в беде

Когда беда взяла за горло — смейся,
И что отпустит, радостно надейся.

Разбрызгивай её воинственный оскал,
Как в океане цепь прибрежных скал.

Обязан чела знать, что боль и беды
Лишь закаляют тело для победы.

Не следует ему пускаться в плач,
Мол, жизнь безукоризненный палач.

Пуškai душа в страдании не дрогнет,
Тогда как струп само собой отсохнет.

О величии воина

Забудь, противник, о войне с царём,
На ней утратишь голову и дом.

Похвальна доблесть, явленная в битве,
Но выше отданная миру и молитве.

Он яро мечет во врага копьё,
С улыбкой лечит поранение своё.

Когда же долго ран не получает,
По будущим сражениям скучает.

И если падает на поле ратных гроз,
Уносит небо крупный жемчуг слёз.

О низменности многих

Все эти люди ныне те же, что вчера,
Как старые горшки слепого гончара.

Они ловцы попутных ветров и везений,
Им незнакома боль душевных угрызений.

Отсутствием сердечных облаков
Они похожи даже на богов.

Им впору всякая народная рубаха,
А из переживаний — чувство страха,

Что оборвётся воплощений рать,
А значит, и горшок не станут покупать.

О вреде лени

И свет святого обретает тленность,
Когда им завладеет копоть-леность.

Семья ленивого найдёт дурной конец
Ещё быстрее, чем споткнувшийся отец.

Необходимо истребить её задатки
Иначе привлечёт другие недостатки.

Лентяю царь не в состоянии помочь.
Беги от сей чумной заразы прочь!

Правитель, одолевший лень делами,
Приобретает шаг, подобный Тривикраме*.

О самооценке

Сначала трезво оцени себя,
Потом — врага, опасности любя.

Лишь после этого прими решение,
В победное уверовав сраженье.

Найдёт погибель верную свою,
Сомненьями терзаемый в бою.

И перья растопыривший павлиньи
Опасные в судьбу вбивает клинья.

Стремящийся подняться в Небеса,
Не отрывает от земли глаза.

* *Тривикрама* — одно из редких имён бога Вишну. Согласно тамильской легенде, он, приняв облик карлика, попросил у царя Бали небольшой кусок земли, который обещал покрыть тремя шагами. Царь согласился. Карлик же, на глазах превратившись в гиганта, покрыл тремя шагами три мира — земную и водную поверхность, атмосферу над ними и всю небесную сферу.

О близости к царю

Необходимо знать и цену ей, и степень,
Не обнажить своих желаний стебель.

И не стореть, как говорится, на корню,
Опасно приближаясь к царскому огню.

Не лезть до срока в царские секреты,
Пока владыка сам не соизволит это.

Согласно воле господина и уму
Докладывать угодное ему.

А если что придётся не по нраву,
С достоинством выдерживать расправу.

О счастливой стране

Она и та, которую боятся,
И средоточие природного богатства,

Где территория не ведаёт дробленья,
А люди не знакомы с трусостью и ленью.

Там долго светит терпеливая заря
И почитают справедливого царя.

Над нею грозные бывают часто тени,
Но лишь крепят громами потрясений.

В такой державе все её напасти
Есть результат несправедливой власти.

О земледелии

Как знающие люди ни учили бы друг друга,
Не могут миновать испытанного плуга.

И если истинной свободы ищешь ты,
Не обойдёшься без тяжёлой «пахоты».

В житейской бесконечной колеснице
Всё держится на этой первой спице.

Без земледельца проповедник и аскет
Поднимут руки вверх — нам жизни нет.

Выходит, даже на небесной крыше
Нет дела больше, неотложней, выше.

О нужде

Коль разговор заходит о нужде,
Скажи о ней, как о большой беде.

Она дитя минувших заблуждений,
Нередко спутник будущих рождений.

Родня не хочет слушать бедняка,
Когда его протянута рука.

И благородная семья бывает нищей,
Гоняется за кровлей и за пищей.

И если не сознательный аскет,
Беги от прародительницы бед!

О глупости

Она содержит злое преступленье —
Над совестью невинное глумленье.

Безропотно встречает модный грех,
И ревностно — заслуженный успех.

Не знает страсти, воли, интереса
В потёмках человеческого леса.

Умеет, правда, создавать навоз —
Единственный её полезный воз.

Но ждут нас беспримерные напасти
Когда дорвутся умники до власти.

Об азартных играх

Не связывайся с ними, даже если повезёт,
Удача от дурных последствий не спасёт.

Во-первых, в нищету когда-то ввергнут
И звёзды счастья для тебя померкнут.

А во-вторых, кто с ними обручён,
В иные низкие делишки вовлечён.

Азарт, уничтожая накопленья,
Толкает нас на клятвопреступленья.

И главное, — входя в игорный дом,
Теряешь радости, добытые трудом.

3. КНИГА О ЛЮБВИ

Муки при виде любимой

Я потрясён, узрев её небесные черты!
Неужто предо мной богиня Красоты?

Иль это та, что мне ночами снилась,
Отныне наяву телесно проявилась?

А может быть, поэт в плену Небытия,
И прервалась навек земная жизнь моя?

Тогда откуда это жадное желанье
Одежды сбросить с тела юной лани?

Вино пьянит, когда кувшин испит,
Моё желанье возбуждает милой вид.

Тайна сердца

Глаза красавицы подведены сурьюю.
Рождают нежность, кажутся тюрьюю...

Она бросает не меня украдкой взгляд
И обещает подарить бесценный клад.

Но встретившись с моим горящим взглядом,
Свой, опускает вниз с цинювкой рядом.

И даже если прямо в очи не глядит,
Я чую, как она за мною исподволь следит.

Глаза умеют разговаривать с глазами,
Когда словесный позади экзамен

Блаженство объятий

Любуюсь красотой и слышу нежные слова,
Блаженствует душа, кружится голова.

Болезни наши лечат разные лекарства.
Беду мою — любимой ласковое царство.

Влюблённым радостно слиянье душ и тел,
Оно уносит за земной наскучивший предел.

Разлуки, ссоры, примиренья, встречи —
Всё это драгоценный мир противоречий.

Через него мы познаём Вселенной ритм
И почему огонь бессмертия горит.

Наслаждение красотой

Я остро чую, как роскошно по ночам
Цветёт любви волшебный аниччам*.

Но милая моя куда светлей и слаще,
Чем он, чем все бамбуковые чащи,

* *Аничча* (пали: *anicca*) — *анитья* (санскр. *anitya* — «бренность, непостоянство») — наряду с дукхой и анатманом составляет Три признака существования. Один из главных постулатов буддизма, целиком перекочевавший в тамильскую ветвь индуизма.

Когда весною чувствует рука
Податливую гибкость тростника.

А обнажённый стан, волнующий и юный,
Напоминает свет июля лунный.

Поистине, такую нас чарующую плоть
В последний день Творенья подарил Господь.

О потере стыда влюблёнными

У тех, кто страстным истомлён огнём,
Есть шанс игрушечным обзавестись конём*,

Однако же влюблённой в юношу девице
Взбираться на такие «сёдла» не годится.

Иными средствами свою смиряет страсть,
Чтоб в низменные сети не попасть.

* В древности в Тамилнаде (так называлась некогда эта южная часть Индии) был обычай, когда безнадежно влюблённый юноша возводил из очень колючих веток так называемого пальмирового дерева особого «коня» и садился на него верхом, испытывая муки. Родители и друзья юноши просили родню девушки сжалиться над столь суровой формой аскезы. Как правило, следовало общее согласие и девушку выдавали замуж, если, конечно, юноша до конца выдерживал экзамен.

Сих чувств не знающие иногда смеются,
Пока в таких капканах сами не забьются.

Тогда, познав страдания свои,
Дадут оценку «укрощаемой любви».

Молва о любви

Не скрою, многим на селе известно
О наших чувствах. И такое лестно.

Хотя любимой я покуда не обрёл,
И рано крылья распустил орёл.

Нас видели вдвоём однажды с девой,
Но слух прошёл — луну похитил демон.

И докатилось до мамашиних ушей,
Что тело дочка рано предала душе.

Молва известна, как пустая бочка.
Важна Любви неизменяемая точка.

Муки разлуки

Скажи, что не оставишь ты меня,
Что буду греться у любовного огня.

Что не подвластны чувства наши страху,
Что их не украдёт неумолимый Раху*.

Любовь моя готовит перемену мест.
Подруга, задержи любимого отъезд**

Хотя бы, например, до будущего лета...
С ног похудевших падают браслеты...

Мне удивительно, что множество людей
Не знают — Кама часто истинный злодей.

Взаимные чары возлюбленных

Я нежным языком ищу её язык.
Как сладко получить ответный клик!

Прочь зрение тоскующего взгляда!
Нас тешит этого слияния награда.

Возлюбленный мой ласков, строен, смел,
Места любимые мои познать успел.

Я берегу его Любви святые силы,
Чтобы внезапно не исчез мой милый.

* Согласно тамильской мифологии, во время затмений луны её глотает и затем отпускает в небо демон Раху.

** Для «Тиккурала» весьма характерен образ подруги, к которой девушка обращается с жалобами на любимого.

Увы, завистлив человеческий взгляд —
О наших чувствах что попало говорят...

Стенания жены-невесты в разлуке

Я скрыть стараюсь от людей страданья,
Они же догоняют, словно волны в океане.

Но если рассказать о них любимому хочу,
Сбиваюсь второпях или совсем молчу.

Перенести разлуку не хватает силы.
Мучения мои почти невыносимы.

Где чёлн, узреть, услышать скрип колёс,
Как пересечь страдальческое море слёз*?!

О муках, вызвавших болезни тела

Я согласилась на разлуку с милым.
Что сердцу оказалось не по силам.

Кому теперь пожаловаться мне,
Такой же бледной, как и я, Луне?

* При всей внешней, типично женской несовместимости образов, где колесницы могут плыть по морю слёз вместе с челнами и глазами, картинки вполне очевидны. Противоречивая женская логика в данном случае убедительнее мужской — да, в мире всё возможно.

Я побледнела, даже жёлтой стала,
Болезни, видно, показалось это мало.

Вся высохла, похожа на скелет,
Исчезла грудь и выпуклостей нет.

Лишь проступают рёбра костной клетки
И злая радость на лице моей соседки...

О связи тела, любви и страсти

Как облака шлют благодатный дождь,
Так и Любовь являет жизненную мощь.

Мужскую доблесть часто воспевали,
Но женщина уступит ей едва ли

В уменье страстном убедить себя саму,
Что мудрый Кама неподвластен никому.

Что вечное* Его в крови движенье
Есть бесконечной жизни продолженье.

А вся вокруг Любви скопившаяся фальшь
Есть непотребный для Неё позорный фарш.

*Здесь имеется в виду — непостоянное, рассчитанное на один век.

Плач о прошлом

Я помню, как умел ласкать любимый тело...
Оно чихнуть в разлуке как-то захотело

И не смогло. На память не пришли его слова:
«Будь крепкой и здоровой, как трава!»

Ну что ж, подумала, случается такое
И память обо мне его не беспокоит...

Пусть сон продолжится... Не заходи, Луна!
Я твёрдо знаю — не останусь на земле одна.

Мне больше ничего не остаётся,
Как верить, что возлюбленный вернётся.

Страдания в ожидании любимого

Я боль почувяла, магнит увидев свой.
И вновь глаза мои подёрнуты слезой.

О бедные глаза мои! Всегда на мокром месте
Приходится вздыхать соломенной невесте.

Кто я такая? Ни невеста, ни вдова,
Ни мужняя жена. Слова, слова, слова...

А знали б, деве каково без маски,
Когда познала все супружеские ласки!

Мужей не упрекают за любовный блуд,
А женщине Любовь — тяжёлый труд.

Плач с приходом вечера

Пускай опустится скорей на землю вечер!
Мне, кроме снов, дышать на свете нечем.

Луна за тучами пускается в свой путь,
Слежу за ней и не могу заснуть.

И засыпаю... Сны мои — твоё прощенье.
Я вижу милого, объятий возвращенье...

Дрожу от счастья... Но встаёт рассвет.
Я слышу флейту пастуха. Иллюзий нет.

Так день за днём, за ночью длятся ночи...
Луна заходит, жить душа не хочет.

Моё цветенье блекнет

Случается, на лотос любоваться не могу.
Не пожелаю я такого даже лютому врагу.

Цветок становится ещё великолепней —
Моё ж цветенье с каждым часом блекнет.

Глаза тускнеют, бесконечно слёзы льют.
Воспоминания о Любви покоя не дают

Соскальзывают с рук и ног браслеты...
...Для милой всё это недобрые приметы.

У жён неразделимы дух и плоть.
Труднее, чем мужам, обоих побороть.

Разговор с сердцем

Ах, сердце, где душе найти лекарство,
Способное в снадобья облекаться?

И охранить меня от постоянных мук,
Мучительным любовный стал недуг.

О сердце! Ты летишь любимому вдогонку
В неведомую мне далёкую сторонку,

Где он, быть может, и не ждёт меня?
Спаси от языков жестокого огня.

Но может, все сомнения напрасны.
Любовь вернётся, и мечты прекрасны...

О моей потере стыдливости

Топор Любви, как разъярённый зверь,
Стыдливости разламывает дверь.

И девушка в пылу любовной страсти
Всегда готова с юностью расстаться.

Таков закон, и я с любимым такова,
Мне не нужны его красивые слова,

Достаточны надёжные объятия —
Я тоже до утра не надеваю платья.

С ним таю вместе в счастье и в беде,
Как масло из сандала на сковороде.

О понимании тайных желаний

Ты хочешь скрыть от глаз живое Нечто,
В подлунном мире существующее вечно.

Но слишком выдаёт тебя огонь очей,
Горящий в ласковой бессоннице ночей

Твоя полуулыбка новые сулит мне
Подарки в этой сладостной молитве.

Едва взглянула ты на украшенья ног,
Как я порыв сдержать уже не смог,

Поняв твоё немое приглашенье
Продлить благословенное сраженье.

Стремлюсь к новым объятьям

Безропотно прощу уверенному Каме
Игру с моей душой, ногами и руками.

Как только звякнул твой ножной браслет,
Так я у меня сдержать желанья силы нет...

Таковыми нас создал Творец при Сотворенье,
Вложив Любовь и вместе с Ней боренье.

Безмолвие скрывает таинства концы,
Открыть которое способны мудрецы.

Ждёт прочих с новым воплощеньем встреча.
Так и живём, законам Божьим не переча.

Притворная обида

Не обнимай любимого при встрече,
Пусть отвернутся, вздрогнув, твои плечи.

В любви притворство, словно соль в еде.
Переборщишь — окажешься в беде...

Я сам начну немые утешенья,
А их, глядишь, поддержат искушенья...

Стратегия Любви проста с древнейших пор —
Все Её игры начинают речи, жесты, взор...

А дальше сила двух связать такие узы,
Чтоб устояла крепость брачного союза.

О чрезмерной ревности

Позволено всем девам любоваться на тебя.
Держись на отдалении единственная я.

Чихнуть внезапно захотел любимый.
Не пожелав здоровья, проплываю мимо.

...Усы себе пытался отпустить —
Она: «Кого собрался обольстить?»

Сказал: «Ты мне дороже всех на свете».
Она: «А кто тобой не названные “эти”?»

И даже если, слишком долго помолчу,
Она ворчит: «О ком мечтаешь, знать хочу».

Наслаждение от мнимой обиды

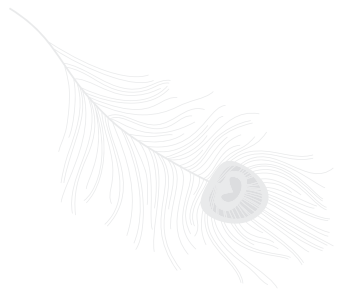
Итак, мой муж с другими женщинами ровен,
Я обижаюсь, чтобы убедиться — невиновен...

Конечно, подозрения ему приносит боль,
Но вместе с ними укрепляется Любовь.

Такие игры долго сохраняют чувства.
Любовь до старости — великое искусство,

Которому всегда необходим полив.
Обряд любовный, хоть не очень хлопотлив,

Но требует от нас заботы и ухода,
Как всё, что подарила благодатная Природа.

ЧАСТЬ II

**ЛЮБОВНАЯ
И ФИЛОСОФСКАЯ
ЛИРИКА ИНДИИ**

Данный раздел книги охватывает примерно 16 веков индийской поэзии и включает и несколько средневековых поэтов, и авторов, относящихся к новому и новейшему периоду развития литературы страны. Перед нами такие выдающиеся авторы, как Калидаса (IV—V в. н. э.), Лал Дэд (1320—1392), Кабир Дас (1440—1518), Сурдас (1478/79—1582/83), Мирабай (1498—1582), Мирза Галиб (1796—1869), Рабиндранат Тагор (1861—1941), Свами Вивекананда (1863—1902), Ауробиндо Гхош (1872—1950), Мухаммед Икбал (1873—1938), Сароджини Найдю (1879—1949), Инайят Хазрат Хан (1882—1927), Хариванш Баччан (1907—2003), Субхаш Мукходпадхьяй (1919—2003), Ашок Ваджпейи (1941).

Несмотря на то, что в этом разделе представлено небольшое количество поэтов, все они крупные авторы, высоко почитаемые как простыми людьми, так и специалистами. В ряде случаев (речь идёт прежде всего о Тагоре и Икбале) представленные поэты известны на весь мир.

Среди них есть и мужчины, и женщины, и индуисты, и последователи ислама и индийского суфизма. Читая эти стихи, мы можем видеть, как менялась индийская поэзия на протяжении веков, в тоже время оставаясь неизменной в своей основе.

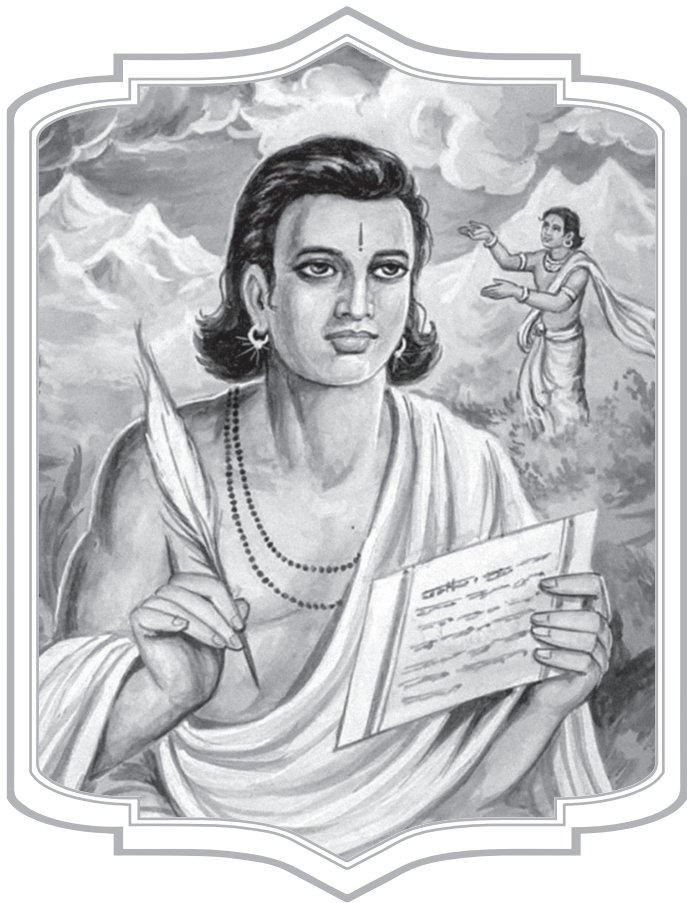
Автор переводов и переложений, с огромным уважением относящийся к своим предшественникам-индологам, не пошёл по пути полного сохранения всех индийских имён и религиозно-мифологических терминов: это прекрасно сделали авторы научных переводов. Он сделал попытку осовременить переводимые тексты и не стал сохранить сложную и громоздкую индийскую строфу, как и в других своих переводах (французская, персидская, китайская, английская поэзия), намеренно переложив слова и образы в русскую метрику. Насколько удачна оказалась эта попытка, судить, конечно, не автору, а читателям. Автор надеется, что этот творческий метод, благополучно применённый в переводах и переложениях стихов другой традиции, окажется уместным и здесь.

КАЛИДАСА (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО IV—V ВЕК)

Калидаса — легендарный поэт древней Индии. Точные даты его жизни неизвестны. Однако исследование его героев, а также исторических персонажей, упоминаемых в пьесах, позволяет сделать вывод, что это, скорее всего, IV—V в. н. э. Он считается одним из столпов древней индийской поэзии, создавшим множество поэм. Эпоха, в которую жил поэт, была отмечена крушением философии брахманизма и рождением индуизма. Сложное время отразилось в разных поэмах и драмах Калидасы, писавшего о том, что волновало его современников. В те времена поэт считался пророком, к которому предъявлялось большое количество требований. Он должен был быть очень образованным человеком, знать, помимо литературы и теории языка, самые разные искусства — танец, музыку, пантомиму, науку о любви, а также военное дело, логику, философию, астрономию.

Главными пьесами, которые создал Калидаса, считаются «Шакунтала», «Викровармаши», «Ма-

КАЛИДАСА

лавика и Агнимитра». О чём рассказывают нам эти драмы с непривычными для русского уха названиями? Прежде всего, о любви и различных перипетиях, сопровождающих влюблённых на пути к счастливому развитию их отношений. Об их царском происхождении, которое счастливым образом раскрывается после много численных испытаний. О власти, которая нередко решает судьбы влюблённых совсем не так, как они надеются. О космических циклах, которые иногда бывают зашифрованы любовным сюжетом. Об эротизме, составляющей основу человеческой природы и аскетизме как способе обуздания соблазнов. О поисках счастья, что хорошо отметил наш историк Николай Карамзин, в 1792 году переведший эту драму на русский язык: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде имеет он чувствительное сердце, и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник его удовольствий... Я чувствовал сие весьма живо, читая Саконталу, драму, сочинённую на индийском языке, за 1900 лет перед сим, азиатским поэтом Калидасом, и недавно переведённую на английской Виллиамом Джонсом, бенгальским судьёю...»

Я перевёл фрагменты ранней поэмы Калидасы «Времена года». Она интересна тем, что описывает разные оттенки любви между мужчиной и женщиной, меняющиеся в зависимости от времени года. Не зря учёные говорили, что она могла бы называться «Календарём любви».

Приветствие заре

Гляжу на восходящий утром день —
В нём радостные краски, путь и правда.
Доступна нам лишь первая ступень
Того, что мы с тобою встретим завтра.

День прошлый растворился навсегда.
Грядущий — укрывает длань Господня.
Несчастья ждём — и впрямь придёт беда,
Душою порождённая сегодня.

Зачем прошение отправлять Царю
Прислать беду, коль Он хозяин Света?
Откликнусь так на новую зарю:
«Пусть ярче запыляет дух поэта!»

**ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ
«ВРЕМЕНА ГОДА»***

1. Лето

Проснулись птицы певчие
Под гаснущими звёздами.
Запели песни брачные
Над землями, над гнёздами.
Днём звонкими браслетами
Заманивают женщины,
Шлют тем, кто им понравился,
Полночный рай обещанный.
Напевы соловьиные
По вечерам рождаются.
Внимая им, влюблённые
Друг другом наслаждаются.
Жена одежду лишнюю
Сняла — не создавала бы
Помехи мужу. Капнула
На грудь бальзам сандаловый.
И всё великолепие
Природное, погодное
Творец создал для радости,
Любви и нам угодное.

* В Индии, в отличие от России и Запада, вместо привычных четырёх сезонов года — шесть. Добавлены сезоны дождей и холодов.

2. Сезон дождей

Дожди за летом следуют
С раскатами громовыми,
С потоками шумящими,
С травы коврами новыми.
И реки наливаются
Проливной с неба влагою,
В утробы океанские
Несут себя с отвагою.
Мы тоже в тень не прячемся
От гроз и блеска молнии,
Желаньями томимые,
В юнцах неутомонные.
Рисует сцены дивные
Душе воображение.
Становится ускоренным
К свиданиям движение.

3. Осень

Пора настала осени,
Созревшая и ясная,
Нисколько не холодная,
Весёлая, прекрасная.
Она ласкает трепетно,
Забыв про пору юную,
Подросшую со временем
В воде дорожку лунную.

Плывут рекой два лебедя
Так, словно дева с юношей.
Рябь поднимает светлую
Прохладный ветер дунувший,
Нас радуют картинками
Благословенной осени,
Поля, где рис качается
Тяжёлыми колосьями.

4. Сезон холодов

Зерно в амбары убрано,
Снопы в полях уложены,
Тропинки же любовные
Ненастьем загорожены.
В дни холодов влюблённые
Мгновеньями заветными
В местах укромных прячутся,
Остуженные ветрами.
Бездумные целуются,
Желаньями томимые...
Границы раздвигаются,
Законом допустимые.

5. Зима

Зимою вянут лотосы,
И холода врываются.
От их укусов женщины

В мужских руках скрываются.
С кровати поднимается
Супруга, страстью сытая,
И прячет под белилами
Следы любви не смытые.
Глядится молча в зеркало,
Чему-то улыбается.
Супруг в постели скомканной
Нескоро просыпается.

6. Весна

Весна вернулась царствовать
Над снами и надеждами.
Все женщины украсились
Весенними одеждами.
Шелка надели тонкие,
Вплели цветочки в локоны
И зазвенели новыми
Браслетами-брелоками.
Нам шлют напевы нежные,
Весне — улыбки бодрые.
Походка изменилась их —
Покачивают бёдрами.
Утрами поднимается
Светило златотканое
На колеснице солнечной
В обнимку с богом Камою.

ЛАЛ ДЭД (1320—1392)

Предтеча средневековых мистиков Кашмира, Лаллешвари, известная как Лалла, Лал Дэд или Лал Арифа, Выдающаяся поэтесса средневековой Индии, почитательница Шивы, в поэзии которой исследователи находят влияния йоги, тантризма и даже суфизма. Мистическая поэзия Лал Дэд — «Лалла Вакх» (буквально «изречения Лаллы») — самые ранние композиции на языке кашмири, составляющие важную часть кашмирского литературного и лингвистического наследия. Её стихи, сохранившиеся по большей части в устной передаче, пронизаны страстным стремлением освободиться от несовершенства мира.

Лал Дэд («Мать Лал» или «Мать Лалла») также известна под разными другими именами, в том числе Лал Дайяд (Дайяд означает «бабушка»). Её имя оправдывает известную шутку Е. П. Блаватской: «В Индии, с нашей точки зрения, всё перевернуто. Где сказано “баба” — читай “дед”, и наоборот».

ॐ ॐ ॐ

Родилась Лал Дэд в столице Кашмира Шринагаре, в семье браминов, исповедующих шиваитский индуизм. Очень рано обнаружила религиозную приверженность. И когда её в 12-летнем возрасте выдали замуж, больше занималась молитвами и ритуальными танцами, чем супружескими обязанностями. Так гласят средневековые летописи Индии. Они же сообщают, что все свои культовые наклонности юная женщина проявляла не в храме, а на природе, чем вызвала подозрения мужа и злобу свекрови. Муж следил, куда Лалла удалялась, свекровь, которой вынужденно пришлось готовить семейную пищу, подавала снохе камень, чуть присыпанный рисом. Отчего та едва не умерла с голоду. Но выжила. В 24 года оставила семью и принялась вести жизнь странствующего дервиша, при этом всегда путешествовала обнажённой, правда, наготу прикрывали её длинные волосы, доходившие до ступней. Дожила Лалла до 72 лет. В этом возрасте надела на себя красное платье и совершила «сати» — обряд самосожжения. В старой Индии так обязаны были поступать все вдовы. Лалла же, в отличие от них, своим поступком объявила о воссоединении с Шивой.

Можно себе представить, что этой всегда нагой женщине за жизнь пришлось перенести.

Как-то её спросили, не боится ли она «покушения» со стороны мужчин. Она ответила вопросом на вопрос: «Где вы видите в нынешней Индии мужчин? Их настоящих не стало. Настоящий мужчина — человек глубоко религиозный». И это было сказано в XIV веке!

Я побывал в этой стране в конце XX — начале XXI века шесть раз. В общей сложности провёл там больше полугода. Пересёк тысячи километров. Летал на самолётах, ездил в поездах, автобусах, на такси, мото- и велорикшах, однажды даже какое-то время проехал по Раджастану (юг Индии) на слоне. Беседовал с индуистами, йогами, буддистами, магометанами, сикхами (там национальность определяется по религии). Общался с мудрецами, которые входят в институт 108 Махатм, управляющих духовными процессами в стране, — с Баба Вирса Сингхом и Шри Мукти Ишвара Бхагаваном, учителями мантр и ритуалов. Встречался с аскетами (настоящими и ряжеными), вся одежда которых — набдерная повязка. И никогда не видел женщину-аскета, тем более обнажённую. В Индии отношение к Лал Дэд со стороны представителей всех религий весьма уважительное, я бы сказал, трепетное. Свои короткие и очень простые стихи она писала на разговорном кашмири, так что

II. Любовная и философская лирика Индии. Лал Дэд

считается одной из основоположников письменности этого языка.

К сожалению, стихотворные переводы Лал Дэд изобилуют йогическими терминами, понятными любому индусу, но затрудняющими чтение русским читателям. Я, как мог, старался это препятствие устранить.

Легко читать, да трудно следовать тому,
Что величают «истиной» и «счастьем».
Гораздо больше доверяю сердцу, чем уму,
Себе самой,
чем многотомным книжным чащам.

Погрузившись в познание,
Забываю Писание.
Сердце слышит команду:
«Погружайся в Ананду!»*

Я заслужила шутки и сарказм.
Я высушила все земные слёзы.

* *Ананда* — блаженство.

Я выслушала Господа приказ.
Теперь моя свеча горит и в грозы.

Зимою в лёд обращена вода.
Весною снова возникает слякоть.
Природе перемены — не беда.
И ты в них постарайся не заплакать.

Поборола, подчинила
Своё подлое нутро.
Возвратила то, что мило.
Превратила зло в добро.

Я вся поглощена священным слогом Ом.
Всё прошлое в себе сожгла, как уголь.
В скитаньях обретаю новый дом,
С Творцом встречаюсь, как со старым другом.

Ты всё в моей сегодняшней судьбе:
Земля и небо, ночь, и день, и ветер,

II. Любовная и философская лирика Индии. Лал Дэд

Меняющий действительность на свете.
Но что взамен могу я дать Тебе?

Я стала всем отныне и навек.
Внутри все одеянья перешила.
Но что случилось? Поднялась наверх —
Во мне проснулся многорукий Шива.

Ни солнца, ни луны, ни речи, ни ума,
Пуста передо мной житейская дорога,
Один неразличимый розовый туман —
Так видится мне избранная йога.

Во мне йогическому трансу места нет,
Я танцу предана и пребываю в этом акте
И день, и ночь. Не ощущаю Шиву с Шакти.
Танцую. Вижу жизнь сквозь ясный Свет.

Твоя Суть именуется Богом,
Махавирой, Кешавою, Ра,

Рамой, Шивой, загадочным слогом —
Бесконечна названий игра.

Смысл немых и словесных свиданий —
Пусть поможет уйти от страданий.

Лишенные божественных касаний
Постичь мечтают суть святых писаний.
Поклоны отбивая всем мирам,
Поют подобно птицам вслух «Ом-рам»,
Жуют Бхагавадгиту, как траву.
Я не читаю Гиту — в Ней живу.

Аскет, не лишай своё тело еды,
Иначе его доведёшь до беды.
Добро заповедал Господь для души.
В исправности сердце своё содержи.

ВИДЬЯПАТИ (1352—1448)

Видьяпати Тхакур (Биддепотти) — один из самых известных средневековых поэтов Индии, который создавал свои произведения на майтхили (индоарийский язык, относящийся к восточноиндийским языкам) и санскрите. Имя Видьяпати происходит от двух санскритских слов, видья («знание») и пати («господин»), что означает «человек знания». Видьяпати родился в семье шиваитского брамина в деревне Бисфи в современном районе Мадхубани в регионе Митхила в Бихаре. Относился к знатному брахманскому роду — отец и дед поэта были министрами при дворе правителя Митхилы. Потому Видьяпати по праву стал придворным поэтом, которого почитали как власть имущие, так и поэты-кришнаиты из Бенгалии, которые считали его родоначальником своей поэтической школы. Влияние Видьяпати не ограничивалось только майтхили и санскритской литературой, но также распространялось на другие восточ-

ВИДЬПАТИ

II. Любовная и философская лирика Индии. Видьяпати

ные литературные традиции. Согласно исследованию Ананды К. Кумарасвами, влияние Видьяпати на формирование восточной группы индоарийских литературных языков было «аналогично Данте в Италии и Чосеру в Англии»*.

Главным сокровищем поэзии Видьяпати в Индии считают любовно-религиозные стихи, написанные на майтхили. В них поэт воспевает любовь Кришны и его любимой — пастушки Радхи. Я перевёл пять стихотворений, дающих представление о том, что волновало поэтов далёкой южной страны в ту эпоху. По-моему, мужчины и женщины любили друг друга так же, как любят сегодня, разве что вера в Творца в те времена была сильнее, чем в наши дни.

Скрыв колючки, бутон
Распускает цветок.
Насекомое село —
Желанье проснулось...
Так весна продолжает
Свой вечный исток,
Такова без прикрас,
И любовная юность.

* *Coomaraswamy A. K. Vidyapati: bangiya padabali.* — London: The Old Bourn Press, ed. 1915.

Мы друг другу
Давнишние слуги-друзья.
Ты — святой медонос,
Я — твой раб-небожитель.
Забывать же о главном
Обоим нельзя —
Каждый Высшему Духу
Покорный служитель.
Я в любви терпелив
И могу подождать,
Без тебя мне и вовсе
Блаженства не надо.
Ты шелками прикрыла
Свою благодать,
Недоступной на миг
Оказалась отрада.
Для тебя это — игры,
Любовная сеть...
Ну а я-то могу
И всерьёз помереть!

Манят в юности мужа
Сокровища жён.
Но с годами желанья
Становятся строже.
Если встречи с тобой

Я надолго лишён,
Умирает душа,
Что гораздо дороже.
Плоть мою не дразни,
Душу мне распахни!

Мы отмечены Кришной недаром,
Насладимся сердечным нектаром,
Коль тела превращаются в пни!
Ускользнём от земного закона,
Как подлунная птица чакора*.

Что? Ей больно?
Но это любви торжество.
Так задумал Творец
Сотворение жизни.
Шмель, цветок обнимая,
Не сломит его,
Даже если надолго
На стебле повиснет.

* Легендарная птица индуистской мифологии, питающаяся амритой — напитком бессмертия. Чакора в некотором смысле аналогична европейской птице Феникс и славянскому Финисту.

Там, где солнца
Закатный светильник погас.
Начинает луна
Восхитительный час.

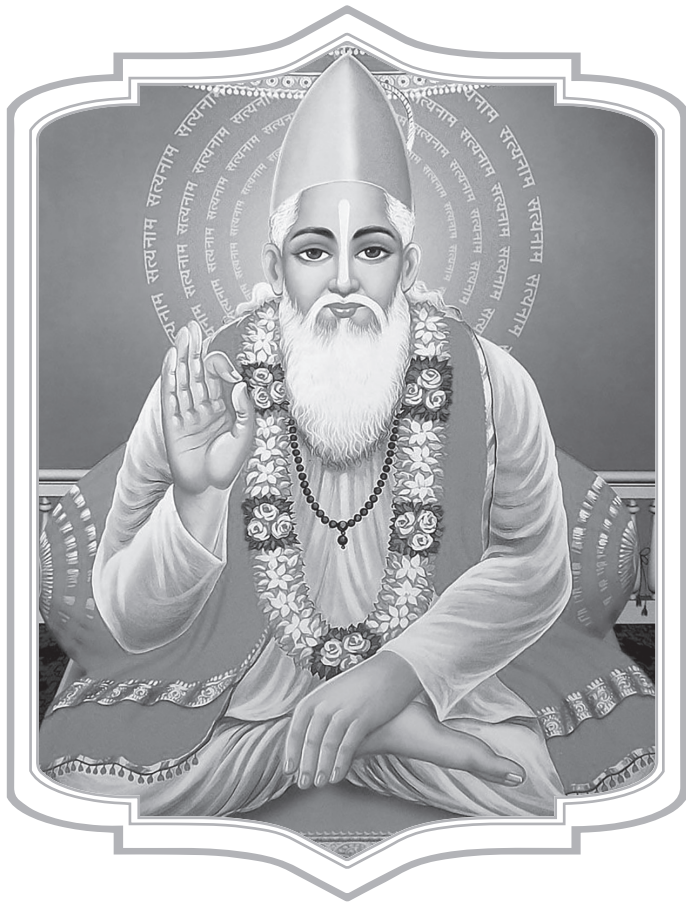
Одежды защитные
На пол упали,
В сознание возникло
Подобие крыл.
Открылись душе
Необъятные дали,
А тело моё
Он собою закрыл.
В объятых любимого
Снова и снова...
А больше сказать
Не сумею ни слова

Я глаза подвела
Не затем, чтоб сурьма
Оттенила их блеск.
Поредевшие пряди
Прикрываю косынкой,
Не пряча ума,

II. Любовная и философская лирика Индии. *Видьяпати*

Не лелея надежды
О плотской усладе.
Нет! Отчётливо вижу,
Что юность ушла,
Что утехи её
Никогда не вернуться.
Вянет тело моё,
Угасает душа,
А мешки под глазами
Похожи на блюдца.
Охраняю свою
Первозданную стать,
Чтоб в исправности
Перед Всевышним предстать.

КАБИР ДАС

КАБИР ДАС (1440—1518)

Кабир Дас — крупнейший средневековый поэт Индии, сторонник мистической любви — бхакти, который получил признание всех духовных традиций: и последователей бхакти, и мусульман, и сикхов. Его воспринимают как религиозного реформатора, боровшегося против кастовых различий, насаждаемых последователями брахманизма, и утверждал индо-мусульманское движение. Наследие, оставленное Кабиром, велико — его гимны включены в священную книгу сикхов «Адигрантх».

Согласно преданиям, Кабир принадлежал семье простых ткачей, причём его называют приёмным сыном: усыновившие его родители дали ему одно из 99 священных имён Аллаха — «Великий». Большую часть жизни поэт провёл в священном городе Индии Бенаресе. В этом регионе получила распространение поэзия ниргун-бхакти, причудливым образом соединявшая целый сплав идеологий — веданту, суфизм с его идеей мистической любви между

душой человека и Господа, натхи (древнюю традицию йоги) и тантрических буддистов, отрицавших кастовые ограничения.

Кабир шёл против многих религиозных правил и, с определённой точки зрения, был еретиком. Он не был жёстко привязан ни к одной из существующих духовных школ и традиций, отрицал обряды (как индуистские, так и мусульманские), не считал йогу главным путём познания, больше уповал на бхакти и верил, что главное — это победа над эгоизмом и страстями. За это его жёстко преследовали власти — и религиозные, и светские. Так, делийский султан Сикандар-шах Лоди приказал бросить поэта под ноги слону, но, согласно преданию, слон почувствовал, что нельзя топтать великого человека, и отпрянул от него в сторону.

Главное, о чём говорил Кабир в своей устной и письменной традиции, — необходимость нравственного совершенствования, победа над страстями, отказ от себялюбия и алчности. Главное — не обряды и религиозные церемонии, а очищение сердца. Жизнь человеческой души подчинена закону преодоления «разлуки» с Господом — *Вирах*. Она преодолевается любовью. Любовь и разлука — два полюса жизни, не существующих друг без друга. Его поэзия пронизана суфийскими

символами, образами, которые, по его мнению, помогают людям через узнаваемые, порой даже бытовые вещи приблизиться к постижению Бога: огонь (высшее знание), вода (эгоистические страсти), загрязнённая ткань (невежественное сознание), дорогое полотно (подлинная любовь), роза (тело), пчела (душа). Любовь разлита в каждой точке бытия, а не только в святых предметах. Суфийская идея Бога как друга человека, а человека как друга Бога — стержень философии Кабира. Он не воспринимал идею человека как раба Божия. Человек должен подниматься по лестнице совершенствования, сохраняя внутреннее достоинство. Помимо *бхакти* руководством к действию должно стать обретение *премы* — любви к другим людям, без чего не может быть справедливого общества.

Согласно легенде, в преддверии смерти Кабира его многочисленные ученики, принадлежавшие к самым разным духовным традициям, устроили крупную ссору — каждый хотел похоронить учителя в соответствии со своим обрядом и духовной философией. Кабир пресёк эти конфликты, воскликнул, уже находясь на смертном одре: «Будьте осторожны! Не обсуждайте этот вопрос между собой и не беритесь за оружие!». Предание утверждает, что когда при-

стыженные последователи, удалившиеся после этого запрета ссориться вошли в хижину, они не обнаружили тела учителя — вместо него на смертном одре лежали два покрывала с цветами. Одно из них было сожжено, и пепел от него до сих хранится в одном из храмов Бенареса, а другое покрывало захоронено в Магхаре, причём позднее на месте захоронения построили два белоснежных надгробья — одно для индусов, другое для мусульман.

Я перевёл короткие четверостишия, оставленные поэтом, наполненные его пониманием божественной любви и духовного пути человека, преодолевающего метафизическую разлуку с Господом.

Горька моя участь, низка моя каста,
Судьба нелегка, незавидна дорога.
Смеются, что я не имею богатства,
Я большим владею — вниманием Бога.

Зовя на помощь Раму и Аллаха,
Не думай — только твой Всевышний прав.

Подобный вызов не достоин праха.
А сам зовущий —достоянье трав.

Зачем мулла залез на минарет?
Считает, что Всевышний недослышит?
Послал бы Всемогущему привет.
Бог по соседству молчаливо дышит.

Терпи нападок повседневных рать,
Выдерживай житейские удары.
Тому, кто научился умирать,
Старушка-смерть желаннее сансары.

Зовут меня учёнейшим поэтом
За выученный с возрастом санскрит.
Кабиру неуютно в чине этом.
Я счастлив, что во мне Любовь горит.

Я из глины слезавшейся слеплен.
Гончаром закалён на огне.

Эту душу, рождённую в пепле,
Рама щедро пожаловал мне.

Ничего я за ней не скрываю.
Всё оставлю последней поре.
Подлежащее аду и раю
Пусть горит в погребальном костре.

Все стихи мои, всю мою славу
Отправляю в беспмятный прах.
Посылаю огню на расправу
Также деньги, имущество, страх

Потерять это тело. Молитву
Шлю безмолвную вниз и наверх —
Я отчаялся выиграть битву,
Пусть она завершится навек.

Даны богатым шёлк и мех,
А нам — дырявый плащ из хлопка,
Одним — кокосовый орех,
Другим — солёная похлёбка

Кто в холод спину гнёт и в жар,
Кто мается в затеях праздных.

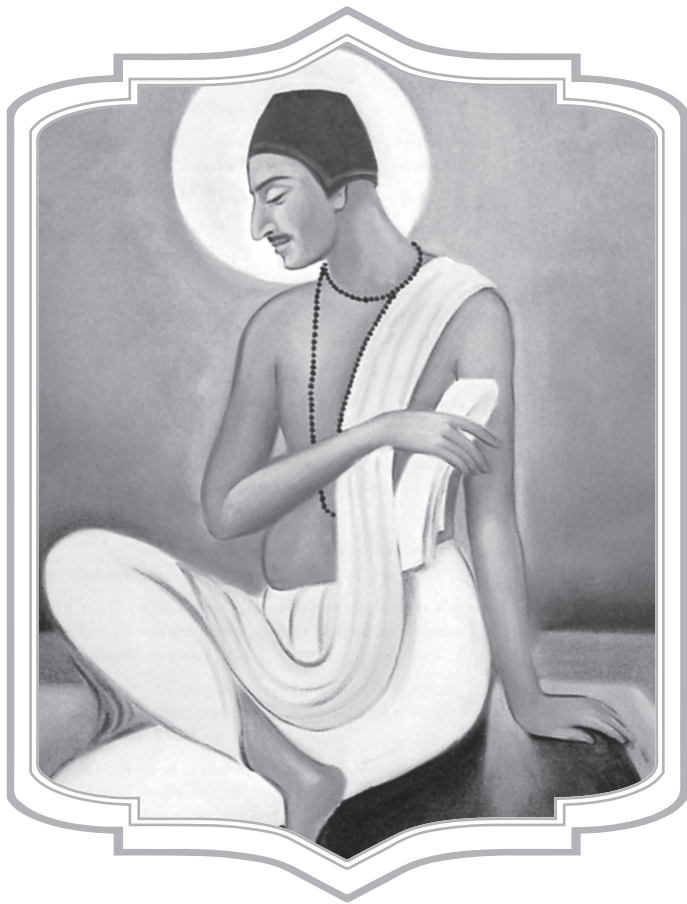
II. Любовная и философская лирика Индии. *Кабир Дас*

Зачем нас вылепил Гончар,
Обжѣг таких разнообразных?

«Моё!» — гребѣт к себе скупец.
«Я —царь!» — витийствует вельможа.
Молчит страдающий мудрец.
Со смертью лопается кожа.

И познаѣм в последний час,
Кто хлам хранил, а кто алмаз.

СУРДАС

СУРДАС (1478/1479—1582/1583)

Величайший индийский поэт и святой кришнаитского направления, прославившийся своими песнями, исполнявшимися под музыкальный инструмент *вина* на всю Индию. Родился в семье бедного брамина, от рождения был слепым, в детстве подвергался насмешкам со стороны сверстников. Сурдас рано покинул мир и ушёл за бродячими садху, певшими хвалебные гимны Кришне. Темой его стихов и песен в основном была жизнь Бога Кришны как ребёнка, с его постоянной игрой и шалостями. Сурдас отличался большой внутренней свободой: когда он почувствовал, что материальное имущество тормозит его на духовном пути, он оставил всё и вернулся к своей жизненной программе: стал странствующим музыкантом. Он не хотел быть придворным музыкантом при дворе императора Акбара, считая, что не имеет права покидать Господа, но тогда мудрый Акбар, очарованный его прекрасными песнями, сам пришёл к нему и пожаловал ему немалые земли.

Поэзия Сурдаса была написана на диалекте хинди, называемом брадж бхаша, который до этого считался плебейским языком, поскольку преобладающими литературными языками были персидский или санскрит. Его творчество подняло статус брадж бхаша с грубого языка до литературного. Главное, что создал Сурдас, — поэтический сборник «Сурсагар» («Море гимнов»), состоящий, по преданию, из 100 000 строф (но до нас дошло только 8 000). Он принадлежал к традиции бхакти. Многие его стихи стали молитвами и вошли в священную книгу сикхов «Гуру Грантх Сахиб». Поэт высоко почитаем в Индии до сих пор, и преданные бхакты поют его песни.

Я переложил целый ряд стихотворений Сурдаса, которого считаю одним из самых великих поэтов Индии.

Молитва

Укажи мне, о Боже, мой путь —
Я на каждом шагу спотыкаюсь.
Молча падаю, вновь поднимаюсь,
Плохо вижу, где правда и суть.
Знаю только, что все мы равны
Пред Тобой в прегрешениях вечных.

Помоги обещанием встречных
Светлых вех и прощеньем вины!
Я прошу не облегчить удары,
Что наносит подлунная жизнь.
От жестоких ушибов сансары
Унеси меня, Господи, ввысь!
Дай покинуть бесплодные мели
Моря странствия. Выведи к цели.

ИЗ ЦИКЛА «КРИШНАЯНА»

Детство Кришны

1.

Простая женщина баюкает младенца,
Которого нам дарят Небеса.
Не может на ребёнка наглядеться,
Целует несравненные глаза.

Поёт: «Усни, грядущий утешитель.
Да будет сладок твой короткий сон.
Земного царства драгоценный житель,
Сокровище всех будущих времён...»

Господь незрелый открывает глазки
Иль губками беззвучно шевелит,

Как будто маме замолчать велит,
Не понимая смысла песни-сказки.

...Спит Кришна, угасает также песня.
Мерцают звёзды в горней полумгле.
Из полуночного взирают поднебесья
На всё, что происходит на Земле.

2.

Поёт поэт о том, что даже боги
Соседствуют с Всевышним не всегда.
Засунул в рот новорождённый ноги,
Сосёт блаженно ноготки — беда!..

Пророкам кажется в священном изумленье,
Что демонов явилась злая рать.
Слоны сгибают мощные колени,
Намаялись пространство подпирать*.

А сверху зорко наблюдает Брама,
Как Мирозданье поведёт себя,
Стрясётся ли внизу какая драма,
Когда закончится история сия?

* В отличие от русских сказок (мир держится на трёх китах), в легендах Индии его устойчивость обеспечивают три слона.

Ручонки Кришна в одеяло прячет.
Пронзают метеоры синеву.
Им Сурдас вторит — пилигрим незрячий:
«Я вижу Свет во сне и наяву!»

3.

Без тени Света нет и быть не может —
Миропорядок наш устроен так.
Малыш небесный Авичи* тревожит,
К себе привлёк огонь его атак.

Кормилицей к Нему пришла бесовка,
Дитя хотела ядом извести,
Да дело повернула так неловко,
Что бабе в ад самой пришлось уйти.

Затем возник неумолимый ворон
С намерением выклевывать глаза.
Беспомощного ухватил за ворот
Унёс за облака, за небеса.

Но там младенец лиходея злого
За горло взял и лихо задушил.
Добавил Сурдас собственное слово:
«По сказам предков и по мере сил».

* *Авичи* — ад в индуизме.

Шалости юного Кришны

1.

Святой малыш в чужую влез кладовку,
И много безобразий натворил.
Сметану съел, погрыз в углу морковку,
Бродячим курам двери отворил.

Соседка за руку «разбойника» поймала
И к матери Яшоде* отвела.
«Послушайте, почтеннейшая мама,
Про сына недостойные дела!»

...Наказывать и бога, видно, надо.
Приходится мальчонку отпороть.
Яшода прут взяла, вмешался Нанда**:
«Жена, подумай. Это же Господь!»

Причина предстоящего абсурда
Тотчас же обратилась в общий смех.
Смеюсь и я — веками позже, Сурдас, —
Над многим, что считается за «грех».

* *Яшода* — индуистский вариант христианской девы Марии.

** *Нанда* — в индуизме некая параллель с плотником Иосифом, отцом Иисуса Христа. Только в эпосе Ариаварты он назван «отчимом».

2.

Яшоде ребяташки весть приносят,
Мол, сын цветы зубами в поле рвёт.
Та Кришну подрастающего просит
Открыть свидетелям случившегося рот.

Что видят? Горы, доли, звери, реки,
Плодовые растения в цвету
Скрываются в едином человеке —
У маленького мальчика в рту.

«Когда-нибудь и с вами это будет.
Хотя теперь я с виду очень мал,
Но делаю лишь то, что взрослым людям
Завещано — я землю целовал...»

Дивились окружающие: «Чей ты?
Кто нам послал Тебя?». А Он
Тогда ещё задумал сделать флейту
Для юношеских будущих времён.

Кришна и Радха

1.

Разгуливает в вешней чаше Радха,
Ромашки рвёт лесные на пути.

Поёт о чём-то весело и сладко,
Не убирая локонов с груди.

Задумчив серп рассеянной улыбки,
Прекрасен нежный бархат живота.
Прикрыт одеждой теплый вход калитки,
Где главная приманка заперта.

Звенит напев волнующе и бодро,
Зовёт утехи жизни не проспать.
Зовут девичьи царственные бёдра.
Готова Радха превратится в мать.

Плывёт она по лесу, словно лебедь,
Звонят бубенчики серебряные ног.
И Кришна её ждёт, чтоб лелеять
Природой приготовленный венок.

2.

Качает жизнь в своих качелях пару,
Взлетают оба в счастье к небесам.
Завидуют любовному угару
Луна и солнце, даже Брама сам.

Безоблачны утехи духов юных
Особо на берегах такой реки,

II. Любовная и философская лирика Индии. Сурдас

Где тёмное течение Ямуны*
Смывает все болезни и грехи.

Цветами разукрасили пастушки
Качели, что в миру зовутся «жизнь».
Кричит им Радха сверху: «Эй, подружки!
Летите к нам в безоблачную высь!»

И Сурдас, сидя в закоулке мрачном,
Подтягивает светлой тишине.
Желает только счастья новобрачным —
Флейтисту Кришне его жене.

* Ямуна (Джамна) — одна из священных рек Индии, с которой связано множество легенд о Кришне.

МИРАБАЙ

МИРАБАЙ (1498—1547)

Мира, также известная как Мирабай или Мира Баи, — индуистский поэт-мистик XVI века, знаменитая святая бхакти, особенно в индуистской традиции Северной Индии. Мирабай создала множество бхаджанов — песен, прославляющих Господа.

Мира родилась в королевской семье раджпутов в Кудки и никогда не имела проблем материального характера. С детства (с трёх лет) была покорена личностью Кришны, которого избрала как духовного супруга на всю жизнь. В большинстве легенд о Мире упоминается её бесстрашное пренебрежение к общественным и семейным обычаям, её преданность Господу Кришне, то, что она относилась к Господу Кришне как к мужу и подвергалась преследованиям со стороны родственников за её религиозную преданность. Она проводила время около изображения Кришны, танцевала и пела только для него. Когда отец выдал её замуж, и она пыталась совмещать со своей семейной жизнью и обязанностями почитание

Кришны, это не понравилось её родственникам. Они начали ссорить её с мужем, требовать, чтобы она не уделяла столько времени молитвам, но Мира была непреклонной. Когда её мужа убили в сражении с мусульманами, свёкор пытался заставить её выполнить варварский обычай того времени — войти в погребальный костёр и сгореть вместе с мужем. Однако Мира, почитавшая своим главным мужем Кришну, отказалась следовать жестокому и бессмысленному обычаю. Свёкор решил убить Миру и подложил ей кобру в её богослужебную корзину с цветами. Предание утверждает, что, когда Мира опустила руку в корзину, и змея должна была её непременно ужалить, змея превратилась в чёрный камень (шалаграм), считавшийся символом Бога Вишну. В храме Мирабай во Вриндаване до сих пор поклоняются этому символу.

Сладкие песни Мирабай, её прекрасный голос, излучавший любовь и сострадание ко всем живым существам, восхищали её современников. Как пример преданной бхакти, она была необыкновенно популярна тогда, при жизни, остаётся популярной и в сегодняшней Индии. Предание утверждает, что она покинула мир по достижении 49 лет, полностью растворив свою карму и слившись с образом её любимого Кришны.

II. Любовная и философская лирика Индии. *Мирабай*

Я перевёл несколько её стихотворений, по сути являющихся молитвами к обаятельному солнечному божеству — Кришне.

День мой тёмен, на радости скуп.
Сон ночной посвящается Кришне.
Шлю любимому с веточек губ
Поцелуев незрелые вишни.

С Ним, пока не наступит заря,
Молчаливой рабыней предстану,
От божественной власти Царя
При луне и на миг не устану.

Что надумает — с тела сниму,
Что прикажет — мгновенно надену.
Окажусь непригодной Ему
Пусть продаст за ничтожную цену.

Встречу ласки ли, новый отказ,
Муки ада, иль рай наслажденья?
Мы встречались со Смуглым не раз,
Из рожденья кочуя в рожденье.

Чем сегодня порадует Он,
Что со мною случится такое,

Коль наступит божественный сон
И открою святые покои?

Мира впала в молитву свою,
Устремившись к божественной сини.
Ей прислали в подарок змею —
Та клубком возлежала в корзине.

Я на миг отшатнулась назад,
В голове у меня помутилось.
Приоткрыла тихонько глаза —
Кобра в Бога тотчас превратилась.

Подарили мне яд как вино.
Отхлебнула глоток из бокала —
Стало сладкой амритой оно,
Я сама себе юной предстала.

Мне прислали в подарок кровать
С заострёнными кверху шипами,
Я легла на неё отдыхать —
И шипы обернулись цветами.

Бог за мной неизменно следит,
От тревог и от бед охраняет.
Выставляет в опасностях щит,
Чудеса постоянно роняет.

II. Любовная и философская лирика Индии. *Мирабай*

Вот и я, воспевая Его,
На земле обозначилась странницей,
Превращаю в Любви торжество
Всё дурное, что Мире достанется!

Где Ты бродишь, в какой стороне,
Мой флейтист, ослепительный Кришна?
Лишь однажды явился во сне,
И не видно Тебя, и не слышно.

Лодку сердца столкнул океан
Безграничного сладкого чувства.
И люблю, и зову сквозь туман,
И в любви не умею очнуться.

Всю неделю не ем и не пью.
О чарующий тело и душу!
Возвращайся под кровлю мою.
Верность нашей любви не нарушу.

Я мечусь от подушки к окну.
Не оставь свою Миру одну.

Погасли в печке тлеющие угли,
Запахло одиночеством, зимой.
Куда ты скрылся, Сладкопевец смуглый,
Возлюбленный и долгожданный мой?

Лелею ночь единственную нашу,
По ней тоскую и схожу с ума.
Сняла браслеты, волосы не крашу,
Ресниц давно не трогает сурьма.

О Хари, Ты явился снова мне,
Очаровал расцветкой ярких линий.
Но красота открылась лишь во сне,
В потёмках развернула хвост павлиний.

Ты оплот мой, и дом, и семья,
И свеча, что в душе не погасла.
Из сметаны и слёз бытия
Я напахтала горького масла.

Подливаю в священный огонь.
Пусть горит золотая лампада
Незабвенный! Родной! Дорогой!
Ты один. Мне другого не надо.

МИРЗА ГАЛИБ

(1796—1869)

Знаменитый поэт мусульманской Индии Мирза Асадулла-хан Галиб жил не так уж «далеко» от нас — в XIX в. Если с именем Джами исследователи связывают завершение персидского (на языке фарси) периода суфийской литературы, то с именем Галиба открывается её индийский этап. Поэт, кроме фарси, писал на одном из распространённых языков Индии — урду, также обогатил поэзию и философию суфизма некоторыми характерными для этой страны чертами. В частности, в стихах Галиба постоянно меняется объект медитаций и обращений. В одной и той же газели «ты» может быть обращением к Богу, к возлюбленной и к самому себе. Для философии Индии это центральный момент: постижение Истины возможно лишь через «антарьямина» — внутреннего Бога, свойственного каждому человеку, но скрытого от него же, как правило, толщей невежества.

Оттого в Индии, где история философий и религий, насчитывает не одно тысячелетие, индуизм, ислам, буддизм, сикхизм, джайнизм

МИРЗА ГАЛИБ

и другие религии традиционно сосуществуют в мире. Здесь издавна даже простые люди интуитивно понимают слова Иисуса Христа: «Царство Божие внутри нас есть» и Его же, а также пророка Мухаммеда, фразу: «Бог познаётся духовным усилием (джихадом)». Между тем, в странах Ближнего Востока, где исламу почти тысяча четырёхсот лет, нередко вражда даже в рамках одной школы ислама.

Но религиозная вражда и молодость религии — не худший вариант. Западному христианству примерно столько же лет, сколько первым проповедям Магомета. Между тем, в европейских странах церковь сначала отделили от государства, потом от народа, а теперь храмы либо стали музеями, либо сделались пустыми, а религии — предметом изучения специалистов. На Востоке же мы наблюдаем ренессанс религий.

Но вернёмся к Галибу. Он, а затем Инайят Хан, другой великий поэт-суфий Индии, донесли суфизм в новом, обогащённом индуизмом виде до наших дней. Мирза Галиб родился в городе Агре, где находится, между прочим, мавзолей самого почитаемого императора Индии — Акбара (Всемогущего)*.

* *Акбар* переводится обычно как «великий». Например, «Аллах акбар». Что весьма неточно. Правильный перевод — Аллах всемогущ.

Я не единожды с группой русских паломников бывал в Агре, столице Индии времён династии Великих Моголов. Расскажу такую историю. Стоя у глубокого колодца, где находится тело погребённого императора, я сказал своим спутникам: «Там, внизу, покоится Акбар». Стоявший неподалеку индус со сложенными на груди руками мягко поправил меня на русском языке: «Только — прах. Дух императора витает над миром, соединяя людей разных стран и верований!» И это так. Акбар всю жизнь стремился объединить Индию различных конфессий, даже построил храм единой религии.

Во времена Мирзы Галиба Индия уже находилась под колониальным владычеством Великобритании, пока ещё сохраняя внешние черты империи Моголов. Галиб служил у последнего императора могольской династии, Бахадур Шаха, сначала придворным хронистом, потом советником. Восстание сипаев 1857—1859 гг. против британского владычества отразилось и на судьбе Галиба. Восстание было подавлено, с ним прекратилась династия и перестала существовать должность Галиба. Дом его был разорён, имущество разграблено. Тем не менее, идеи любви и милосердия пронизывали творчество поэта до самых последних дней жизни. Умер

Галиб в 1869 г. в столице нынешней Индии, похоронен неподалёку от Агры.

Слава и влияние поэта после 1948 года перекочевала в отделившийся от Индии Пакистан, но и в Индии почитают его имя.

Славу Мирзы Галиба составляют два дивана на урду и фарси, традиционных для суфийской поэзии газелей — стихотворений о любви в божественном смысле. Помимо стихов, перу Галиба принадлежат филологические и исторические исследования.

Не дай собою овладеть сомненьям,
Бесцельными дорогами блуждать.
Приходит время отвердеть стремленьям.
Познание не может долго ждать.

Есть тайны в том, что очевидно глазу;
Загадки есть и глубоко внутри.
Пока не подступил к разгадкам разум,
Во все глаза на дивный мир смотри.

И если в суть вещей не можешь вникнуть,
Ищи повсюду в ликах красоту.
Когда-нибудь сумеешь ты воскликнуть:
«Я наконец обрёл свою мечту!»

Пускай ещё не солнечное утро;
Умей ценить неяркий лунный свет
Учись распоряжаться жизнью мудро.
Она одна, другой сегодня нет.

В твоей душе сражаются надежды
Со страхом оступиться на пути.
Джихадом самого себя утешь ты,
Или победу в смерти обрети.

Земной твой жребий рыцарями начат,
Твой род был крепок духом и сплочён.
Но время воинов прошло. Твоя задача —
Сражаться поэтическим мечом.

А ты свой дух на пустяки растратил,
Как и наследство предков, обнищал,
Мечтал разбогатеть... Богатство, кстати,
Никто тебе в судьбе не обещал.

От прошлого не стану отрекаться,
Просил я у Творца не мудрости — богатства.
Теперь прошу грехи мне отпустить —
Все просьбы неуместные простить.

Пошли, Всевышний, мне желанную награду:
Покинут пусть меня все те, кто нынче рядом.
А дом лишат вещей, дверей и окон,
Дабы не видело завистливое око.

Никто не смотрит за больным за мной.
Умру — могилу пусть обходят стороной.

Во всём, что встретишь, в ликах и в словах,
Узри живое через мёртвый прах.
Кто чует смысл намёков и аллюзий,
Тот с истиной и знанием в союзе.

Солнце и свеча — враги в союзе мудром:
Оно уходит вечером, она же гаснет утром.

Земля мала, выдерживает слепо
Тот груз, что непосилен и для неба.

Наш мир самим Творцом раздвоен.
И каждый в нём живущий — воин.
Но избегающий страдания,
Бежит от Божьего задания.

Для отдыха орёл не пользуется веткой.
Кто мудрость приобрёл,
парит над верой предков.

Безнадёжность не ждёт перемены погоды:
Ей тёмная осень продолжается годы.

Искатель истины всегда в неё влюблён.
Несёт улыбку на устах, а сердце стон.

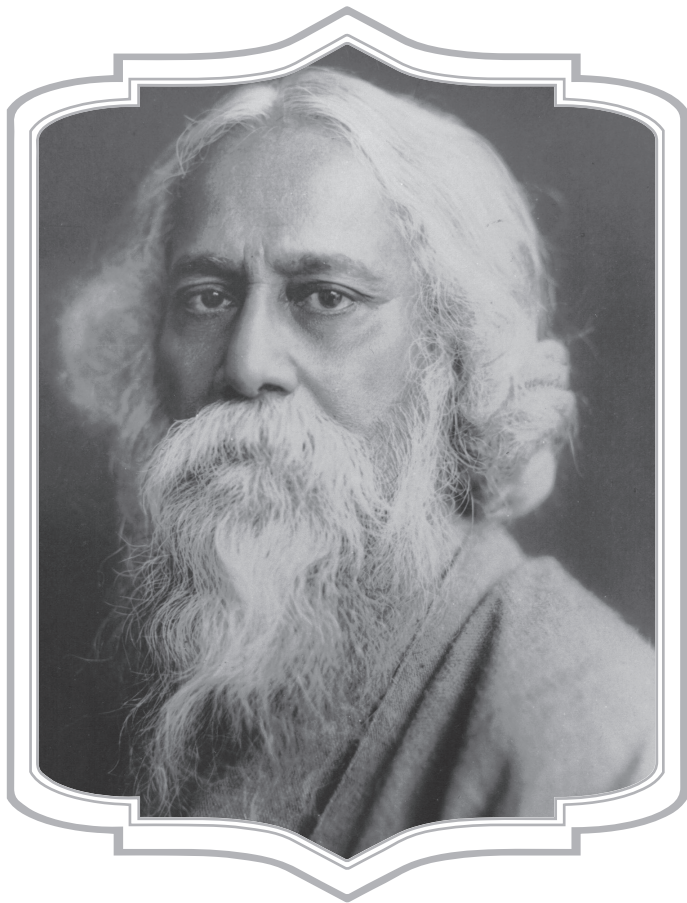
Очисти взгляд от тёмного тумана.
Стань светлой каплей — частью океана.

II. Любовная и философская лирика Индии. *Мирза Галиб*

Не докучай Аллаху просьбами даяний,
Проси Его избавить от желаний.

Не жди от женщин мудрого покоя:
Они не знают, что это такое.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

РАБИНДРАНАТ ТАГОР (1861—1941)

«Он был величайшей фигурой современного индийского ренессанса», — говорил о нём автор замечательного двухтомника индийской философии, общественный и государственный деятель, президент Индии Сарвепалли Радхакришнан. Рабиндранат Тагор — наверное, самый знаменитый поэт Индии, который был также ещё прозаиком, драматургом, художником, композитором. Много занимался общественной деятельностью. Его многосторонняя творческая работа была справедливо оценена на Западе: в 1913 году он стал первым человеком из Азии, удостоенным Нобелевской премии. Хотя он провёл в Англии немало лет и получил там признание, Тагор бы страстным борцом за независимость Индии от английского владычества. Принимал активное участие в формировании индийской образовательной системы, создал Всемирный индийский университет, а также Институт реконструкции сельского хозяйства. Его вклад в индийскую поэзию огромен, его «Жертвенные песнопения» («Гитанджа-

ли») изучаются во всём мире. В России это произведение выходило под редакцией Балтрушайтиса и Бунина, позднее стихи Тагора переводили Пастернак, Ахматова, Вероника Тушнова.

Об уровне его признания в Индии и в Азии говорит следующий факт — его стихи являются национальными гимнами в Индии («*Душа народа*») и в Бангладеш («*Моя золотая Бенгалия*»).

Родился в богатой семье, принадлежащей к древнему знатному роду и к высшим классам индийского общества. Однако его отец был не только крупным заминдаром (землевладельцем), но брахманом, совершавшим паломничества по святым местам Индии, что оказало огромное влияние на юного Рабиндраната. Он получил прекрасное домашнее образование, причём на бенгальском языке, чем очень гордился, изучал другие языки и начал писать уже с восьми лет.

Несмотря на раннее признание, в жизни Тагора было немало личных драм — ранняя смерть жены, смерть дочери и сына, затем уход отца. Всё это внесло в его творчество глубину переживаний и ощущение неразрывности красоты бытия и его трагической природы. Он активно принимал участие в общественной жизни страны, занимался политикой и был одним из руководителей движения «Свадеш», боровше-

гося против раздела Бенгалии. Однако крайние революционные формы борьбы его не прельщали — он ограничился духовным противостоянием английскому владычеству и уповал на просвещение, потому он вышел из созданного им самим движения.

С 1912 года Тагор начал путешествовать по миру и посетил многие страны Европы, побывал в Америке, Китае, Японии. В 1930 году он осуществил свою давнишнюю мечту — по приглашению М. В. Луначарского посетил СССР и затем оставил восторженные отзывы о своей поездке в очерке «Письма о России».

В 1918 году он познакомился в Лондоне с художником и философом Николаем Рерихом, взаимное восхищение переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца жизни Тагора. Его переведённые на английский язык произведения оказали большое влияние на британских и американских интеллектуалов — Уильяма Ротенштейна, Эзру Паунда, Уильяма Йетса, которые помогли ему создать «Индийское общество» в Англии, а в дальнейшем выдвинули его на Нобелевскую премию. Премию Тагор пожертвовал своей школе в Шантиникетане, в дальнейшем ставшую первым в стране университетом с бесплатным обучением.

Запад предпринял ряд попыток сделать поэта своим активным сторонником, и в 1915 году пожаловал Тагора в рыцари, однако тот отказался от предложенного звания через четыре года после расстрела мирных жителей в сикхском городе Индии Амритсаре.

Последние годы жизни Тагора были омрачены множеством болезней. Поэт тяжело переживал начало Второй Мировой войны и особенно из-за нападения Германии на СССР. В августе 1941 года Тагор скончался.

Тагор прожил большую жизнь, совершил множество путешествий, общался с самыми известными людьми мира: в Европе и Америке он встречался с Анри Бергсоном, Альбертом Эйнштейном, Робертом Фростом, Томасом Манном, Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом, Роменом Ролланом, с лидерами стран и политиками.

В поэзии Тагор сделал для своей страны очень много, его роль в Индии можно сопоставить с ролью Пушкина в русской литературе.

Я сделал переводы и переложения его избранных стихотворений из книги «Гитанджали».

**ГИТАНДЖАЛИ —
ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ
(ФРАГМЕНТЫ)**

— Поведай, узник, кто поверг тебя
В мучительно-блаженные оковы?
— Свободу бесконечную любя,
Поддался сам на каторжные зовы.

Во всём Тебе хотелось равным стать.
Заснул надолго, пробудившись, понял —
Не по плечу такая благодать,
Слабы усилий оказались кони.

Мечтал корону царскую надеть,
Земное зло поставить на колени.
Но не сумел собою овладеть.
У самости оказываюсь пленник.

Молитвы постоянные твержу,
Вокруг Тебя, незримого, брожу.

Ты бесконечным сотворил меня,
Так жребий мой определило Слово.

Освобождаюсь, песнями звеня,
Сосуд свой бренный наполняю снова.

Я лишь частица Флейты золотой,
Несущей в жизнь серебряные звуки.
Из жизни в жизнь последователь Твой,
Так и не вникший в существо Науки.

Трепещет сердце от касаний Рук.
Смешной земная кажется учёность,
Во мне царит Твоя неизречённость,
Но видишься порой как лучший друг.

Являешься откуда — неизвестно,
В душе находишь неизменно место.

Когда Ты мне повелеваешь петь,
От счастья и от гордости пьянею.
Готов любую боль перетерпеть,
Как с наслаждением оставаясь с нею.

Все горести уходят из меня,
Над морем бед лечу подобно птице.
Надеюсь, что мелодия моя
И для Твоей свирели пригодится.

Нет, верю песнь моя нужна Тебе.
Гармония необходима миру:
Траве, цветам, деревьям и судьбе —
Всеми, на что настраиваю лиру.

Крылом касаюсь, позабыв про плоть.
Считаю другом, но ведь Ты — Господь.

Тебя не знаю, о Наставник светлый,
Твоим искусством только изумлён.
Я слушаю, о чём лепечут ветры,
Ловлю ручьёв и птичек перезвон.

И претворяю в собственные песни.
Но ты Своими озаряешь мир.
Летишь за тучи, в дали поднебесья.
Космический устраиваешь пир.

С Тобой мечтаю я соединиться
Но тщеты все усилия пера.
Твои не смею преступить границы.
В миры иные, видимо, пора!

Ищу слова и жажду их полёта.
Но сердце останавливает что-то.

Жизнь моей жизни, я Твой целиком,
Стараюсь чистым быть душой и телом.
Придерживаю речи под замком,
Чтоб к высочайшим улететь Пределам.

А здесь я буду строго изгонять
Из собственной души и тень неправды,
Не сделаю формальными обряды,
Святую суть их буду выполнять.

В сердечном пребываешь Ты ковчеге,
Где вместе мы храним огонь Любви.
Я твёрдо помню наставления Твои —
Не уплывать в бесплодное кочевье

От маяка куда-то далеко.
Крепить Любовь становится легко.

Желаний моих рой разнообразен,
И жалобен о них бывает крик.
Отказом лечишь недостойный разум,
Не жалуешь переизбыток книг.

II. Любовная и философская лирика Индии. Тагор

Когда душа разлукой истомилась,
Даёшь Себя почуять иногда,
Дыханием оказываешь милость.
Хотя Твой лик не вижу никогда.

И эти мимолётные касанья
Дороже всех непрощенных даров.
Влияют на меня, как приказанья
Покуда недоступных мне миров —

Убрать из сердца сумрачные тени
Неправедных молитв и тяготений.

Сорви моих стихов простой цветок,
Пускай увянет, делается прахом.
Не сможешь им украсить Свой венок —
Я не проникнусь горечью и страхом.

Мне дороги касания Руки,
И боль, и радость чуткого вниманья.
Ещё не вник я в миропониманье
Попыткам вдохновенным вопреки.

Шлю Небесам смиренное прошеньё
Продлить мой опыт жертвоприношенья.

Признаюсь: украшательства боюсь.
Оно бы помешало сделать опыт
И омрачило творческий союз —
Поэту передать священный шёпот.

Стыжусь на ветер выпущенных строк.
Твоё в них эхо слышно еле-еле.
Часами бы сидел у царских ног,
Выслушивал мелодии Свирели.

Проста Она, предмет из тростника.
Но повторить не может их рука.

Опора — эти царственные стопы.
А их опора — спины бедноты.
Всю жизнь ищу таинственные тропы,
Где прозрачный и близкий бродишь Ты.

Когда хочу склониться пред Тобой,
Не чувствую бездонной глубины
Высот и пропастей Твоих. Не скрою:
Они всегда поэту не видны.

II. Любовная и философская лирика Индии. Тагор

Нет доступа к Тебе в моей гордыне,
Той, что в себе я не искоренил,
В сегодняшней бесчувственной пустыне
Мне часто просто не хватает сил.

Да, опереться я ещё не в силах
На самых обездоленных и сирых.

И всё-таки не стану горевать.
Я видел, слышал, чувствовал мгновенно.
Тобой был позван в жизни пировать.
Судьба моя вполне благословенна.

Теперь же вопрошаю, о Творец,
Довольно ли свершил деяний добрых,
Чтоб в полной мере видеть, наконец,
Твой подлинный, а не иконный облик?

Воочию хочу послать привет.
Ты примешь эту жертву или нет?

Себе твержу: «Не пой, не славословь,
Не соблазняйся перебором чёток.

Немногословен будь с людьми и кроток,
Не береги в себе дурную кровь.

К Нему ведут не храмовые двери,
Открой незамутнённые глаза —
И возвратишь нетленные потери,
Утраченные в прошлом Небеса.

Господь, где земледелец поле пашет.
Где мостовую каменщик кладёт,
Там Свет лучами днём и ночью машет,
В бессилье никогда не упадёт.

Иди на встречу с Господом и с ними.
Трудись — Единого познаешь имя.

Нескоро нам придётся отдохнуть.
Нас всех Творец своим подобьем создал,
Чтоб повторить могли высокий Путь,
Пройтись по Беспредельности и звёздам,

Свои деянья на земле творя,
Чужие изучая сны и лица,
В конце концов достигнешь алтаря.
Передохнёшь, сумеешь поклониться.

Трудней всего дорога к самому
Себе, к своей душе.

Чужда красот моя простая песнь.
И главную ещё не спел —
Аз есмь!

Политика

Просил у тополя топор —
Спилить сучок на топорнице:
«Я так люблю тебя, дружище!
А сук мешает с неких пор».

Добился своего и вскоре
Спилил всё дерево под корень.

Когда тебя во сне не нахожу
Взлетаю в небосвод тоскливой птицей,
Руками, словно крыльями, машу,
Пытаюсь за созвездья ухватиться.
Земля мне шепчет: «В небе не найдёшь
Того, что ищешь. Всё на этом свете».
Я просыпаюсь — молча ты прядешь.
Во сне ручонки разметали дети...
Внезапно сердце посещает озаренье,
Что ты собой являешь Сотворенье.

Метафора

Остановила путь реки плотина.
В недоуменье замерла великая река.
Высоким камышом покрылись берега.
Теченье оплела навязчивая тина.
Травой не зарастает Божий путь,
Его обряды вековые заслонили.
Все мантры с ног пора стряхнуть,
Иначе пропадём в дремучем иле.

К тебе пришёл из тьмы, где дикий дождь.
Как путь нашёл, лишь сердцем объяснимо.
Надеюсь, верю, жду, ты тоже ждёшь
И в волосы вплетёшь, цветок жасмина,
Мной принесённый. Слова не скажу,
Ты понимаешь настроение хмельное.
К устам безмолвным флейту приложу.
Она тебе доскажет остальное.

Та, что душе моей близка,
Жила в далёкой деревушке
Вблизи Джамуны* и леска,

* Название деревушки в Бенгалии.

Куда гоняли скот пастушки.
Мостки дубовые к воде
Вели и были слишком шатки,
Неугомонные в труде —
Скользили люди и лошадки.
Край открывался всем ветрам,
Душистым, благостным, усталым.
Стоял в деревне древний храм,
Покрытый мхом таким же старым.
Туда с подругою иногда
Мы заходили, трепет пряча.
...Стоит в глазах весна, вода,
Лесные ветры... Память зряча.
Я помню, женщины несли
На голове своей кувшины.
Зрачки хранили блеск весны
И отражали танец Шивы.
Порой пересекала вplash
Моя подруга эти воды...
Незабываемая явь!
Невысыхающие годы!
Она в деревне на краю
Жила, и мало что сменилось.
Мечту нетленную мою
Хранит поныне Божья милость.
Крестьяне ждут на берегу
Через Джамуну переправы.

Забить селенье не могу,
Его строенья, лица, нравы.

Женщина

Ты не только создание Неба,
Но ещё и творенье земли.
Из неё, из песка, из-под снега
Все наряды твои расцвели.

И мужчина — естественный скульптор,
Соучастник твоей красоты.
Сколько в сердце великого культа
Породила прелестная ты!

Тебе строки любовные шепчут,
Песни в честь твою нежно поют.
а глубинах из раковин жемчуг
Моряки для тебя достают.

Бог в мужчине явил свою мощь.
Ты — Искусства священного дочь.

К цивилизации

Возьми свои дымы, верни мои туманы
И подними с земли упавшие стволы.

II. Любовная и философская лирика Индии. Тагор

Они склонились перед скрежетом пилы,
Сулящим богачу набить его карманы.

Вечерние купанья сердцу возврати,
Рассветные стада, бессмертные преданья,
Нас удержавшие на праведном пути,
И охранившие страну от увяданья.

Пускай растает европейский чад,
Пусть оживут старинные картины,
И барабаны марш свободы отступчат,
И нежно раздадутся звуки вины*.

Твои дары нам больше не нужны,
Зовут нас песни вед, вселенной сны.

Звезда и сари

Нисходит вечер синим сари.
На полотне его зажглась
Под меркнущими небесами
Звезда — пока лишь первый глаз

Заоблачного наблюденья
Забот высоких и тревог.
Так нас спасает от паденья
В глухую безысходность Бог.

* Индийский музыкальный инструмент.

Мы днём в смятении души
То вечно затеваем войны,
То порождаем мятежи
Забот небесных недостойны.

А Он могучею рукой
Внушает нам ночной покой.

О мать-Бенгалия!

Бенгалия, в паденьях и во взлётах
Не погуби своих бунтующих детей.
Сама не рвись в дымы чужих затей,
Но судьбы юные не охраняй в заботах.

Пусть разбегутся во все стороны они,
Прорвут запреты, сети и капканы,
Пройдут через сраженья, сквозь огни,
Развеют застарелые туманы.

На поле боя страх военных встреч
Пусть победят, веками порождённый.
Пусть обнажат свободы острый меч,
В былые времена непобеждённый.

Сыны, зачатые в немеркнувшей любви,
Да обретут достоинство в крови!

Обыкновенный человек

С мешком и с посохом под мышкой,
В тряпье старинное одет,
Пришёл старик, больной одышкой,
В село, где не был двести лет...

Пришельца окружили люди,
Возник вопросов рой густой.
И в любопытствующем гуде
Никто не задавал пустой.

«Что сеют Там, расход семян?
Насколько бури угрожают?
И как отличны от землян
Заоблачные урожаи?»

Для труженика Там и тут —
Непрекращающийся Труд.

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА (1863—1902)

Свами Вивекананда (имя при рождении Нарендранатх Датта) — знаменитый индийский философ, мудрец, общественный деятель, ученик и последователь другого знаменитого духовного подвижника Индии — Рамакришны, основатель Ордена Рамакришны и движения «Миссия Рамакришны», до сих пор очень влиятельного и популярного в Индии. С детства его интересовали духовные вопросы, он занимался медитацией. Учился в Президентском колледже, затем в Шотландском церковном колледже, где изучал европейскую философию и западную культуру. Он хорошо учился, интересовался спортом и был лидером среди молодых людей. Однако он активно искал смысл жизни, его ничто не устраивало, и он всем профессорам задавал один вопрос: видел ли ты Бога? Один из профессоров рассказал ему, что есть святой, к которому ему стоит обратиться. И Вивекананда, встретившись с Рамакришной, задал ему этот же вопрос и услышал в ответ: «Да, я видел Бога,

подобно тому, как я вижу тебя, только более ясно». Молодой человек поверил мудрецу, стал его посещать, и его глубокое сотрудничество с Рамакришной продолжилось до смерти учителя.

Вивекананда много странствовал по Индии, встречаясь с людьми разных классов от махараджей до бедняков. Он проникся идеей недопустимости кастового устройства жизни и необходимости социальных реформ. Он также путешествовал по Америке, где представлял индуизм на Всемирном парламенте религий, и в Европе, страстно проповедуя идеи своего учителя — карма-йогу, бескорыстие, самоотверженное служение человечеству, очищение души с помощью молитвы и медитации. Он провёл на Западе четыре года, а затем вернулся в Индию, где в возрасте 39 лет покинул этот мир.

Вивекананда был автором ряда книг, где излагал идеи обновлённой Веданты и рассказывал Западу об индийских духовных традициях («Карма-Йога», «Бхакти-Йога», «Джнана-Йога», «Раджа-Йога», «Вдохновенные беседы» и т. д.). Он не был профессиональным поэтом, как Тагор, но, как разносторонний и страстный человек, иногда брался и за поэтические труды, пытаясь выразить переполнявшие его чувства и идеи.

Я сделал поэтическое переложение его духовного гимна Всевышнему «Песни саньясина» и афоризмов духовно-философского толка.

ПЕСНЯ САНЬЯСИНА

Раздайся песня славы в честь Того
Чьё понимание от нас ещё далеко,
Непостижимы помыслы Его,
Но каждого из нас пронзает Око.
Покой Всевышнего ничем не возмутим.
Тщеславье, удовольствие, богатство —
Всё то, чего нерадостно хотим,
Он ясно зрит, но прозревает Братство.
За что ведёт в нас постоянный бой.
Пой Ему песнь, саньясин, громко пой:
Аум тат сат Аум!

Разбей оковы, приковавшие тебя
К великому и двойственному миру,
Где красота скрывает часто мину
И ядовиты все приманки Бытия.
Знай, такова у большинства судьба —
Мы носим цепи на себе простые,
Но даже если надеваем золотые,
Они — примета неременная раба.
Сбрось эту вековечную заразу

И повторяй единственную фразу:
Аум тат сат Аум!

Да сгинет тьма, а с нею огоньки
Привычного житейского прельщенья.
Они лишь умножают боль смущенья,
Обманчивы, на первый взгляд, легки —
Влекут беспечных к неизбежной тризне.
Покой Всевышнего ничем не возмутим.
Убей в себе слепую жажду жизни!
И победи всё то, чего хотим:
Тщеславье, удовольствия, богатство...
Пускай проснётся в сердце чувство Братства!
Аум тат сат Аум.

Слова известны: сеющих — пожнёт.
Последствия приносят нам причины.
Кто сеет зло, добра напрасно ждёт.
Любовь стирает тёмные морщины.
Законы бытия не упразднить,
Всевышнего мольбой не упросить.
От мщенья никому не уклониться,
Когда нарушена законная граница
У тьмы и Света. Лишь бессмертный Атман
Огнём своим сияет незакатным.
Аум тат сат Аум!

Все смыслы произвольны в мире слов.
Твердим: «отец» и «мать», «жена» и «дети».
Понятия даны на этом свете
И существуют только в царстве снов.
О Ты, не ведающий пола Сущий,
Отец всего, не знающий родни!
Неистребимый, Вечный, Всемогущий,
Светлы Твои негаснущие дни.
Ясны Твоих жильцов святые лица.
Позволь в чертогах вечных поселиться.
Аум тат сат Аум!

Не знающий ни форм, ни их мерцанья,
Ты на земле всеутверждающее «Да»
И в равной мере жизни отрицаешь.
Все танцы Майи создаёшь всегда.
Без имени, без запаха, без цвета...
Отец ночей и дней, зимы и лета.
Склонись же, человек, пред их игрой
И вдохновенно, без упрёков пой:
Аум тат сат Аум!

Пути, ведущие к безоблачной свободе,
Ни тот, ни этот не подарят свет.
Не жалуйся ни Богу, ни Природе —
В себе ищи источник зол и бед.
Суть не находим в книгах или в храмах,

Она сокрыта в собственной душе.
Таится в бесконечных наших ранах,
В уменье жить всегда настоroje.
Не позволяй ни вольно, ни невольно
Кому-нибудь на свете сделать больно!
Аум тат сат Аум!

Скажи живым: не сокращаю срок,
Существованью ничьему не угрожаю.
И смерти никогда не помешаю
Нам преподать таинственный урок.
Смирненными почаще, люди, будьте.
Нас поучают сверху Небеса.
Но мы, безумцы, ищем правду в бунте.
И следует, как правило, гроза.
Путь жизненнх исканий не напрасен.
Ищи и пой, страдающий саньясин:
Аум тат сат Аум!

Пусть нас не беспокоит слишком плоть,
Жива она или конец приходит,
О теле позаботится Господь.
Задумайся о карме и свободе.
Не жди от будущего похвалы и кар.
Покой — вот наилучшее наследство!
А рай небесный и подземный жар
Пускай сопровождают наше детство.

Итак, подумай о спокойствии души,
Делами, даже мыслью не греси.
Аум тат сат Аум!

К одним легко приходят слава и удача,
Другие же за них ведут нелёгкий бой.
Живи открыто, жалобы не пряча,
Довольствуйся назначенной судьбой.
С улыбками держи её удары.
С достоинством носи хомут сансары.
Но всё-таки стремись его стряхнуть.
Вот назначение твоё и верный путь!
Аум тат сат Аум!

Не входит правда в светлую обитель,
Где ложь со сладострастием живут.
Недопустимо Истину обидеть.
Твой жребий — невреждение и труд.
И жёнам свой удел не передашь ты,
И жизни не продолжишь на земле,
Здесь не бывает утоленья жажды
И цель всегда скрывается во мгле.
Оставь же нескончаемую бренность!
Ищи неуловимую нетленность!
Аум тат сат Аум!

Тебе не нужен постоянный дом,
И ни одно тебя жилище не удержит,

А также радость никакая не утешит —
Ты, как и Я, обязан жить во всём.
Достоинства не обращать в торговлю,
Сиюминутными желаньями не жить.
Принять звезду над головой за кровлю.
Земному шару под собой служить.
Трава — постель, еда — что кинет случай.
Душа — любому — не задёрнутая тучей.
Аум тат сат Аум!

Невежды будут насмеяться над тобой.
Немногие твой образ жизни примут.
Для добрых дел не лучший ныне климат,
И Враг людей распоряжается судьбой.
Покуда на земле глухая полночь,
Терпи людей тупую слепоту.
Трудись один в отчаянном поту,
Не уповая на сочувствие и помощь,
Тем более, на скорый в жизни рай.
И чем темней, светлее напевай:
Аум тат сат Аум!

Пока поток кармический не кончен,
Не оставляй свои надежды и труды.
Не разделяй себя в душе на «я» и «Ты».
Чем глуше тьма, труби в пространство звонче:
Аум тат сат Аум!

АФОРИЗМЫ ВИВЕКАНАНДЫ

Сама Вселенная не приневолит нас,
Пока светильник воли не погас.

Когда кого-то называем «грешник» —
Испытываем плен оценок внешних.

Пусть скажут: «Уподобился скоту».
Не подтверди делами чью-то правоту.

Природный нрав не зол на человека.
Он смотрит, как мы принимаем ветры века.

Мир удовольствий — не мечта, не цель.
Но заставляет скорый вывод сделать,
Что все улыбки, связанные с телом,
В конечном счёте сядят нас на мель.

Вселенский Свет сосредоточен в нас,
А мы кричим, что в мире свет погас.

Как цель, свобода неизменна
И для души благословенна.
Увы, сегодня каждый шут
Свой объявляет к ней маршрут.

Никто на свете не научит никого.
Наука — собственного сердца торжество.

Мы на земле творим свои итоги.
На Небе их оценивают боги.

Желания в душе не утолить,
Как жар лампы маслом не залить.

II. Любовная и философская лирика Индии. Вивекананда

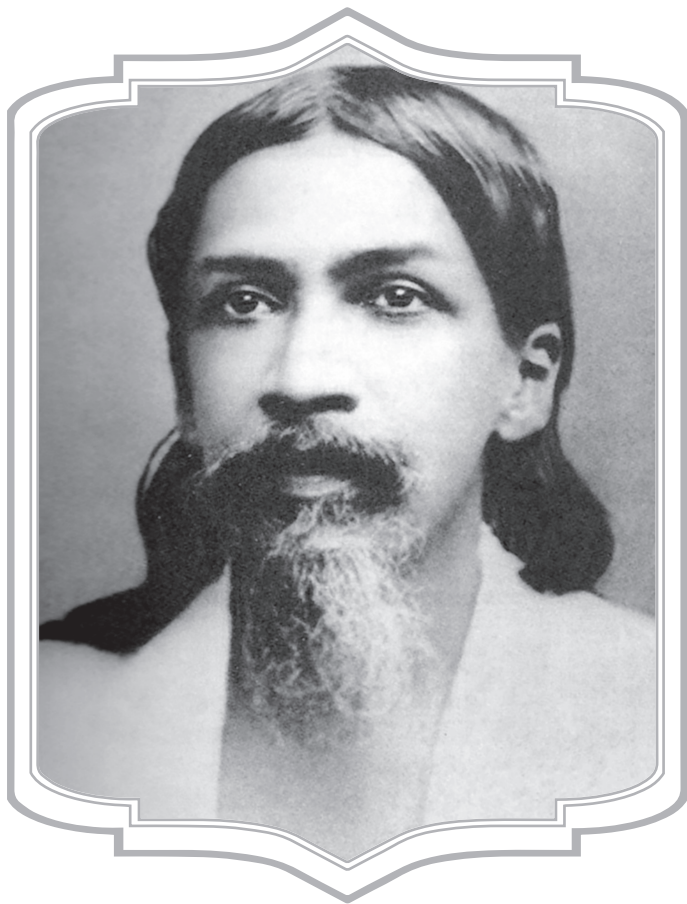
Покажется, что стало всё легко —
Не поддавайся иллюзорным вехам.
От дел реальных ты, конечно, далеко
И в сторону с прямой дороги съехал.

От Истины, допустим, пользы нету.
Но разве можно перекрыть дорогу Свету?!

Земную жизнь не торопись разрушить.
Мир — мудрый клуб, где укрепляем души.

Великие святые почитали веру.
Однако люди следуют примеру.

АУРОБИНДО ГХОШ

АУРОБИНДО ГХОШ (1872—1950)

Крупнейший индийский философ, мудрец, йог, общественный деятель. Он родился в семье, принадлежащей к кругам индийской интеллигенции (отец был хирургом, а мать происходила из семьи одного из деятелей религиозного движения Брахмо-самадж). Само имя Ауробиндо на санскрите звучит «аравинда», что означает «лотос». Ауробиндо Гхош учился в ирландской монастырской школе в Дарджилинге (Западная Бенгалия), затем был отправлен в Англию, в королевский колледж Кембриджа, и получил блестящее по тем временам образование. Он был полиглотом, помимо хинди в совершенстве знал древнегреческий, латинский, английский и французский языки, свободно читал на немецком, итальянском и испанском. Понимая важность английского, он сделал его своим рабочим языком и писал на нём свои пьесы, стихи, поэмы, статьи, духовно-философские трактаты.

После получения западного образования Ауробиндо Гхош возвращается в Индию, где изу-

чает санскрит, современные индийские языки, священные книги Индии (Веды, Упанишады, «Бхагавадгиту», «Рамаяну»). Работал преподавателем английской и французской литературы в университете города Бароды, а после переезда в Калькутту стал ректором Национального колледжа. С этого момента он становится активным участником революционного движения, охватившего Индию после раздела Бенгалии. Дважды был арестован, предстал перед судом, но был оправдан. Но со временем Ауробиндо Гхош разочаровался в революционных методах как способе улучшения жизни и погрузился в духовную жизнь.

После знакомства с йогом Вишну Бхаскаром Леле Ауробиндо начинает заниматься йогой и медитацией, используя для этого всё своё свободное время. Наиболее благоприятным местом для занятий оказалась тюрьма, где молодой духовный искатель получает озарение, во время которого он увидел все формы жизни, включая заключённых, тюремщиков, полицейских, тюремные стены, представителей судебного аппарата, как проявление божественного всеединства. Именно в тюрьме Гхош пережил первые проблески озарения, которые затем переросли у него в постоянные духовные инсайты.

После тюрьмы Ауробиндо поселяется в Пондишери, чтобы полностью посвятить себя духовной практике. Долгое время он был под подозрением английской полиции, видевшей в нём скрытого революционера. Он начинает разрабатывать концепцию интегральной веданты. Согласно его замыслу, она должна была синтезировать восточную и западную мысль, показать связь духа и материи и при этом преодолеть дуалистическую концепцию мироздания. Кроме того, интегральная веданта задумывалась как система, способная соединить продвинутую теорию духовной эволюции с основами восточной философии. Ауробиндо Гхош написал на эту тему немало глубоких книг («Синтез йоги», «Жизнь Божественная», «Тайна Вед», «Этюды о Гите», «Эпос Савитри» и др.), которые до сих пор вызывают интерес как в Индии, так и на Западе, породив большое количество последователей. В 1914 году он знакомится с французской журналисткой и общественной деятельницей Миррой Альфассой Ришар, проникшейся его идеями и перехавшей к нему в Пондишери. Там она создала Ашрам его имени, которым управляла до конца своей жизни в 1973 году (она умерла в возрасте 96 лет). В этом Ашраме в разные периоды жизни проживали одновременно

до нескольких сотен человек. Уже после смерти Ауробиндо Гхоша, в 1968 году Мирра Альфасса основывает Ауровиль — международный город для духовных искателей всего мира, расположенный в 10 километрах от Пондишери.

Поэзия никогда не была главным занятием Ауробиндо Гхоша, тем не менее он, человек исключительной творческой одарённости, не мог пройти мимо и за свою жизнь создал немало прекрасных стихов. Они были по достоинству оценены и у него на родине, в Индии, где стихи Ауробиндо регулярно включаются в национальные антологии, и за рубежом. Он очень высоко оценивал роль поэзии в деле духовного воспитания человека, о чём прекрасно сказано в его работе «Поэзия будущего»: «Поэт — и об этом знали древние — призван быть провидцем, а не просто сочинителем виршей, не просто менестрелем, рапсодом или трубадуром; он прибегает к поэтическим средствам не только для изложения собственных мыслей. Он устремляет взор в те сферы, которых не достигает зрение поверхностного ума, и находит слово-откровение, не просто точное и действенное, но озаренное и озаряющее, вдохновенное и единственно верное слово, которое заставляет прозреть и нас». А также: «Поэзия способна приоткрыть

в слове безграничные значения, лежащие за пределами того ограниченного интеллектуального значения, которое оно обычно имеет. Она выражает не только заурядное жизненное сознание человека, как то делает обычное примитивное слово, не только идеи его интеллекта, которому в настоящее время чаще всего служит речь, но живой опыт, видение, взгляды более возвышенной и широкой его души. Делая их реальными для нашего жизненного сознания, обнаруживая их присутствие перед нашим интеллектом, она при помощи слова распахивает пред нами врата Духа».

Ауробиндо Гхош настолько восхитил меня, что я даже создал одно стихотворенье по мотивам сразу трех его замечательных сочинений:

**По мотивам стихотворений «Весна»,
«Танец Кришны», «Танец Кали»**

*Весенней порою, в цветении лета,
В осенней усталости, в зимнем накале
Мне чудится Кришны весёлая флейта
И грозная поступь божественной Кали.
От них наши радости, грозы и беды,
Они назначают предел и дорогу.
Не слишком надейся на шастры и Веды,*

Будь мудр в поклоненье кумирам и Богу.
Пока не пришло твоё время прощаться
С земными делами, где много загадок,
Ты сам соучастник несчастья и счастья,
Сподвижник рассветов, виновник закатов.
Не ройся в своих заблуждениях прежних,
В тоску и унынье впадать не годится.
Следи за порханием бабочек нежных,
Как чудно резвятся стрекозы и птицы.
Пусть всюду рассеются серые тени
Рассветным лучом и сиянием лунным,
Пускай Красота твою душу заденет,
Заставит звучать задремавшие струны.
Такие слова да изгонят печали!
Но радостной песни покамест не слышно.
Владеет душою суровая Кали,
Не хочет на флейте наигрывать Кришна.

Я перевёл целый ряд стихотворений духовного мастера, которые можно отнести к разновидности философской поэзии. Они позволяют увидеть широту его кругозора и в тоже время глубину осмысления мироздания.

Единая личность

Бог правит миром, также всеми нами
На здешнем и небесном берегу,
И молча охраняет в общей яме,
Какую мы готовили врагу.

В бесчисленных обличьях скрыт Единый:
Вот с флейтой тростниковой пастушок,
Или Горшечник, недовольный глиной,
О камень разбивает свой горшок.

Слагает Кришна нежные напевы,
Влагает Шива в ножны грозный меч...
Куда ни глянь, направо ли, налево —
То радостна, то безутешна речь.

Оберегает молчаливое искусство
Поверх речами вызванного чувства.

Здоровый атеизм хранит людей от ран.
А при больных церквах необходим таран.

Мир не делим на жертв и палачей.
Моря воды не утоляют жажды.

Привычен бег рассветов и ночей.
Всё, что случилось, было не однажды.

Когда, слова предсмертные сказав,
На сцене падает герой-любовник,
Его паденье чует только коврик,
Зато со страху обмирает зал.

За занавесом смена декораций.
Кого-то беспокоит реквизит,
У критика — к чему ещё придраться.
Холодный ветер с улицы сквозит.

Смывает грим с лица актер бессменный.
Сильны ли, слушает, внизу аплодисменты?

Я отыщу сто сотен жизней

Сто тысяч жизней пройдено судьбой
В надежде Божество узреть воочью.
Оно порой во сне являлось ночью.
О встрече днём мечтаю лишь с Тобой.

Однажды остановишь Свой полёт,
Задашь вопрос недоумённым взглядом:
«Земной не утомляет переплёт?»
И полетим за горизонты рядом

В межзвёздную космическую темь
Для новых встреч и новых ожиданий.
Увижу там я незакатный день,
Найду труды без тягостных страданий.

Сольются души в общую одну —
Такую отыщу безгрешную страну.

Вернётся непременно коммунизм,
Когда умрёт свирепый эгоизм.

Нирвана

Ушли все звуки. Вечное Молчанье.
Ни мысли, ни печали на душе.
Смотрю на землю новыми глазами,
В глазах ушедших нет нужды уже.

Плывёт мой город словно тень в тумане,
Как призрак без деталей и примет.
Ничто не задевает и не ранит,
Меня же в этой тени вовсе нет.

Но вижу нескончаемое Нечто.
Везде великий царственный покой
Исчезла грань меж «мною» и Им,

Живущим вечно.
К Нему могу дотронуться «рукой».

А можно с Ним непостижимым слиться,
Забыв, что есть явления и лица.

Бог нами не потерян никогда,
И шаг к Нему походит на гусиный.
Единственная страшная беда —
Отказ души от внутренних усилий*.

Коль есть у правды противоположность,
Она жива. Любая догма — ложность.

Мы были самым крепким в мире царством,
Пока не познакомились с лекарством.

Когда грядущая жена раскинет сети,
Два способа годны уйти от сватовства:

* Здесь, на мой взгляд, своеобразно перефразирован Коран: «Главный джихад (усилие) — борьба с самим собой».

II. Любовная и философская лирика Индии. Ауробиндо

Стараться женщин избегать на свете
И разделить любовь на все живые существа.

Безбожие хранит от многих ран,
Коли ушла от Истины дорога.
Оно же безошибочный таран,
При культах, отвернувшихся от Бога.

Конечно, новый коммунизм грядёт,
Далёкий, близкий, Божий, рукотворный...
Но только если эгоизм падёт.
Иначе ожидает крах повторный.

Гитлер

(Октябрь 1939)

Нас поражает фантазёрка Майя:
Одной рукою совершила взмах —
И червь, размер гиганта принимая,
Весь мир поверг в смятение и страх.

Судьба Наполеона повторилась.
На этот раз моторы завела —

И вся Европа немцам покорилась,
Под ноги сумасшедшему легла.

Владел Наполеоном Разум звёздный,
Но Гитлера безумие влекло.
Себя вознёс в герои жук навозный.
Крошит, однако, страны как стекло,

Свирепостью охваченный пещерной.
Не ведал счастья в молодости он.
Из глубины души своей ущербной
Безумие на мир навлёк как сон.

Его распоряжений кровожадных
Ждут обыватели с покорностью овец.
Он карлик, он дитя умений стадных,
Из праха чёрт возникший, наконец.

Он в каждом ставит человека на проверку,
Рвёт в сердце Богом образованную нить.
Цель фюрера — наш мир во тьму повергнуть,
Исчезнувших чудовищ снова возродить.

Коль так случится, не увидим завтра
Ни солнца, ни росы, ни нежных роз.
Вернётся время к рыку динозавра,
К эпохе диких рас и лютых гроз.

Отныне всё перемешалось в пляске:
И мифы прошлого, и явь дурных основ,
Культура мира тонет в грубом лязге,
А очевидность хуже адских снов.

Да, фюрер — сон невероятной яви.
Но он вполне естественный итог
Тех сил, что нынче всюду нами правят
На тёмных стыках жизненных дорог.

Ждёшь сладких снов и обстановки лёгкой?
Готовься же к всевидящей грозе.
Сегодня связан мир одной верёвкой,
Где ныне враг, возможно, будут все.

И твёрдо знай, что в лоно новых правил
Мы попадаем с грузом прежних смут
И что рога чертям сломает Дьявол
Или, по крайней мере, Божий кнут.

Пустой остерегайся болтовни,
Игре ума не предавайся вовсе.
Трудам отдай до самой ночи дни,
Служи житейской радости и пользе.

Что толку принимать удачи или тучи
И с каждым днём не становиться лучше?

Не отзывайтесь дурно о покойных —
Иначе сгинем в бесконечных войнах.

Когда кого-то называешь дураком,
Ты с Сотвореньем мира незнаком.

МУХАММАД ИКБАЛ **(1873—1938)**

Интереснейшая фигура мировой культуры, почти незнакомая массовому русскому читателю. Между тем, Икбал — крупнейший поэт, философ, религиозный деятель, политик. К каждой из этих характеристик можно безо всякого преувеличения приложить слово «великий».

Родился в потомственной семье браминов, принявших ислам. Первичное образование получил у себя на родине (тогда — в британской Индии), затем продолжил обучение в лондонском Тринити-колледже при Кембриджском университете. Это учебное заведение, основанное в XVI веке, окончили в своё время Френсис Бэкон, Исаак Ньютон, Джордж Байрон, два английских короля. Более 100 выпускников Тринити-колледжа удостоены Нобелевской премии, среди которых имя Икбала отсутствует, хотя по всем параметрам поэт заслужил такой награды. Факт, говорящий не только о престиже учебного заведения, но и о сугубо западной ориентации шведских экспертов, о чём не раз

МУХАММАД ИКБАЛ

заявляли авторитетные голоса по всему миру. Замечу, кстати: странам БРИКС, на мой взгляд, самое время учредить свою равноценную премию. Культурно-историческое, численное, экономическое превосходство и военная мощь позволяет им это сделать, а планетный авторитет Союза только укрепится.

Продолжая рассказ о Мухаммаде Икбале, отмечу также, что он был почётным членом ряда европейских научных сообществ. За свои культурные заслуги посвящен Георгом V в рыцари. Несмотря на заигрывания с ним английского правительства, служить британцам не стал, погрузился в интересы своей родины. Жители Пакистана не без основания считают его «отцом» этого государства. Именно он среди влиятельных политиков Индии начала XX века, говоря об уходе из-под власти англо-саксонского влияния, настаивал на создании мусульманского государства в составе индийской Федерации. Объяснял такую нужду тем, что индуисты своим числом и мягкой силой неизбежно подавляют свободу ислама на территории Индостана.

Что касается русского интереса к этому поэту и мыслителю, то он автор до сих пор не переведённой на русский язык поэмы «Джавиднаме», где изложены весьма интересные, с нашей точки

зрения, идеи. По сюжету герой поэмы вместе архангелом Гавриилом (Джебраилом) путешествуют в стране Аллаха, очень напоминающей Землю, встречается с ушедшим Лениным, получает задание от Всевышнего и вождя мирового пролетариата организовать восстание в мировом масштабе. Далее цитирую комментарий к поэме самого автора: «Поскольку большевизм плюс Бог почти идентичны Исламу, не удивлюсь, если когда-нибудь или Ислам поглотит Россию, или Россия — Ислам».

Эти слова произнёс вовсе не религиозный фанатик, но человек широких взглядов, близких к идеям Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру.

Думаю, та небольшая, переведённая мной подборка стихов внесёт дополнительные краски в портрет замечательного поэта и мыслителя. Тем более, что этим человеком интересовались Анри Бергсон и Фридрих Ницше, с которыми Мухаммад Икбал был лично знаком.

Вопросы и ответы

В чём смысл прогресса, бед его причины?
Как Индия с Элладой не побеждены?
Увы, мужами перестали быть мужчины,
А жёны материнства лишены.

О житель Запада, планета — не ларёк,
Где можешь всё купить, чего захочешь.
Наш мир, скорей, походит на станок,
В нём ты кинжал самоубийству точишь.

Сатана — Творцу

Я не Твой ангелок
и не верю игрушкам из праха!
Прах Тобой сотворён,
я лишь искусства в куклу вложил.
Чтобы люд научился
не ведать сомнений и страха,
Не бояться Тебя.
Чтобы собственным разумом жил.

Подчинил я законам разумным
нестойких людишек
И провижу в любом
совершенный в грядущем сосуд.
А размноженный вновь
человекоподобный излишек
Ты мне Сам позволяешь
убрать на Земле через Суд.

Разбиваю и вновь создаю я Твои оболочки.
Звёзды Ты зажигаешь, я им сообщаю полёт.
Ни на чём никогда
 не поставлю последние точки,
Да и Смерть на тот свет
 без Тебя никого не пошлёт.

Ох, как слыть нелегко
 Сатаню и Божьим твореньем,
Прошагать с обезьянами
 в общем солдатском строю.
Знаю, встретят признанья мои с подозреньем.
Неприятную многим я Высшую Волю творю.

Да, Ты создал Адама
 и светом высоким наполнил,
Но я разум ему подарил,
 чтобы он мою волю исполнил.

Доброта

На ветке как-то засиделся соловей
Порой вечерней и подумал с грустью:
«Приходит ночь всё гуще, всё страшней.
Как до птенцов во мраке доберусь я?»
Почуяв его мысли, светлячок
Шепнул на ухо приунывшей птице:

Я полечу вперёд живой свечой.
Хотя и мал мой огонёк, а пригодится».

Вечная жизнь

Не надейся, что день завершён, виночерпий,
В виноградной лозе

до конца не отжато вино.

Наступает у жизни свой возраст вечерний.

Завтра снова, как ныне, забродит оно.

Утром солнце раскроет бутон у тюльпана,

И потянутся к свету его лепестки.

Не перечь лишь тому,

что для сердца желанно,

Стань скалой,

не впадай в подчиненье тоски.

Одиночество

Я к морю пришёл, обратился к волне:

«Зачем ты шумишь, побережье встречая?»

Вода ничего не ответила мне,

В глубины ушла, очевидно, скучая.

Спросил у скалы: «Ну а ты почему

Молчишь, не вникая в людские стенанья?»

Скала лишь прижалась к челу моему,

Вздыхнула, оставив вопрос без вниманья.

К луне повернул я почтительный взгляд:
«Зачем ты так холодно светишь ночами,
Весь мир превращая в жасминовый сад?»
Та скрылась за облаком, не отвечая.

Вопросами стал терebить я Творца.
Всевышний ответил суждением резким:
«Ты можешь расспрашивать Жизнь без конца,
Ей ныне, увы, разговаривать не с кем».

Крик боли

Я болею, и кровью душа истекает —
В наше сердце вселилась святая беда.
Поглоти меня лучше пучина морская
Чем единство двух вер поколеблет вражда!

Рознь на землю пришла (не придумаешь хуже),
Порвалась вековечная общая нить.
Схватку в Индии нашей затеяли души,
Потому что не силах богов поделить.

Нет семян и гумно в запустенье позорном.
Я — поэт, я обязан сблизать племена.
В борозду опускать только добрые зёрна.
И на мне получается — тоже вина.

Не могу уподобиться хищному волку —
Истреблять представителей культов иных.

Как певец перестану звенеть и умолкну.
Пусть исчезнет людей будоражащий стих!

Сущность красоты

Творцу Вселенной был вопрос от Красоты:
«Зачем меня столь хрупкой сделал Ты?»
Ответил: «Мир подобен странной галерее,
Картины в ней мелькают всё быстрее.
А всё недвижимое, что быстро не растает,
Ценителям картин легко надоедает.
Уж так устроен человек-знаток.
Его вниманьем не владеет даже Бог.
И даже если Сотворю нетленным тело,
Раздастся хор: «Нам это надоело!»
Луна, услышав разговор, смутилась,
Куда-то в облака запропастилась.
Вечерние и утренние зори заскучали,
Цветы от рос набрались слёз печали.
Покинула весна цветущие луга,
И юность в старости увидела врага.

Сотворение Адама

Заявила Любовь: «Сын явился на Свет».
Красота прошептала: «Явился ценитель».
Пригорюнилась Смерть: «Мне грядущего нет,
На земле появились бессмертия нити».

Спор закончила Жизнь: «Я томила в ночи,
У безмолвного Неба просила просвета.
И решила — почаще живи и молчи,
Всё равно нас Господь не оставит без Света».

Искушение Адама

Боль к состраданию властно манит вниз.
Покинув клетку, в небо рвётся птица.
Вечнозелёный стройный кипарис,
Таким же в бурю выстоять стремится.

Добра и зла извилиста черта,
Познание не должно внушать живым боязни.
Лозы разнообразна Красота,
И смерть не равнозначна грубой казни.

Лишь жемчуг духа важен, не мираж,
Не игры Майи, призрачной и зыбкой.
Творцу не нужен преклоненья раж.
Бессмертье достигается улыбкой.

Стань самовластным, суть свою открой,
Мир освети любовью, жизнь давая!
От сна воспрянь, как сокол, как герой.
Пусть станет перлом капля дождевая.

В любви нет страха, есть закон творенья.
Бессмертья тайна лишь в огне горенья.

САРОДЖИНИ НАЙДУ

(1879—1949)

Самая, возможно, популярная на своей родине женщина-поэт, вошла в десятку величайших за всю многовековую историю этой страны поэтов Индии. Родилась в семье преподавателя, который впоследствии стал доктором наук и руководил колледжем. Девочка пошла наперекор воле отца, видевшего её будущность в качестве математика, и выбрала поэзию. Стихи начала писать с 11-летнего возраста, причём на английском языке (она знала ещё урду, телугу, бенгальский и персидский языки), рано приобрела известность как литератор. Её отправили для продолжения образования в Лондон. Здесь, с одной стороны, она увлеклась Байроном, Вордсвортом, Шелли, Китсом, с другой — прониклась идеями западного свободомыслия. По возвращении домой Сароджини училась в Мадрасском университете и сумела транслировать свои увлечения и в поэзии, и в политике. Одно время она возглавляла крупнейшую партию Индии — Индийский

САРОДЖИНИ НАЙДУ

национальный конгресс, который до сих пор является одной из двух ведущих партий Индии. Как поэт — влила в национальную поэзию яркую европейскую струю. Как человек и политик — сделалась ревностной поклонницей идей Махатмы Ганди. В Индии эти идеи называют «Сатьяграха» — «упорство в истине». У нас это переводят как «сопротивление ненасилием». За свою политическую деятельность Найду не однажды подвергалась арестам и отсидам по тюрьмам, что никак, однако, не нашло отражения в её жизнерадостной лирике.

К нашей чести, первым для русского читателя открыл поэтессу С. Я. Маршак. Ещё в 1915 году он познакомился в Лондоне с её английскими стихотворными сборниками, перевёл несколько стихотворений и опубликовал их в русских журналах. В свою очередь, индийская поэтесса внимательно следила за литературой предреволюционной России. На неё оказывал большое влияние Горький. На «Коромандельских рыбаках» Сароджини Найду лежит несомненный отпечаток «Песни о буревестнике», хотя её художественная палитра гораздо шире революционной тематики. Считается, что поэтесса была представителем романтического стиля в индийской поэзии.

Если бы Сароджини написала единственное стихотворение, которым открывается наша подборка, она уже обессмертила бы своё имя и в поэзии, и в политике. Напомню: стихи о Ганди были написаны до 1915 года, когда будущий Махатма только что вернулся из южной Африки, и в Индии его мало кто знал.

Лотос

М. К. Ганди

Наследник Всеединого Творца,
В Его стихиях всех веков взращённый,
Он не разгадан нами до конца,
К простой и вечной Тайне приобщённый.

На крыльях ветров и со всех сторон
Его дурные окружают слухи,
Величью гения не нанося урон.
Нас укрепляют в непреклонном духе.

Мечтает мировое вороньё
Прах Божий расклевать в зловонной луже.
Но долго миру Ганди будет нужен
И будущим столетиям послужит

Незловное Его житьё-бытьё —
Единственное верное копьё.

Коромандельские рыбаки*

Вставайте, братья! Пробудилось утро,
Лучами в небе чистыми скользя.
Судьба кормёжкой наделила скудно —
Промедлить и мгновение нельзя.

Себе мы волны послужить заставим.
Отправимся к заждавшимся челнам.
Сокровища подводные достанем,
Хотя придётся потрудиться нам.

Хранит нас на плаву железный стержень.
Отец нам — море, ветер — старший брат.
Мы ураган за волосы удержим,
Вдыхая бурь сладчайший аромат.

Влекут нас пальмы, ласковые луны.
Но путь к спокойной жизни и судьбе
Проложим сквозь кипящие буруны,
Найдём в безостановочной борьбе.

* *Коромандель* — так в Индии называют восточное побережье субконтинента, которое, в отличие от западного, выгодно отличается своей доступностью с точки зрения бизнеса (рыбно-промыслового, туристического, парфюмерного и т. д.). Западный берег в этом смысле затруднён из-за мощных мангровых зарослей.

Песня носильщиков паланкина*

Мы держим груз с Природой в унисон —
Подобие фиалки или розы.
Для наших спин привычных невесом,
Да, очень лёгок, как девичьи слёзы,
Мы на плечах натруженных несём
Весны неувядающий сезон.

Мы птицу белокрылую несём.
Она, как чайка, на волнах качается.
Нам кажется, что видим дивный сон.
Пускай виденье долго не кончается,
И в наши руки снова возвращается
Украшивший пространство зов и звон.

Сумерки в Хайдарабаде**

Струющийся закат издалека
Льёт на прохожих многоцветный ливень.
Бегущая от городских ворот река
Блестит на солнце, как слоновий бивень.

* *Паланкин* — крытые носилки, традиционное индийское средство передвижения, кресла или кузов, как правило, на двух жердях. Ещё в XX веке знатных девушек и женщин Индии носили на паланкинах.

** *Хайдарабад* — крупный индийский город в южной Индии, столица штата Андхра-Прадеш.

Взывает с минарета муэдзин,
Кокетливо с балконов дамы щурятся,
Выглядывают змеи из корзин,
Слоны неспешно шествуют по улице.

Толпу сопровождает барабан,
Гремят его могучие удары.
Курений поднимается туман,
В нём плещутся свирели и ситары*.

Процессия упёрлась в Чар-Минар**,
Беспомощно лучи по стенам тычутся.
Здесь ночь определила терминал,
Все краски растворила, как владычица.

Коль позовёшь

Коль позовёшь — мгновенно появлюсь,
Скорее ветра, молнии небесной.
Решением своим не похвалюсь —
Любви в словах невыносимо тесно.

Коль позовёшь — немедленно приду,
Покорнее пребуду нежной лани,

* *Ситар* — восточный музыкальный инструмент.

** *Чар-Минар* — важный архитектурно-исторический памятник в Хайдарабаде, «Мечеть Четырёх минаретов». Наряду с Тадж-Махалом одно из главных примечательных мест Индии.

Добавлю счастья, уведу беду,
Утишу необузданность желаний.

Коль позовёшь — возникну, как змея
При звуках флейты своего факира.
Твоя любовь и красота моя
Хранят живое будущее мира.

Моим песням

Летних бабочек яркие вспышки,
Мудрых пчёл золотые умы —
Ляжет всё под тяжёлые крышки
Наступающей скоро зимы.

Сокращаются солнца уроки.
Гасят тучи потоки огня.
Так и вы, мои краткие строки,
Осентяете реже меня.

Каприз

Небрежно орхидею дикую сорвал.
В твоих руках ей не пришлось согреться.
Ты уронил её. И поднимать не стал.
Цветком тем оказалось моё сердце.

Ты осушил вина любви бокал.
И бросил на пол, и разбил на части.
Сам оказался целым, не пропал,
Зато моё сгубил навеки счастье.

Беззаветность

Если я тебе вдруг надоела,
Ты терпением чувств не томи,
Брось моё надоевшее тело,
Им охотничьих псов накорми.

Если ласки мои утомили,
Пусть умчатся по ветру, как дым.
В небогатом сердечностью мире
Путь забавам открыт молодым.

Если сердце твоё не захочет,
Как моё, беззаветно любить,
Уходи. Наши долгие ночи
Никогда не сумею забыть.

То, что проговорила сегодня,
Постарайся, мой друг, сохранить.
На земле и под ней, в преисподней,
Это жизни извечная нить.

Дели вечером

«Аллах Акбар», — с мечети муэдзин
Вечернюю молитву запеваёт.
Под окнами ислама верный сын
Свой коврик постелить не забывает.

Из-за дубовых храмовых дверей
Доносятся «Ave Maria!» звуки.
То за дверьми приезжий иерей
Преподаёт азы святой науки.

«Ахура мазда!» — слышатся слова
Зороастрийской незнакомой мантры.
Дымятся факелы, кружится голова,
Её уносит воздух ароматный...

И, наконец, летит в последний миг
В густую синь вечернего тумана
К далёким звёздам запоздалый крик:
«О Рама-Рама-Рама-Нараяна!» *.

* Название великой индийской эпической поэмы, положившей начало индуизму. Однако в данном случае комментаторы поясняют выражение как призыв к Богу и верность традиционному пути Индии.

Весенние мотивы

Весна зажгла природу с новой силой,
Возрились всюду на неё цветы.
Как на себя твоё вниманье, милый,
Мне обратить средь юной красоты?

Я руки лёгким умащу сандалом,
Жасмина жемчуг в волосы вволю.
Твои заботы и в большом, и в малом
Без всяких разговоров разделю.

Свободу предоставлю милым шуткам,
В шелка судьбу обоих наряжу.
А главное — тебя я награжу
Своим молчаньем трепетным и чутким.

ИНАЙЯТ ХАН

ИНАЙЯТ ХАН **(1882—1927)**

Хазрат Инайят Хан — выдающийся индийский поэт, музыкант, философ, суфийский теоретик и проповедник, распространявший суфизм в ряде западных стран, в США и в России, автор многих книг, посвященных суфизму. Владел, подобно Галибу, урду, но писал преимущественно на английском.

Инайят Хан родился в Индии, в провинции Гуджарат — родине Махатмы Ганди и «отца» нынешнего Пакистана, Мухаммада Джинны. Не могу не сделать в этой связи отступление от темы.

В январе 2000-го года в Гуджарате произошло сильнейшее землетрясение, унесшее, по официальной статистике, двадцать, а по другим сведениям — сто тысяч жизней. Я в это время находился с группой русских паломников в Дели, в ашраме известного сикхского святого Бабы Вирса Сингха. Там как раз, по горячим следам катастрофы, проходила конференция. Правительство Индии попросило Бабу Вирса Сингха

и других лидеров различных религиозных сообществ объяснить причины землетрясения. Ответ был парадоксален для западного человека, но логичен для восточного: природный катаклизм спровоцирован человеческим фактором, а именно: длительной политической борьбой в данном штате, расколовшей в 1948 году страну на два государства — Индию и Пакистан. Причём религиозные противоречия не утихли и к началу XXI века.

Инайят Хан был из тех, кто примирял подобные противоречия.

Он происходил из семьи потомственных музыкантов. Придворными музыкантами были его дед и отец. Некоторое время и сам Инайят Хан состоял музыкантом при дворе одного индийского раджи. Кроме музыки, его с детства влекли поэзия и философия суфизма. Суфийскую инициацию молодой Инайят Хан получил у известного шейха Саида Мохаммеда Мадани, прямого потомка пророка Мухаммеда. Успехи юноши в обучении были столь велики, что он получил посвящение сразу в четыре главных ордена суфиев: Чишти, Накшбанди, Кадири и Сухраварди, — редчайший случай в истории суфизма.

Однажды шейх Мадани призвал молодого мюрида (ученика) к себе и произнёс такие сло-

ва: «Ступай, дитя моё, в мир, соедини Восток и Запад гармонией твоей музыки, распространяя мудрость суфизма, ибо ты одарён Богом Всемилостивейшим, Милосердным».

Выполняя волю своего мюршида (учителя), Инайят Хан с 1910 года путешествовал с лекциями и концертами по Америке, Европе, посещал Россию. Здесь он завязал дружеские отношения с сыном Л. Н. Толстого — Сергеем Львовичем, с композитором А. Н. Скрябиным, с поэтом Вячеславом Ивановым.

В России осуществилась заветная мечта Инайят Хана — постановка мистерии «Шакунтала», о земных отношениях двух влюблённых, которые перерастают в любовь небесную, по пьесе в стихах индийского драматурга Калидасы. Идеей увлекся режиссёр Александр Таиров, руководитель Камерного театра в Москве. Музыка к спектаклю написал Инайят Хан. Премьера состоялась в декабре 1914 года, в роли Шакунталы выступила знаменитая актриса Алиса Коонен.

Инайят Хан вёл в Москве также активную деятельность чисто суфийского характера, объединяя духовных искателей русской интеллигенции. На него выходили даже православные священнослужители. Об одной из

таких удивительных тайных встреч рассказал сам суфийский Мастер: «Мы поехали на санях, была зима, воздух был холоден и сух, и мы прибыли к таинственному сооружению. Когда мы вошли, высокие двери за нами закрылись, и нас окружили священники и монахи. Мы начали беседу с помощью переводчика. Временами я немного выходил за границы их религиозных обычаев и тогда чувствовал с их стороны некоторую холодность. Но я по сию пору не встречал таких понимающих умов, в которых умещалось всё, что касалось мудрости и истины. Они были очень удивлены, что истина также существует в совершенной форме и за пределами их Церкви... Я покинул их, унеся с собой их дружеские чувства и взгляды симпатии».

Тогда же в России публикуется книга Инайят Хана «Суфийское Послание о Свободе Духа» — возможно, единственное в нашей стране издание по истории, теории и практике суфизма, полученное, как говорится, из первых рук. Причём в издании ему помогает офицер Андрей Балакин, приставленный Царской охранкой для контроля за деятельностью зарубежного миссионера, но увлечшийся учением и ставший учеником Мастера.

К тому времени у Инайят Хана появляются близкие ученики, и он открывает филиал «Суфийского Ордена» в России. Руководителем музыкального отделения Ордена становится С. Л. Толстой.

И наконец, ещё одно событие тесно связало судьбу Инайят Хана с нашей страной. 1 января 1914 года в Москве у него родилась дочь Нур — по-русски Светлана. В годы Второй мировой войны она стала активной участницей Сопротивления, связной между французскими партизанами и английской разведкой и героически погибла в застенках гестапо.

Инайят Хан, можно сказать, открыл новую страницу во взаимоотношениях Индии и России и осуществил первый личный контакт поэтов-суфиев с нашей страной.

Опора

Отправились мюрид с мюридом в горы
На поиски единственной опоры;

Изранив ноги, добрали до туч.
Нашли себе пещеру среди круч,

Там ели Богом посланную манну,
Спасали душу, повторяя мантру.

Так жили. И однажды молодой
Во сне увидел камень золотой.

Сон повторился. Камни золотые
Приснились, после — тучи дождевые,

Набитая монетами сума...
Мюрид тихонько стал сходить с ума.

— Мюршид, я превращаюсь в златомана! —
Взмолился парень.

— Выверни карманы.

Тот это сделал. Заблестел динар.
— Отправь его на дно, ущелью в дар.

И хлынул ливень вместе с жёлтым градом,
И золотом земля покрылась рядом.

— Возьми же, сколько надобно душе.

Мюрид заплакал:

— Я насытился уже.

Согласие в споре

Индус с афганцем вспомнили Христа.
Заспорили о слове «доброта».

Что на санскрите означает «*daya*»,
Похоже по звучанию на «*тауа*»*.

«Быть добрым — облегченье людям дать,
Мы хоть на миг перестаём страдать» —

Подвёл индус итог. Не возражал афганец
Признался даже оппоненту: «Каюсь,

Что спорил я с тобою, в общем, зря:
Тот тип, что христианского царя

Прикончил на кресте, был очень добрым —
Копьё вонзил в страдающие рёбра».

Философский спор

Один философ суфия спросил:
«И жизнь, и смерть есть игры Высших Сил,

Не так ли?» — «Так». —

«Но что со мной случится,
Когда перешагну житейские границы?»

«А хочешь ли ты смерти послужить?»

«Не знаю». —

«Расспроси её. Я собираюсь жить».

* *Дайя* — одна из добродетелей, сострадание. *Майя* — понятие в восточной философии, означающее иллюзию.

Из жизни поэта

Надев на плоть торговые вериги,
Саади продавал на рынке книги.

К нему явился некий покупатель:
«Есть новые стихи великого Саади?»

Поэт польщён был и смущён немало:
«Что в них тебя заинтересовало?»

Сказал читатель: «Парень пишет славно,
В стихах, как в жизни, — просто и забавно».

Поэт в восторге: «Я — простой шутник!»
Не стал брать денег за покупку книг.

Молитва

В далёкой Индии, стране святых чудес,
Спешила девушка через пустынный лес
На краткое свидание с любимым.
Тропинка пролегла кельи мимо.

Там жил отшельник, задержал её:
«Ты вторглась во владение моё.
Кошунство совершила, — молвил строго, —
Нарушила мою молитву Богу».

«Прости, но как меня ты видеть мог?
Любовь, ты знаешь, есть всеобщий Бог.
Я торопилась к милому, молчала
И ничего в пути не замечала».

Кто счастлив истинно, тот счастлив и везде:
В богатстве, в бедности, в страданиях, в беде.
Он в тайны сердца собственного вник,
Там счастья отыскал таинственный родник.

Сердце человека — дом души его.
В нём да утвердится правды торжество!
Никаких гостей на праздник не зови,
Кроме бесконечной ко всему любви.

Страданье — обязательный закон
Для тех, в чьём сердце раскрывается бутон.

Тайна

Существовала некогда страна,
Где знали, какова всему цена:

Вещам, деньгам, талантам и тому,
Что недоступно скудному уму.
Но возвышалась в той стране стена,
Которой была тайна вручена.
А кто всходил на стену, без следа
Скрывался, как считают, в Никуда.
И очень всем хотелось разгадать,
Что за стеною можно увидеть.
И снарядили люди храбреца —
В загадке разобраться до конца.
Связали юношу, подняли тросом вверх
На каменный таинственный барьер.
Открыл смельчак глаза и крик исторг,
Придя в неописуемый восторг.
И дёрнули за трос, поймали налету
Свидетеля. «Что видел? Бога, красоту?»
Смельчак молчал, лишённый дара речи.
И навсегда осталась тайна Встречи.

Два бутона

- О розовый бутон, чем занимался ты
Всю ночь?
— Тем, что и прочие цветы.
— Но чем? —
— Закрыв глаза, вымаливал у неба,
Чтоб сердце утром не стучало слепо.

— Тюльпан, ты спал. Потом открыл глаза.
Зачем?
— Хочу о чём-то рассказать.
— О чём? —
— Могу сказать Земле уставшей,
Как может стать бутон прекрасной чашей.

Счастье

Хотя им может овладеть любой живущий,
Но обретаёт лишь другим его дающий.

Творение и сотворение

Бог сотворил нас как Добра творцов.
Мы чаще вытворяем зло, взрослея.
Становимся порою бесов злее,
Но возвращаемся к Добру в конце концов,

Измученные злобой на дорогах...
Пока Его ребёнок не подрос,
Бог отвечает на любой вопрос,
Но мы не часто спрашиваем Бога.

О миротворец!
Ты сражаешься за мир на всей земле.
Сначала, я прошу тебя, создай его в себе.

Узоры чувств

Невозмутимость!
Мой ближайший друг,
Как редко я прошу твоих услуг.

О скромность!
Шлю тебе смиренное послание,
Ведь ты пока вуаль, за ней моё тщеславие.

Смирение!
Родник в людской пустыне.
Источник истины и суть моей гордыни.

Тщеславие!
Ты часть всеобщей ноши.
Влачат её святые и святоши.

Привычка!
Ты не любишь перемены.
С тобою я и царь, и раб одновременно.

Моё большое мыслящее Я
Освободи от малого меня:
От зависти, от злобы, от упрёков
Воздержится пускай душа моя.

Свобода!
Сколько жертв я снёс на твой алтарь.
А ты ждёшь новых, ненасытный царь.

Доверчивость!
Правдивостью маня,
Как часто огорчала ты меня,
Но вновь тащусь, как прежде, за тобой,
Обманутый очередной нуждой.

Бог, обсуждаемый и зримый человеком,
Придуман им самим и преходящим веком.
Но суть Его, величье, пониманье
Сокрыты от всеобщего вниманья.

При сотворении нам всем не повезло —
Рождённые в добре творим повсюду зло.
Бесполье и радостно возникшие вначале,
Становимся потом супругами в печали.

Заложен в муже дефицит ума и чувства,
В жене избыток театрального искусства.
Творит помянутый нередко «на ура»,
А в упомянутой господствует игра.

Отдай всё самое на свете дорогое
Создателю. Тебе вернётся втрое.

Мечтаешь мир построить в целом мире.
Начни с постройки в собственной квартире.

Какой бы наша ни была дорога
Прямой и правой, или ты не прав,
Всегда необходима помощь Бога
И твой Ему открытый настежь нрав.

Не лезь в капкан рассудочной адвайты*,
Есть Разум выше нас, а мы Его солдаты.

* Речь идёт о западных умствованиях по поводу адвайты, а не об Адвайте-Веданте, к которой Инайят Хан относился с почтением.

О безразличие! Ты самый близкий друг,
Когда сомнение охватывает вдруг.

О моя скромность! Чем яснее смерти даль,
Тем более походишь на тщеславия вуаль.

Павлин! Пореже распускай родные перья.
Грозит самоубийством лицемерье.

Босой! Сойди с протоптанной тропы
Наткнёшься чаще там на острые шипы.

Мой идеал! Напоминаешь мне качели:
Чем выше взлёт — опасней спуск и мели.

Самодостаточность! Кажусь снаружи бедным.
Внутри бываю и богатым, и победным.

Ранимое чувствительное сердце!
Куда мне от тебя порою деться?

О деньги! Вы и цепи, и друзья,
И благо, и великое проклятье.
Вам доверять ни в коем случае нельзя
Особенно когда сжимаете объятья.
Имеете таинственное свойство —
Внушать покой в минуты беспокойства.

Моё задумчивое «Я», не упрекай ничто
И никого. Дохнёт обиды ветер —
Ты не застегивай души своей пальто
И облик сохрани горяч и светел.

И ад, и рай — не проявление жизни,
Но результаты отлетевшей мысли.

Деяний добрых здоровенный ком
Быть может смыт одним грехом.

II. Любовная и философская лирика Индии. *Инайят Хан*

У цельной совести и мощь подобна львиной.
Виновный лев становится гиены половиной.

Будь или праведным, или открыто лживым —
Такой закон установил Создатель дживам*.

Из уважения к другому подчиняется душа,
Лишь в этом случае она законно хороша.

В согласии живущий с идеалом
Укрыт надёжно правды одеялом.

Для правды полноценного вмещенья
Столетнего не хватит воплощенья.

Мы ищем чуда, чтоб душою обогреться.
О как чудесно человеческое сердце!

* *Дживы* — живые существа.

Немало зла в богатстве и в нужде.
Но самое большое — в нищете.

Не провожайте вновь ушедших плачем —
Слезами орошаете грядущие задачи.

Скупой, отдавший людям что-то даром,
Немедленно свой дар передаёт фанфарам.

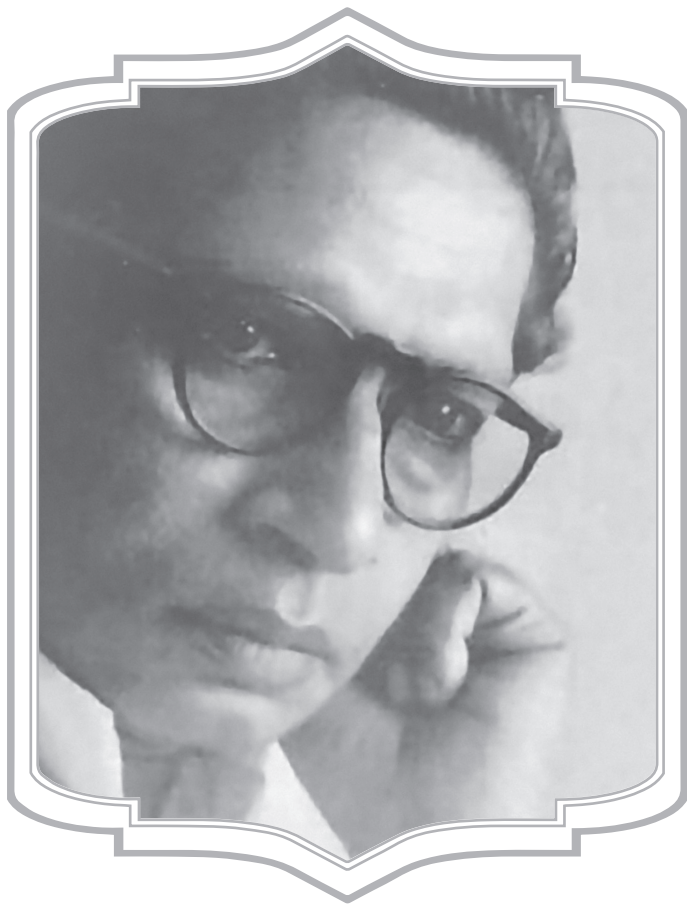
Чтоб новых бесов не родить,
Не нужно Дьявола будить.

Сердечный грешник ближе нам и Богу
Каноника, упёртого в свою к Нему дорогу.

ХАРИВАНШ РАЙ БАЧЧАН (1907—2003)

На мой взгляд, Хариванш Баччан — самый крупный поэт Индии XX века. Разумеется, после Рабиндраната Тагора. И не побоюсь такой характеристики: уникальный, к великому сожалению, малоизвестный у нас феномен мировой поэзии. Русскому читателю знакома лишь небольшая подборка его стихов в переводе Сергея Северцева. Серьёзную и глубокую работу о его творчестве создал поэт-переводчик Александр Николаевич Сенкевич. В своей книге «Хариванш Рай Баччан» (1979) он писал: «Х. Р. Баччан — фигура в современной литературе хинди в высшей степени репрезентативная. Человек разносторонних интересов и разнообразных дарований, он словно бы олицетворяет собой весь путь поэзии хинди за последние 50 лет — путь восхождения от религиозно-философской умозрительности к гражданской лирике. В известной степени его творчество — уникальное и уже ставшее классическим явление в современной литературе хинди».

ХАРИВАНШ РАЙ БАЧЧАН

Хариванш Рай Баччан родился в 1908 году в Аллахабаде, в семье мелкого служащего. Отличался задиристым характером. Начал писать стихи ещё школьником, учился в Аллахабадском университете. Вначале его творчество вызвало сопротивление, но постепенно он получил известность. Решающую роль в этом сыграли его переводы на хинди миниатюр Омара Хайяма, а затем его поэмы. Несмотря на неоднозначное отношение к нему и его творчеству в индийском обществе, Баччан всё время шёл против течения, порой совершая поступки, не вписывающиеся в тогдашние традиции. Так, он бросил вызов кастовым обычаям, не только обличая их в своих стихах, но и подтверждая свою независимость поступками. В 1926 году он женился на девушке из другой касты и другой веры, что считалось тогда неслыханной дерзостью. Поскольку традиционную свадьбу сыграть было невозможно, он со своей невестой заключил первый в истории города межкастовый гражданский брак в муниципалитете Аллахабада. Следует отметить, что это был счастливый брак, продлившийся 61 год, плодом которого стали красивые, яркие и талантливые дети. Самый яркий из детей — старший сын Амитабх, суперпопулярный индийский актёр,

которому накануне миллениума был присвоен титул «Суперзвезда Тысячелетия».

Во второй половине жизни тонкий поэт, писавший преимущественно философскую лирику, стал всё чаще откликаться на мировые события, и его муза обрела черты гражданственности. А. Н. Сенкевич писал: «Теперь Баччан выходит за рамки индийской действительности, география его стихотворений разнообразна. Рано или поздно это должно было произойти, специфика дарования поэта тому явно способствовала, его пылкая и страстная душа не могла замкнуться на фактах локальных. Поэта изначально влекло к масштабным всеземным обобщениям».

Баччан много занимался преподаванием английской литературы на кафедре университета в своём родном Аллахабаде, а также переводами. В основном это были переводы с английского. Он перевёл на хинди Шекспира, а также сборник знаменитого ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса «Голос изумрудного острова». При этом Баччан был выдающимся пропагандистом русской культуры. Мог бы стать таким же и в России. Уже хотя бы потому, что переводил Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина, Маяковского, выпустив сборник русской поэзии, который назвал «64

русских стихотворения» (какой для иностранца размах понимания и вкуса!). И как литератор, и как крупный чиновник индийского МИДа он очень много сделал для того, чтобы хинди был признан официальным языком Индии.

Размышляя над его жизнью, можно увидеть, что он полностью оправдал данные ему при рождении имя и фамилию. В корне имени — «ари» (бог), фамилии — «бачча» (ребёнок). Притом «дитя» дожило до 96 лет, сохраняя и соединяя детскую искренность с широкими горизонтами мудреца.

Некоторое время занимался политикой и был близок к идеям Махатмы Ганди, однако поэт в нём всё же одержал верх. Прожил долгую, непростую, но счастливую жизнь.

Стал одним из двоих индусов, кто защитил докторскую диссертацию в Кембридже. Что ни говори, а старая Англия даже при разнице политических взглядов умела ценить подлинные достоинства, чего сегодня об этой стране не скажешь.

Всё остальное о поэте, который в высшей степени талантливо объединял европейскую поэтическую традицию с индуистской, скажут, надеюсь и думаю, помещённые ниже лирические миниатюры.

Голод

Голод душевный терзает меня,
Жажда измучила. Тщетно пытаюсь
Их утолить. И надеждой питаюсь,
Что защищусь от крутого огня.

Жаркие душу тревожат приливы.
Мысли нерадостны, чувства тоскливы.

Голод меня постоянный грызёт,
С адской тоской не справляется воля.
Чем ещё встретит житейское поле?
Как от страдания время спасёт?

Руки напрасно наверх простираю —
Видно, не нужен ни аду, ни раю.

Должен признаться, загадку таят
Строки, которые ниже пишу я,
Боль не терзает, в потёмках бушует,
Голод и жажда меня не томят—

В них нахожу я зовущее знамя —
Знамя любви и магниты познания.

Голод душевный терзает меня...

Жажда и сладость

Колодец однажды я встретил в пустыне
И жадно к воде долгожданной приник.
Ту встречу далёкую помню поныне —
Божественным мне показался родник.

Тогда побродил по дорогам я местным.
И снова к тому же колодцу припал.
И вдруг обнаружил — вода стала пресной,
Вкус сладости прежней растаял, пропал!

Да сладость скрывалась, мне стало ясней,
Не в водах колодца, а в жажде моей.

Разговор с судьбой (Благодарность)

Она мне шепчет: «Слёзы прекрати,
На жалобы напрасно сил не трать.
Трудны для смертных все мои пути,
Жестоки повседневные объятья».

И я спасибо от души шепчу
Судьбы бесцеремонным поворотам.
Её суровым ласкам и заботам
Иного продолженья не ищу.

Она мне говорит: «Не жди пощады
И к милости моей не прибегай.
Не увеличивает наши силы рай
И расхолаживают щедрые награды».

Я всем её ударам приношу
Безмолвные свои благодаренья.
Поклоны шлю за свежие раненья
И благодарен заржавелому ножу.

Судьба меня в заоблачные дали
Влечёт своей бестрепетной рукой,
Мол, там отыщешь радость и покой,
Здесь человек не утолит печали.

Я соглашаюсь, прекращаю плач,
Не потому, что некуда деваться,
А эта жизнь — безжалостный палач...
За будущее счастье надо драться!

Предки (Наоборот)

Дивимся святости, могуществу...
Но ведь они наши отцы,
А мы, хозяева имуществу,
Не надеваем их венцы,

Дерзнём ли пред своими предками
Склониться, как пред мудрыми детьми,

И распрямившись духом крепкими,
Стать великанами-людьми?!

Хлеб поэзии

Поэзия!
Ты мне вручила хлеб.
Но небогатый, волею судеб.
За это я благодарю от всей души
Тебя и Бога!

Скажи,
Поможет ли написанное мной
В боях с врагом отчизне дорогой?
А чёрствый хлеб мои стихи
Помягче сделают немного?

Русская матрёшка

Я приобрёл в Москве матрёшку,
Дабы родной украсить дом.
В ней разобрался понемножку —
Их оказалось семь числом.

Одна в другой. У самой малой
Спросил: «Ты знаешь, где живёшь?»
Она ответила устало:
«Повсюду видимость и ложь.»

Суть отличается от формы,
Приходится нам прятать суть».
Я согласился — век проворный
Людей стремится обмануть.

И то сказать в юдоли тленной
Обман приходится терпеть.
Чтоб каждой маленькой вселенной
Свою в пространстве песню спеть.

Так существует Кали-юга,
Храня великих истин нить.
«Читатель, — спрашиваю друга,
Ты сам-то Истину хранить
Готов, подобно предкам — дедам,
И жизнью Правду исповедать?»

И знаешь ли, в скольких вселенных
Живешь ты вечно и нетленно?

Знамение времени (Статуи)

Трон уступая вопросам культуры,
Храм покидают сегодня скульптуры.
Переселяются ныне в музей
При лицезрении публики всей.

Варне браминов задуматься нужно,
Что происходит с обрядовой службой?

Как перейти по святому мосту
К службе, познанию, труду, мастерству?

Слова и дела

У славы часто видимость плохая,
Намного очевидней почерк дел.
Иной томится, без конца вздыхая:
«Как мало в этой жизни я успел!»
Другой толпе трезвонит без умолку:
«Я совершил великие дела!
Да вот не понят...». Мало толку —
Всё так же их толпа не приняла.
Как правило, дела со славой тонки.
Несправедливо ценят и потомки.

Старый колодец

Ты полагаешь, он засох,
Зарос травой, грязна водица.
Настолько оказался плох,
Что для служенья не годится.

Всё это так, вода мутна,
Мхом обросли и сруб, и кладка,
Погожим днём не видно дна.
Короче, старику несладко.

Навешать многие грехи
Я мог бы на предмет сонета.
Но не затем пишу стихи
И деньги платят не за это.

Дабы добыть себе на пищу,
Возьму колодец да почищу.

У ворот богачей

Мой дед у каменных ворот
Помалкивал и шею прятал,
Отец ворчал, наоборот:
«На шею сели нам, ребята...»

Я равнодушно мимо брёл.
А мой сынок сжимал ладони —
Нам только дайте время, мол,
Вас из ворот взашей погоним!

Стальной прут

«Я не умею без конца
Лишь на словах казаться резвым.
Рождённый в горне кузнеца,
Предпочитаю быть железным.

Не ровня малодушным вам.
У вас в делах одна оглядка.
Я революции отдам
Всего себя и без остатка!»

Порою так иной бахвал
Своим противникам грозитя:
«Как друг крестьян, и я пахал.
Мечтаю в землю погрузиться...»

Дурачит простодушных нас.
В бою же вспыхнул и погас.

Цветы кактуса

Мне встретился цветущий кактус.
Легла на сердце красота!
А у него колючий статус
И жизнь в пустыне непроста.

Как много душ на свете разных,
Суровых, трудных, злых порой,
Которым нужен светлый праздник
И благодетельный настрой!

Они походят на солдата,
Малозаметного в строю

И беспощадного в бою.
Такого ты встречал когда-то?

Он с виду жёсток, как скала.
А в глубине душа светла.

Пять поколений

Мой дед стихами называл,
Когда возвышен лад певучий,
А слов и дел высоких вал
Дышал обилием созвучий.
Когда, раджи, жрецы, слоны
Топтали царство сатаны,
И вторил флейты звук певучий.

Отцу поэзия была —
Там, где простор морей туманных,
Акцентов также иностранных,
Где рифм изящных несть числа,
Где плеск ручьёв и птичек пенье
Не превышал границ терпенья.
Судьба же свой отсчёт вела.

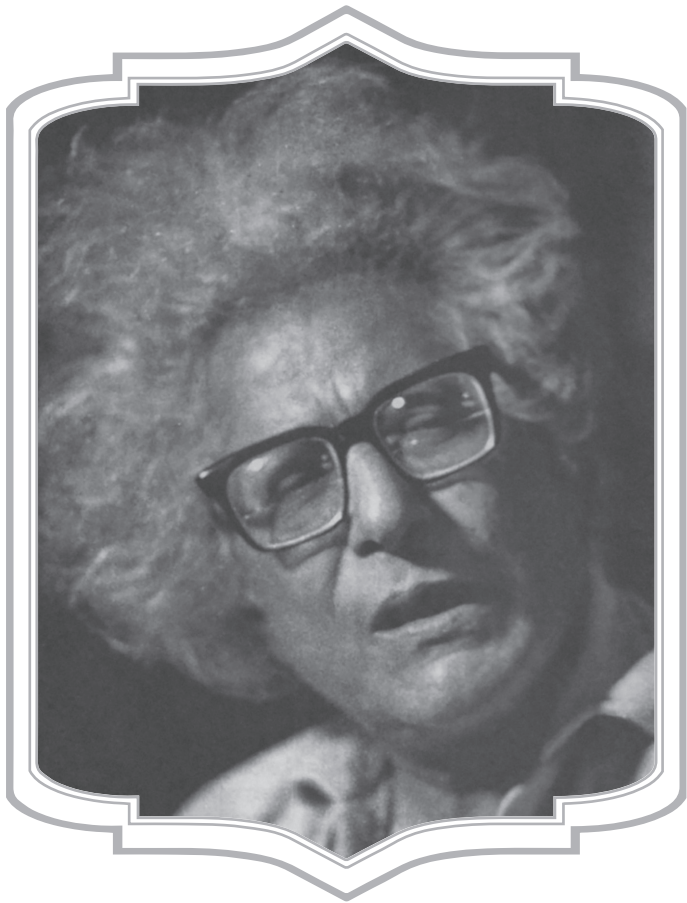
Стихами то лишь, что прекрасно,
Я с юных лет своих считал,
Что справедливо, зрело, ясно...
Кумиров всех перечитал.

Сам отголоском их не стал.
Пусть отражается в строках
Любовь и боль во всех веках.

Мой сын поэзией увлётся
Тех, кто взорвать её грозит,
Кто непристойно в хлам улётся
И прохлаждается в грязи.
Таким всегда скучна эпоха,
И хорошо лишь то, что плохо.
От них зловонием разит.

Придёт, надеюсь, поколение,
Где прадедов наступит чтение.

СУБХАШ МУКХОПАДХЬЯЙ

СУБХАШ МУКХОПАДХЬЯЙ (1919—2003)

Как большинство индийских поэтов, Субхаш Мукхопадхьяй родился и вырос в Бенгалии, изучал философию в Шотландском церковном колледже в Калькутте. Рано стал известным. Его первый сборник стихов, «Падатик» («Пешеход»), ряд критиков считают вехой в развитии современной бенгальской поэзии.

Считается самым левым из крупных поэтов Индии XX века. Вступил в компартию этой страны в начале 1940-х годов, будучи ещё студентом. Вышел из её рядов в 1982 году. Писал стихи, романы, публицистические статьи, сказки для детей, был редактором ведущего бенгальского журнала Parichay.

Всю жизнь занимался и поэтической, и общественной деятельностью. Отличался прямоотой, бескомпромиссностью в политике, но стихи писал в весьма разнообразной манере — от традиционных до таких, что считались по тем временам модернистскими. В конце жизни тяжело и долго болел.

Сталинград*

Грознее не бывало Курукшетры** —
Северо-запад запылал в огне.
Пахнули жаром дьявольские ветры,
Их пепел разлетелся по стране.

У стёкол окон опустели рамы,
Где высились дома — теперь стена.
На город опустилась лапа Ямы***,
Сражается с ним целая страна.

Страшны орудий пламенные жерла,
Урюмы танков хриплые плевки.
Но самая безжалостная жертва —
Когда в бою встречаются штыки.

Страна стальные обнажает зубы
Навстречу беспощадному врагу.
Не гасит также заводские трубы
На волжском непреклонном берегу.

Работают мальчишки и солдаты,
Сражаясь до конца за каждый дом.

* Стихотворение написано в 1943 г.

** Букв. «поле Куру». Описанный в «Бхагавадгите» до-
исторический Армагеддон.

*** Яма — владыка Преисподней.

Строения — и те в боях распяты.
Гремит над ними непрерывный гром.

Безусые уходят ввысь и в землю —
Без оговорок, золотая молодёжь.
Зловещего господства не приемлют.
Богатырей подобных где найдёшь!

Живые, раздвигая, трупов горы,
Нащупывают путь в горящей мгле.
Когда и где ещё подобный город
Существовал на выжженной земле?!

Чем души славных воинов согреты,
Воюющих в невиданном бою?
Они хранят не только честь свою —
Достоинство спасают всей планеты!

Отныне чужеземные останки
Святую землю будут удобрять,
Ржаветь в земле заносчивые танки
И вздрагивать любая злая рать.

Всем сердцем уповаем на Россию,
В ней видим исполнение судеб,
Бессмертие Земли, святую силу
И кровью обогранный вечный хлеб.

Флаг

В памяти моей
Много-много дней
Красный флаг маячит.
Нынче поутру
Вьётся на ветру
И всё больше значит.

Воспоминания (Как далеко я бы ни уходил)

Куда бы я от родины ни ездил,
Как далеко от дома ни бродил,
Всегда домашние притягивали вести,
И рой картинок душу бередил.

Вставал в глазах наш незабвенный дворик,
Руками мамы вымытый с утра.
Где проводила время детвора —
Вкус памяти ребячьей сладко-горек.

Здесь ноги материнские прошли,
Следы навечно отпечатав в сердце.
Как будто бы прошла сама Лакшми*.
Я в память захожу, чтобы погреться.

* Лакшми — богиня любви.

Сюда и боги могут заглянуть,
Вручают силы на грядущий путь.

Вечер в городе (На склоне дня)

Солнце над Гангой в огне перемен
Пролило в воду кровавые краски.
Сумрак надвинулся, как полисмен, —
В тёмном фургончике демон из сказки.

Добрые феи зажгли фонари,
Наглухо шторы спустили в квартире.
Злые — на землю легли до зари.
Там затаились в причудливом мире.

Сумрак прокрался в квартиру. Темно
Стало и тотчас пантерой бесшумной
Прыгнул на улицу через окно
В город ночной и немного безумный.

Ветер, опасливо руку лизнув,
Вихрем внезапно откуда-то грянул.
Чуть призадумался, быстро отпрянул.
Тоже к дороге прилёт и заснул.

Вспомнить уже не смогу

Змеи меня оплели
Жизни укусы крутые.
Помнятся дни золотые.

Светятся ныне вдали.
Молодость. Солнечный край.
Руки глаза оплетают.

«Кто их закрыл — отгадай?»
Руки, смеясь, улетают.
Нежные руки твои —
Память ушедшей любви
Жалит мне ночью и днём
Тело и душу огнём.

Змеи мне душу терзают.
Воспоминанья спасают.
Змеи меня оплетают,
Жаля, шипя, дразня,
Пылают на теле моём
укусы огня.

...Вспомнить уже не смогу:
Отныне и ночью, и днём
Я окружён огнём,
змеи терзают меня!
Пылают на теле моём
Укусы огня.

АШОК ВАДЖПЕЙИ (1941)

Этого выдающегося современного индийского поэта открыл для меня российский писатель, переводчик, индолог А. Н. Сенкевич. С его превосходных белых стихотворных переводов сделаны данные рифмованные переложения. Возможно, я был не всегда адекватен в своих усилиях, но старался в меру убывающих возрастных сил передать незаурядный талант подлинника. Что касается А. Ваджпейи, то он, на мой взгляд, весьма достойно продолжает традицию Тагора и Баччана.

Ашок Ваджпейи — поэт, пишущий на хинди, литературный критик, успешно совместивший занятие творчеством с административной работой в сфере культуры. Как государственный служащий, занимал посты секретаря штата по культуре, а также председателя Национальной академии искусств Индии. Автор 23 книг, за которые он получил множество национальных премий. Помимо написания книг, основал ряд учреждений культуры. Политически тяготеет

АШОК ВАДЖПЕЙИ

Ожидание

Оно не означает долгий мрак,
Рассеянный короткой вспышкой спички.
В нём, словно в междузвёздной перекличке
Мерцает смерти неизменный враг.
Оно не жжёт, не тлеет, не горит —
В нём дух бессмертия, его язык и ритм.

Новое стихосложение

Слово лепится к слову,
Как будто стесняясь симпатий,
Дух свободы стараясь
В скреплённых словах сохранить.
Подгореть не позволив
В жаровнях словесным «чопати»*,
И новейших пословиц
Вводя популярную нить.

Наши будущие дети

Они однажды в космос выйдут,
Помашут прошлому рукой.
Из зрелых душ все страхи вынут.
В грядущем учредят покой.

* Старинное блюдо, очень популярное в Индии. Хрустящие блины, приготовленные на открытом огне.

В самих себя направят взгляд,
Своё оценят царство мёртвых.
И всех, в сомнениях упёртых,
От кандалов освободят.

Сумеют видеть без смущенья
Свои былые воплощенья.

Душа — бесконечный сон тела

Несокрушимо жизни древо,
Из-под под земли растёт пока.
Не пропадут Адам и Ева,
Их связь небесная крепка.
Но тяжелы земные стычки,
Во снах не зрим Верховной Смычки.
Здесь разделение царит...

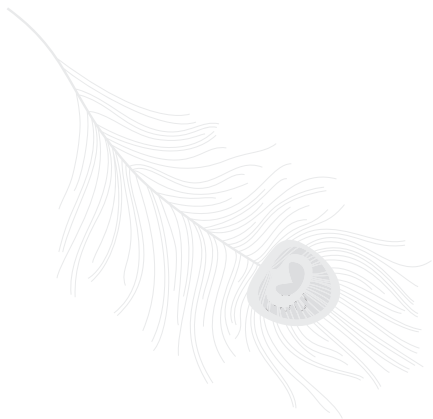
Приди

Приди ко мне ночной порою.
Приди как солнце в ясный день.
Как дерево, любви корою
Одень, но перед тем раздень.
Объедини и тьму, и свет.

Возьми меня, как омут ловит
В своих глубинах лунный след

Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии

И жизнь грядущую готовит.
В ней радость, крылья, горечь, бремя...
Так вечность покоряет время!

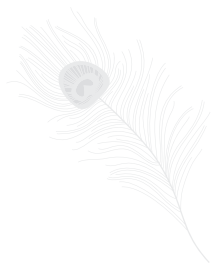
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Р. S. Мы прошагали огромный путь — целых 35 веков! — и в самых общих чертах коснулись творчества лучших, на мой взгляд, индийских поэтов. Возможно, мы упустили кого-то значимого, но... нельзя объять необъятное, а индийская поэзия не просто необъятна, она неисчерпаема. Путешествуя по Индии — и раньше, четверть века назад с рюкзаком, и сегодня по страницам книг, я не перестаю удивляться её внутренней родственности с Россией, русской культурой и русской поэзией. Завершить это путешествие я хочу своим стихотворным подношением Ариаварте, её чудесным храмам, горам, мудрецам, простым людям и поэтам, самым любимым местом в которой для меня была и есть долина Кулу.

В долине Кулу

*Биас под нами прочертил излучку.
Вверху орёл очерчивает круг.*

Мы знали до сих пор одну Белуху,
А здесь мы видим сразу семь Белух.
Семь светлых глав на нас глядят бесстрастно:
— Зачем пришли? О чем несёте весть?
Высокое безмолвие пространства
Нас просит не пятнать и пяди здесь.
— Вы праха горсть, вы стебли чахлой травки
В сравнении с величьем этих гор.
— Пусть будет так. Но мы хотим на равных
Вести с тобой, Пространство, разговор.
— Мы не травинки и не пыль земная,
Которой безразлично, где кружить.
В долину из далекого Алтая
Пришли мы мост надежды проложить.
Мы братья этих склонов темно-синих,
Свидетелей бесчисленных эпох.
Хребты Ариаварты и России,
В борьбе объединимся! С нами Бог!

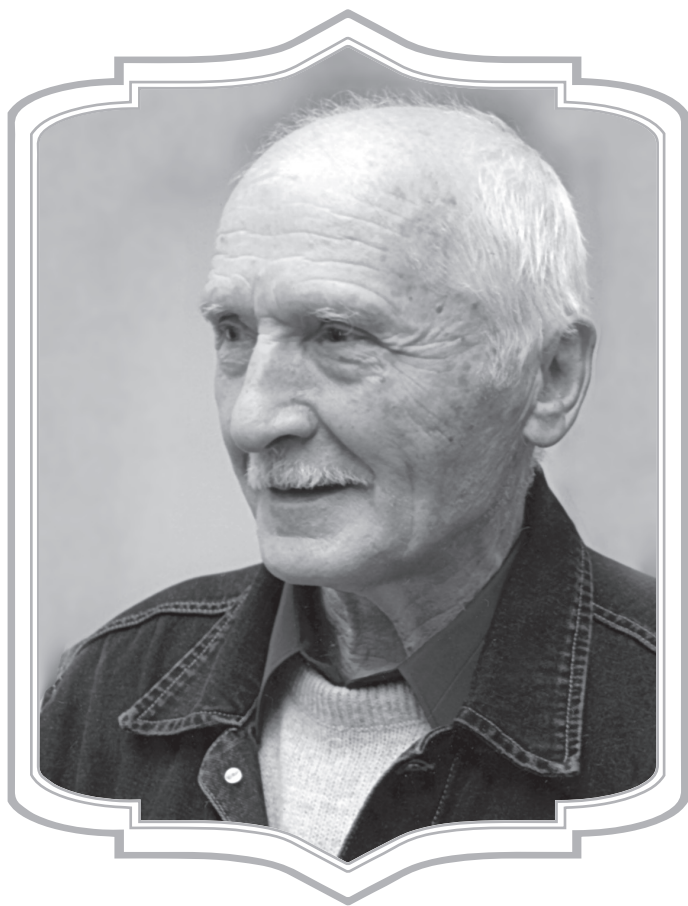

С. Ю. Ключников

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ГЛАЗАМИ Ю. М. КЛЮЧНИКОВА

Данную статью, как и весь сборник, ни в коем случае не нужно рассматривать как академическую работу. Это литературное издание и сборник переложений индийской поэзии, который нуждается в некоем развёрнутом научно-популярном пояснении. Ни я, ни автор художественных переводов и переложений Ю. М. Ключников не являемся профессиональными индологами. В то же время мы уже несколько десятилетий внимательно изучаем индийские первоисточники и читаем философские и литературные произведения, относящиеся к индийской духовной традиции, религиозным текстам, книгам путешествий и индийской поэзии. Мы осознаём, что наша работа носит, скорее, характер интеллектуального волонтерства, целью которого является популяризация выдающихся образцов поэзии Ариаварты, о чём важно рассказать через призму русской литературы и классической поэзии. В силу специфики индийской культуры

придётся специально остановиться на истории вопроса и сущности этой величайшей художественной традиции.

І. ГЛУБИННАЯ БЛИЗОСТЬ ИНДИЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

РУССКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ ОБ ИНДИИ

Трудно назвать какую-либо страну в мире, которая была бы столь близка России с точки зрения менталитета и культуры, как Индия. Достаточно сказать, что за всю историю взаимодействия между нашими странами не было ни одного политического (не говоря уже о военном) конфликта. Подобная близость проявлялась и в фактах культурного обмена, и в торговле, и, разумеется, в художественной литературе, прозе и поэзии. По свидетельству индолога Д. И. Белкина, интерес к Индии устойчиво демонстрировали М. В. Ломоносов, И. А. Крылов, А. А. Фет, П. Д. Бутурлин, С. Я. Надсон, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, Н. С. Гумилёв, Вяч. И. Иванов, Вс. Вяч. Иванов, М. А. Волошин, В. Хлебников, Н. А. Клюев, С. М. Городецкий, Н. С. Тихонов. Можно добавить ещё, конечно, Сергея Есенина, грезившего о «Белой Индии»,

прозаиков Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого, изучавшего индийскую философию и духовную культуру глубоко и серьёзно (известно, что он включил в «Круг чтения» и «Путь жизни» множество философских и религиозно-духовных высказываний и афоризмов), наконец, русскую путешественницу и мистического философа Е. П. Блаватскую, чьи очерки путешествий по Индии, а также эзотерические трактаты «Разоблачённая Изида» и «Тайная Доктрина», содержащие обширные комментарии к эзотерическим текстам Востока, вызывали большой интерес как в России, так и во всём мире. Даже в стихах «нашего всего», Александра Сергеевича Пушкина, насчитывают целых 26 упоминаний Индии. Правда, это были, скорее, эпизодические упоминания — об Индии в тогдашней России знали достаточно мало, но всё равно это симптоматично. В наибольшей степени интерес к индийской культуре проявил знаменитый русский художник Н. К. Рерих, который не только создал тысячи картин на индийскую тему, но и написал десятки книг, среди которых были и поэтические опыты.

Русские поэты, не владевшие ни санскритом, ни хинди, не всегда для своих переводов использовали русские подстрочники. Так, поэма Кали-

дасы «Шакунтала» была переведена Н. М. Карамзиным с немецкого языка. Нужно признать, что обращение русских классиков и поэтов Серебряного века к индийской теме было во многом ориентальным, то есть основанным на интересе к яркой индийской экзотике. Индия воспринималась русскими поэтами как «страна мечты», «страна духа», «райская земля», «свет», «святыня», «девственная мать».

Переводы индийской поэзии на русский язык делали как профессиональные индологи, так и русские поэты: А. А. Фет, Ю. К. Балтрушайтис, Л. Н. Гумилёв, В. М. Тушнова, С. Д. Серебряный, И. Д. Серебряков, П. А. Гринцер, В. Г. Эрман, А. Ш. Ибрагимов, И. П. Глушкова, В. Коровин, А. Н. Сенкевич, Э. Лейтан, В. Н. Берг, С. Л. Северцев, Э. А. Лякишева, Т. Я. Елизаренкова, О. Ю. Мелентьева, А. М. Дубянский и другие. Они совершили творческий подвиг, благодаря которому укреплялись исторические и культурные связи между нашими народами.

ИНДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой завершающую часть мирового переводческого проекта, который за последнее

десятилетие выполнил поэт, переводчик, эссеист Юрий Михайлович Ключников. Он, всю жизнь писавший стихи на родном, русском языке, сделал ещё переводы и переложения французской, персидской (суфийской), китайской, английской, а теперь и индийской поэзии, подготовив к изданию пять антологий. И они вышли — сборники «Откуда ты приходишь, красота? Вольные переводы французской поэзии XII—XX веков» (2015, более 250 стихотворений 57 поэтов), «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII—XX веков» (2016, 500 стихотворений и миниатюр, 24 поэта), «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2019, 400 с лишним стихотворений около 50 китайских поэтов), а также сборник переводов английской поэзии «Уильям Шекспир: Сонеты. Поэзия шекспировской эпохи» (2020, 13 поэтов, 266 стихотворений). По мнению экспертов (С. Б. Джимбинава, В. М. Костина и других), это самые крупные российские поэтические антологии, появившиеся до и после революции, выполненные одним человеком. Масштаб проекта, связанного с вольными переводами и переложениями мировой поэзии, беспрецедентен не только в отечественной, но и в мировой литературе. Ни у нас, ни за рубежом на протяжении многих веков

не было случая, чтобы один поэт «поднял» бы такой объём творческой работы. Тем более, что Ю. М. Ключникову недавно исполнилось 90 лет.

Конечно, Ю. М. Ключникову хотелось прикоснуться к подлинному Востоку, а отнюдь не к тому, препарированному под запросы массовой культуры и одетому в кришнаитские одежды, продукту, который сегодня усиленно навязывается России и миру. Потому он совершил шесть поездок в Ариаварту и провёл там в общей сложности полгода, потому он погрузился в индийскую поэзию, пытаясь найти в её древних основах созвучия с Россией. Перелагая эти тексты в формат русской стихотворной традиции, поэт охватил огромное полотно истории — целых 35 веков её культурного бытия.

Сейчас пришёл черед индийской поэзии, растянувшей свою историю на целых 35 веков. Сборник включает в себя более 320 стихотворений и миниатюр, созданных 20 поэтами страны ариев. И помимо переводов — в проект вошло свыше 1800 русских стихотворений поэта, опубликованных во многих его книгах. Кроме переведённых стихотворений, в каждом из сборников есть биографические очерки, примечания, статьи, исследующие литературные процессы, происходившие в шести культурах. Когда была

опубликована книга переводов английской поэзии, я в послесловии сравнивал открывшуюся картину со своеобразным поэтическим крестом, где в качестве перекладин выступают две западные и две восточные поэтические традиции. Но выход сборника переводов индийской поэзии заставил меня поменять концепцию и саму метафору исследования: поэтическое наследие, созданное Ю. М. Ключниковым, — не крест, а пятилучевая звезда. Если русскую поэзию автор переводов, исходя из своего творческого видения, естественным образом помещает в центр этой звезды, то индийскую поэзию, как самую древнюю, Ю. М. Ключников делает верхним лучом своей поэтической пентаграммы. Разумеется, подобные схемы условны, а живой сад мировой поэзии живёт по своим внутренним законам, но авторское видение панорамы поэтических культур совпадает с образом звезды.

Индийская поэзия, рождённая у истока человеческой цивилизации, внутренне родственна русской поэтической традиции и играет в данном проекте особую роль. Сами образы, интонация, накал страстей, проявляющийся как в любовной лирике, так и в стихотворениях духовного характера, и особенно в эпосе, выглядит очень созвучным нашей родной поэзии.

II. ОБ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

КОНТУРЫ ИСТОРИИ АРИАВАРТЫ

По-настоящему понять природу индийской поэзии можно только очертив контуры индийской истории, представляющей собой весьма фрагментарную картину. Будем опираться на работы разных исследователей, таких, например, как С. Д. Серебряный, Г. М. Бонгард-Левин. Большинство учёных считает, что в мире есть три самых древних и устойчивых цивилизации — Дальний Восток, Средиземноморье и Индия, которую можно справедливо рассматривать как исток человеческой культуры. Принято считать, что во II тысячелетии до н. э. индийский субконтинент подвергся нашествию северо-западных племён, называвших себя ариями («благородными»). Они победили господствовавшую в тех местах дравидскую культуру, которую превосходили, ассимилировав или оттеснив её представителей. В первом тысячелетии до н. э. на завоёванных территориях сложилась так называемая ведическая культура. Тексты «Ригведы» были известны примерно с 1700—1100 гг. до н. э., и если рассматривать религиозные гимны этого древнейшего текста как образцы протопоэзии, то можно говорить о 35 веках индийской поэзии.

В отличие от Китая или Японии индийская духовная культура изначально проявила себя как открытая система, вбиравшая в себя самые разные влияния и тенденции. Так, в IV веке нашей эры завоевание Азии Александром Македонским запустило процесс контактов Индии с миром Запада, длившееся целое тысячелетие. Археологи до сих пор находят в этом регионе фигурки, имеющие эллинистическое происхождение.

В первом тысячелетии н. э. появился индуизм, вобравший в себя множество элементов. Создававшийся как мирное соцветие самых разных культов, учений и богов (родовая черта Индии), индуизм подвергся в I тысячелетии н. э. множеству самых разных влияний, самым сильным из которых было влияние ислама. В течение нескольких столетий мусульмане были правителями Индии, но в итоге, несмотря на уточнённые достижения в искусстве и литературе, они были ассимилированы индуизмом.

Другим мощным воздействием на религии, искусство и поэзию Индии было британское влияние (англичане правили страной почти два века — XVIII—XIX). Оно заключалось не только в экономическом и бюрократическом порабощении индийцев с одновременным их приобщени-

ем к техническим достижениям цивилизации, но и в проникновении христианства в культуру.

БАНЬЯНОВОЕ ДЕРЕВО ИНДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследователи, в частности С. Д. Серебряный, отмечают мощную разветвлённую корневую систему индийской литературы и поэзии, сравнивают её с баньяновым деревом, корни которого едины, а побеги настолько разветвлены, что связь их друг с другом порой даже не просматривается. Если говорить о формах передачи поэтической традиции, то в Индии преобладала устная. Это было связано как с попыткой касты браминов, не спешивших повышать грамотность народных масс, сохранить свою монополию на учёность, так и с особенностями природы Ариаварты, где европейские методы книгопечатания не очень-то приживались. Играла роль и сакральность ранних форм индийской традиции, когда священные тексты передавались из уст в уста. Возникла проблема языка, на котором эти тексты должны быть зафиксированы. Устные языки, получившие название «пракриты» (от *пракрिति* — «природа»), представляли собой естественные стихийные языко-

вые формы, посредством которых передавались и священные гимны, и ранние поэтические тексты. Примерно в IV в. до н. э. крупнейший древнеиндийский лингвист Панини, живший на севере Индии, составил первую в истории страны грамматику нового языка, получившего название «санскрит» («сделанный», «упорядоченный»). Древние индийцы вписали в число великих Риши, осуществлявших духовное управление страной и в соответствии с религиозной логикой того времени утверждали, что трактат Панини «Аштадхьяи» («Восьмикнижие») создан по прямому внушению бога Шивы. Борьба между этими двумя языками продолжалась не менее тысячелетия и закончилась полной победой санскрита, ставшего главным классическим языком индийской литературы. Основные поэтические тексты Индии древнего периода были созданы на санскрите и в таком виде дошли до нас. (Санскрит остаётся одним из главных языков Индии, и сегодня на нём продолжают создаваться разные произведения, получающие правительственные награды.) Учёные (в частности, А. В. Парибок) сегодня приходят к выводу, что успехи индийских компьютерных программистов не случайны: в сознание брахманов буквально «вшито» протопрограммистское мыш-

ление и языки современного программирования имеют, по мнению ряда экспертов, истоки в санскрите. Потому идут разговоры о том, что санскрит должен стать одним из современных IT-языков.

Однако помимо санскритской на индийском субконтиненте была очень популярна и тамильская литература, создававшаяся на стыке первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. Эта литература и поэзия содержала прекрасные образцы любовной лирики (так называемое тамильское «Бхакти» с культом страстной, восторженной любви к Богу, на формирование которого, считают исследователи, могло оказать влияние раннее христианство). Тамильская поэзия была своеобразным сплавом мистической и эротической любви.

В древней Индии была развита не только лингвистика, но и теория литературы, в которой возникло понятие «кавья» — поэзия или поэма. Она подразделялась на «Маха-кавью», или большую поэзию (эпос, крупные поэмы или драматические произведения), и «Кханда-кавью», или «малую поэтическую форму». Большая часть произведений, представленных в данной книге (за исключением «Бхагавадгиты» и отрывка из поэмы Калидасы), принадлежит к разновид-

ности «кханда-кавью». Авторы, сочинявшие стихи, были, как и любые поэты мира, спонтанны и непосредственны в передаче своих чувств и состояний души, но, с другой стороны, старались следовать высоким эстетическим канонам того времени.

Учёные отмечают, что понимание индийской поэзии, переводимой буквально, с сохранением древних размеров, очень сложно для современного человека из-за непривычной восточной терминологии, обилия религиозных понятий, имён богов и царей, характера образов и сравнений (особенно это касается сочинений, связанных с культом священных животных и птиц), а также из-за особенности сложной строфы, длинной и насыщенной сложным контентом. Потому Ю. М. Ключников пошёл по пути упрощения терминологических сложностей и перевода индийской поэзии на русский слог и поэтическую метрику. Это, с одной стороны, несколько отдалило переведённые тексты от первоисточника, но с другой — приблизило их к современной русской поэзии и особенностям современного читательского восприятия. Подобный подход не касался священных индийских текстов, таких как «Бхагавадгита» (здесь переводчик старался быть максимально точным, насколько это по-

зволюла ему сделать выбранная форма русского стихосложения), и в большей степени относилось к авторской лирической поэзии.

ЯЗЫКОВАЯ И ДУХОВНАЯ БЛИЗОСТЬ ИНДИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Индийцы всегда любили поэзию и воспринимали её, как нечто священное. Это касалось и устной, и письменной поэзии. В этом они, безусловно, были близки нам, славянам, всегда воспринимавшим свою страну как страну Слова. Помните, Евангелие от Иоанна (1:1): «Слово было у Бога, и Слово было Бог»? (Другое значение имени славян обычно возводится к понятию «Слава», «славить».) Многие филологи и деятели культуры связывают мощное развитие национальной литературы, поэзии как раз с этой глубинной ориентацией на идею Слова. Своё слово было и у индийцев: они называли его Шабда-Брахман (или «Брахман звучащий»). Трудно сказать, почему индийцы так любили поэзию — и каноническую, созданную на санскрите, и народную, звучащую на том или ином варианте пракрита, но любовь эта бесспорно была. А. Д. Серебряный отмечает, что даже средневековые руководства по уходу за слонами индийцы предпочитали полностью или частично

записывать как поэтический текст. Это касалось как тех поэтов, которые были индуистами, так и тех, что исповедовали ислам. Кстати, в персидской средневековой поэзии сложилась аналогичная ситуация: многие авторы, даже такие, как Авиценна, любили излагать свои научные трактаты тоже в стихотворной форме. Что ж, мироощущение древнего и средневекового человека, жившего на Востоке, было возвышенным и готовым к рифмованной песне.

Глубинная близость индийской и русской поэзии опирается на близость языковую. Возьмём термины родства в санскрите и русском языке: *mātar* — мать, *bhrātar* — брат, *svasar* — сестра, *sūnu* — сын, *duhitar* — дочь, *janī, jānī* — жена, *vidhavā* — вдова, *devar* — деверь. Учёные утверждают, что общие корни санскрита и русского языка составляют внушительную цифру — не менее 15%. Индийский лингвист Дурга Прасад Шастри утверждал: «Если бы меня спросили, какие два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: русский и санскрит. И не потому, что некоторые слова в обоих этих языках схожи, как и в случае со многими языками, принадлежащими к одной семье. Например, общие слова могут быть найдены в латыни, немецком, санскрите, пер-

сидском, русском и других языках, относящихся к индоевропейской языковой группе. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структуры слова, стиль и синтаксис.

Добавим ещё большую схожесть правил грамматики — это вызывает глубокое любопытство у всех, кто знаком с языкознанием, кто желает больше знать о тесных связях, установившихся ещё в далёком прошлом между народами России и Индии».

Несмотря на глубинную общность, между русской и индийской древней поэзией существовали глубокие различия. Это проявлялось в ритмической структуре и в строении строфы: лирические строки, как правило, функционировали независимо друг от друга и не составляли единого целого. По свидетельству П. А. Гринцера, древние поэтики называли их «поэзией несвязанных строк», причём от лирики требовалось особое разнообразие размеров. Потому делать буквальный перевод этих текстов на русский язык едва ли имеет смысл, если речь идёт о художественном переводе: в таком виде индийская поэзия потеряет своё очарование, которое она имеет для самих индийцев. Это объясняет, почему Ю. М. Ключников переложил индийские стихи и поэмы в русской метрике.

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Индийская поэзия серьёзно менялась в процессе своего длительного развития. Особенно ярко эти изменения проявились в XIX—XX столетиях. Хотя и на более ранних этапах истории Индии видно, что произведения, созданные в первом тысячелетии до н. э., и средневековая индийская лирика существенно отличаются друг от друга. Тем не менее, великая индийская поэзия на протяжении веков и тысячелетий своего существования сохраняет своё единство. Не настаивая на абсолютности выводов, можно попытаться сформулировать черты этого единства.

1. Светоносный характер, культ света в поэзии, который, в отличие от китайского поэтического лунного света, всегда носил солнечные черты. Это проявляется в глубинном позитивном настрое, присущем практически каждому индийскому поэту: это поэзия радости, а не грусти, пусть самой изящной и тонкой, свойственной китайской поэзии.

2. Тяга поэта к познанию запредельного, невидимого, лежащего за границами материальных форм. В индийской философии, за исключением её марксистского периода, практически не было атеизма, а в индийской поэзии не было

материалистического взгляда на мир: всё, даже чувственная любовь, выступало как часть одухотворённой картины мира, пронизанной ощущением божественного присутствия. Конечно, трансцендентные индийские учения и апофатические формы поклонения Высшему не могли стать основой индийской поэзии и существовали в виде трактатов, но религиозные системы, содержащие яркие образы и связанные с бхактической традицией, прекрасно передавались поэтическим языком.

3. Страстный характер любви к Всевышнему, культ «бхакти», пронизывающий стихотворные строки древних и средневековых поэтов. Философия бесстрастия, присущая некоторым направлениям духовной практики, была оставлена для духовно-философских трактатов.

4. Любовь к человеку с его бедами, испытаниями и проблемами, высокий гуманизм, отличающийся от современного западного подлинностью чувств и чётким ориентиром на вертикальное духовное восхождение.

5. Сострадание, свойственное индийской культуре ещё до появления буддизма и развитое с его появлением до целой научно-философской системы, впоследствии распространявшейся на все стороны жизни и культуры.

Кастовая структура, имевшая какое-то объяснение в истории, но со временем ставшая тормозом в развитии страны, и кастовый взгляд на мир практически отсутствуют в индийской поэзии. Люди равны друг другу и заслуживают глубочайшего уважения вне зависимости от уровня материальной обеспеченности и социального статуса. Потому в индийской поэзии так часто защищается бедняк.

6. Открытость и гибкость форм. Изучение индийской поэзии XX века показывает, что она вовсе не есть некая закрытая система, неспособная к впитыванию влияний, идущих из других поэтических культур. Нет, это открытая культура, которая несомненно вобрала в себя многое, что принёс Запад и через поэзию, и через влияние западной жизни, то есть через вестернизацию. Да, в XIX—XX веках индийская история, как и индийская поэзия, получила многие мощные импульсы для развития, в связи с тем, что мир стал гораздо более открытым для культурного индийца. Тем не менее индийская традиция показала свою мягкую силу: какие бы модернистские приёмы ни применяли в своих строках поэты, живущие и в Дели, и в Западной Бенгалии, практически всегда видно, что это «сделано в Индии».

Каков был взгляд на мир индийских поэтов? Что влияло на них в процессе сочинения стихов и поэм? Изначальное Откровение, о котором писал знаток индийских сакральных доктрин Рене Генон, не было исключительно продуктом индийского ума, созданного для племенных культов, но предназначалось для всего человечества и было основой индоевропейского единства. Попытка выделить арийскую расу как некую чистую сверхгруппу кончилась, как мы помним, трагически и для германских народов, и для других народов Европы. Но на самом деле лингвистические исследования показывают, что в индоевропейскую семью, входит больше 100 народов различных типов европеоидной расы.

Главные положения индийской Веданты и три с половиной тысячи лет назад, и сегодня неизменны: Брахман (Бог, Абсолют) реален, мир иллюзорен, Джива (воплощённый человек) есть Шива. Единство Бога в непроявленном состоянии и его триединство в проявленном (концепция Тримурти) роднит индийскую традицию с нашей как в её христианских истоках, так и в языческих культах, также построенных на троичности. Строгие положения Адвайта-веданты редко были прямым предметом поэзии, но под-

разумевались за кадром. Куда чаще поэты писали о богах — шалуне Кришне с его танцующими пастушками гопи, женских божествах, выступающих под различными именами — Радха, Лакшми, Сарасвати. Пантеон индуизма со старшими и младшими богами велик, но большинству этих богов находилось в поэмах, гимнах и стихотворениях индийских поэтов своё место.

Помимо знаменитой триады Веданты в комплекс идей индийской духовной традиции входили такие идеи, как всеобщность жертвоприношения (всё в мире поддерживается всеобщей и взаимной жертвой), космическая игра (лила), космическая справедливость, проявляющаяся в виде закона причинно-следственной связи (кармы), философия духовного благочестия (дхарма), бесконечность разных форм жизни, вращающихся в колесе сансары, возможность освобождения от сансарических страданий через духовный путь самообуздания своих желаний (мокша), безусловность любви человека к Богу (бхакти) и друг к другу (према). Поэт, сочиняющий гимн или стихотворенье, совершенно необязательно вплетал эти идеи в свои строки в буквальном виде. Но он, безусловно, имел их в виду, поскольку именно они на бессознательном уровне водили его пером.

О чём пели индийские поэты? О любви между мужчиной и женщиной, о женской красоте, проявляющейся во всех формах любви — от возвышенной до самой чувственной, о дружбе и теплоте человеческого сердца, помогающей установить законы братства, о великолепии индийской природы с её сезонами и контрастами, о таинственных перипетиях судьбы, разлучающей человека с близкими и порой приводящей его совсем не к тем результатам, которых он ожидал, о жизненном пути человека, о страданиях и сострадании, которое нужно проявить к ближнему. В XIX и особенно в XX столетии, когда для индийских интеллектуалов и духовных искателей открылся огромный мир западной культуры, тематика их стихотворений расширилась. Они стали писать и о политике (как Тагор), и об истории (как Аурубиндо Гхош), и о понятиях и образах, относящихся к другим религиозным традициям (как Икбал), и о красоте вечерних городов Индии (как у Сароджини Найду), и о Сталинградской битве (как Субхаш Мукхопадхьяй). Читая эти стихи, можно видеть, как растёт художественное мастерство индийских поэтов, как они уверенно осваивают и темы, и стихотворную технику, присущие европейской поэзии, и как они удивительным образом сохраняют национальное своеобразие.

Надеюсь, что современный читатель с интересом прочтёт переводы и переложения индийской поэзии — самой древней в мире, насчитывающей 35 веков исторического существования. Всегда приятно прикоснуться к своим истокам.

III. ПОЧЕМУ НУЖНО ПЕРЕВОДИТЬ «БХАГАВАДГИТУ» РУССКОЙ МЕТРИКОЙ

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «БХАГАВАДГИТА»?

«Бхагавадгита» — это часть «Великого сказания о потомках Бхараты», или знаменитой «Махабхараты», огромного древнего эпоса, состоящего из 100 000 четверостиший. «Махабхарата», по мнению петербургского индолога, основного её переводчика на русский язык, поэта и автора интересного исследования о репрессированных отечественных востоковедах Я. В. Василькова большинство исследователей в настоящее время типологически определяют, в соответствии с классической формулировкой П. А. Гринцера, как «зрелый героический эпос, отчасти трансформировавшийся в религиозно-философскую, дидактическую эпопею». Учёный подчеркивает, что «культурное пространство «Махабхараты»,

исторически многослойно» и сочетает архаическую, героическую и постклассическую стадии в своём развитии. Есть все основания полагать, что это в полной мере относится и к «Бхагавадгите».

«Махабхарата» — самый крупный древний текст Индии. В этом сказании можно найти любые жанры — гимны, легенды, притчи, плачи, диалоги, мифы о создании вселенной, политические мысли. Текст огромен: он вдвое превышает объём «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых, а по количеству духовно-психологических терминов, относящихся к внутреннему миру человека, «Гита» превосходит упомянутые античные тексты в десятки раз. «Бхагавадгита» считается главной религиозной книгой Индии, заключающей в себе всю мудрость Вед и Упанишад (её возводят к традиции Веданты и называют «Гитой-Упанишадой»). В ней говорится, что этот текст содержит в себе всё, что есть на белом свете. Считается, что одно чтение «Гиты» может спасти душу человека от плохой кармы и грехов. В Индии «Гиту» читают везде и всегда — в храмах, на праздниках, в народных театрах. Востоковеды выдвигают разные даты создания «Бхагавадгиты», но большинство говорят о конце первого тысячелетия до н. э.

ПЕРЕВОДЫ «БХАГАВАДГИТЫ»

«Гиту» переводят во всём мире. На сегодняшний момент насчитывается не менее 2 000 различных вариантов перевода «Гиты» на разные языки мира. Переводят её и в России. Первый перевод был сделан ещё в XVIII веке А. А. Петровым в типографии известного просветителя Н. И. Новикова. Нужно назвать переводы В. И. Тихвинского и Ю. М. Густякова, О. Н. Ерченкова, В. Г. Эрмана, С. М. Неаполитанского, А. П. Казначеевой, Д. В. Бурбы. Наиболее точными считаются три перевода — А. А. Каменской и И. В. Манциарли, Б. Л. Смирнова и В. С. Семенцова. Недавно свой перевод священного текста сделал известный рок-музыкант Б. Б. Гребенщиков, давно интересующийся Востоком.

Несмотря на то что тема «Гиты» изучена и вдоль и поперёк в самой Индии (на протяжении многих веков к ней давали комментарии самые разные мудрецы и философы прошлого, о ней писали Рамануджа, и Вивекананда, и Махатама Ганди, и Ауробиндо Гхош, и Сарвепалли Радхакришнан), во всём мире и в России индологи продолжают писать об этом произведении и находят в нём всё новые грани. В современном востоковедении о «Бхагавадгите» интересно

писали Г. М. Бонгард-Левин, Е. А. Торчинов и С. Д. Серебряный.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ГИТЫ»?

Некоторые люди, знакомившиеся с переводами, высказывали недоумение — зачем делать художественный перевод «Бхагавадгиты» русскими размерами, когда есть целый ряд достойных академических и потому более точных переводов?

Другие (а это учёные и любители-эзотерики) опасаются художественных переводов этой «Библии индуизма», как окрестили «Гиту» на Западе, из неких цеховых соображений. Профессиональные востоковеды полагают, что любой художественный перевод будет уступать академическому по точности. Эзотерики, привязанные к тому или иному переводу, считают его единственно правильным «каналом» передачи смыслов и уверены, что стихи понизят вибрации по сравнению с прозаическим вариантом перевода. Логике учёных понимаю, но хотел бы ответить им переиначенными строками Маяковского: пусть будет больше переводов «Гиты» — хороших и разных. Да, художественное переложение всегда менее точно, нежели академический пе-

ревод, но у него другая задача — передать дух и красоту подлинника. И оно, художественное переложение, передаёт красоту иногда ярче, нежели благородный академический перевод, который нередко способны прочесть не более чем несколько десятков специалистов. Но если читатели увлекутся художественным переложением, они наверняка захотят погрузиться и в академическое издание, которое, может быть, быстрее приведёт их к первоисточнику. Что касается скептиков от эзотерики, то их претензии чаще носят вкусовой и не очень серьёзный характер: их аргументы не способны поколебать красоту поэзии, которая говорит сама за себя.

Выскажу свои соображения, которые объясняют логику моего отца — поэта и переводчика Ю. М. Ключникова, взявшегося за это непростое и не очень благодарное занятие.

1. На самом деле, академических переводов, сделанных востоковедами и знатоками санскрита, всего несколько. Многие из них вышли достаточно давно и не переиздаются или переиздаются настолько малыми тиражами, что стали библиографической редкостью. Всё, чем приходится довольствоваться современному читателю, — это искать переводы в интернете. Но в интернете есть далеко не всё. Люди забыва-

ют, что в истории человеческой культуры была «Бхагавадгита». Сам факт обращения хорошего поэта к текстам «Гиты» уже несёт в себе положительный заряд: кто-то, прочитав художественный перевод, вспоминает о великом источнике, начинает интересоваться этой священной книгой, искать её и в конце концов находит те же академические переводы. Академический перевод священного текста, тем более такого непростого, перегруженного архаическими терминами, именами, для современного человека, привыкшего к упрощённому чтению, сложен. Если даже советская поэзия и литература нередко воспринимается современными любителями читать всё на гаджетах как нечто устаревшее, то что можно сказать о древних текстах иной культуры с их непонятными именами и терминами? Есть риск навсегда утратить это мировое сокровище. Потому поэтический перевод «Гиты» (при условии, что он качественно сделан) является одновременно и популяризацией восточной культуры, и её необходимой адаптацией к современному восприятию.

2. Что касается чисто поэтических переводов «Гиты» с русскими размерами и рифмами, существует только один полноценный перевод, или, правильнее говорить, переложение, сделанное

С. И. Липкиным и опубликованное в Библиотеке всемирной литературы. Больше никто взяться за такую задачу не решался, хотя в русской литературе и культуре к этой теме подходили и К. Бальмонт, и Ю. Балтрушайтис. Потому сам по себе такой перевод интересен как художественный феномен и как эксперимент: способен ли по-настоящему зазвучать поэтической мелодией сложный философский текст, если его переложить на нашу метрику. С моей точки зрения, вполне способен, в чём можно убедиться, прочитав перевод. «Божественной песнью» «Гита» называлась потому, что её стихи написаны в традиционной индийской метрике, которую обычно поют, причём цитирование текста нараспев считалось ритуальным актом. Благодаря своей песенной природе перевод «Гиты» как песни, с помощью русских стихов, позволяет извлечь из неё те глубинные смыслы, которые не столь очевидны при прозаических научных переводах.

3. Сама попытка сделать переложение священных текстов в русской традиции восходит к Пушкину, попытавшегося передать возвышенный дух исламского откровения в своём знаменитом «Подражании Корану», восхищавшему образованных мусульман своей поэтической точностью. А ведь Пушкин не знал древних

восточных языков! Это подтверждает мысль, согласно которой крупному поэту, владеющему языком красоты, не может помешать незнание иностранных языков, даже если стихи будут переводиться по подстрочникам: мастер слова всё равно пробьётся к глубинному смыслу и подлинной красоте первоисточника. Кстати, нечто подобное уже происходило в творческой судьбе Ю. М. Ключникова, когда он, не владея языком иероглифов, по подстрочникам переводил китайскую поэзию. Известный китаевед, доктор исторических наук З. Г. Лапина в предисловии к книге Ю. М. Ключникова «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» писала о переводах следующее: «Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка... Поэт проник в тайны китайской души и показал всем нам, что эта душа созвучна русской... На крыльях “шестого чувства” поэт преодолевает языковые и культурные барьеры и проникает в глубину и суть поэзии, <...> пробивается сквозь сложнейшую «китайскую грамоту» иероглифов... Наконец-то у русского читателя появилась книга, позволяющая ему получить такое же наслаждение от музыки и красоты китайского стиха, какое доступно самим китайцам».

Позволим предположить, что в случае с переводом «Бхагавадгиты», с текстами которой Ю. М. Ключников познакомился ещё 40 с лишним лет назад и которую всё время перечитывал, работает похожая закономерность.

4. «Гиту» необходимо переводить на русский язык, потому что санскрит, на котором она создана, и русский язык относятся к общей индоевропейской культурной традиции и поэтому, как уже говорилось, имеют глубокие созвучия. Не зря люди, увлечённые востоком, называют русский язык «санскритом шестой расы». Глубинное созвучие индийской и русской культуры, единые арийские корни, общность древней истории — всё это делает перевод священной книги Индии ещё более актуальной задачей.

5. Ещё один довод вытекает из предыдущего. Никто не отменял фактора, с некоторым пафосом называемого в советское время дружбой народов. Тем более что Россия и Индия — это страны, не имевшие между собой за несколько тысячелетий никаких конфликтов и тянувшиеся друг к другу психологически и культурно. Жители Ариаварты — и простые люди, и интеллигенция, и государство ценят любой знак внимания к индийской культуре и относятся с большим

вниманием к таким событиям, как появление «Бхагавадгиты» в русском переводе. С другой стороны, любые выпады против «Бхагавадгиты», от кого бы они ни исходили, вызывают в Индии болезненную реакцию. Так было, когда томская прокуратура инициировала процесс признания книги (речь идёт о кришнаитском варианте перевода с комментариями Прапхупады) экстремистским материалом: в Индии проходили даже демонстрации со сжиганием российского триколора. Потому нужно повышать культуру в стране, чтобы подобных инцидентов не было. А для этого необходимо поддерживать любые качественные переводы этого священного текста.

6. Нужно делать художественные переводы «Бхагавадгиты» ещё и потому, что книга является не только религиозным, но и литературным памятником. Даже самый строгий научный перевод строк «Гиты» со сложными комментариями не может воспрепятствовать излучению красоты, пробивающейся через индийские религиозные термины и возвышенные понятия. «Гита» прекрасна, как солнечный священный текст и диалог божества с человеком, и должна восприниматься как источник, дарующий человеку и эстетическое

наслаждение. Но что, кроме поэтического перевода, позволит это сделать?

Автор переложений стремится, чтобы современному читателю было интересно погружаться в стихию великих книг минувшего. Литературный критик В. Д. Лютый так охарактеризовал эту особенность творческого метода Ю. М. Ключникова, проявившуюся в его художественных переводах и переложениях: «Переложения Ключникова совсем не кажутся “непозволительными вольностями” версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника.

В стихотворном переложении Ключникова “Бхагавадгита” обретает ясность языка и зримую последовательность смысловых формул и нравственных оценок. В предисловии переводчик совершенно справедливо сослался на более легкое восприятие читателем древнего произведения, преобразованного в поэтический текст. Оставляя в неприкосновенности многие важные детали оригинала, Юрий Ключников освобождает слог повествования от громоздких речевых конструкций. Притом не склоняя переложение к осовремененной версии первоисточника.

Замечательно, что движение мысли, пронизанной токами правды, справедливости, чувства рода и пониманием места человека на земле и в иерархии высших метафизических ценностей, отличается прозрачностью и последовательностью внятных умозаключений. При этом фабульная сторона произведения никак не соперничает с духовной, но становится её фоном, своего рода физической “рамкой” для рисунка неосязаемыми, но невероятно весомыми для жизни человека красками.

Этот поэтический текст хочется читать не из потребности расширить собственный кругозор, но просто потому, что он написан увлекательно. Сложное здесь дано очень ясно, нет нагромождения сентенций, к которым читатель априори должен относиться с некоторым уважением или пиететом. Подобной чистоты слога стремится достичь любой переводчик в своем переложении оригинала на другой язык, но всякий раз сталкивается с трудностью соединения умозрительного — и осязаемого, материального. В переводе Ключникова эта художественная проблема волшебным образом удалена из соприкосновения читателя с великим сюжетом».

7. Нужно делать художественный перевод «Гиты» ещё и потому, что книгу воспевали луч-

шие поэты, писатели, философы, деятели культуры всего мира — физики Альберт Эйнштейн и Дэвид Бом, мыслители Гердер, Гегель, Шопенгауэр, Рассел, Альберт Швейцер, Карл-Густав Юнг, художники князь Алексей Дмитриевич Салтыков, Василий Верещагин, Николай и Святослав Рерихи, политики Махатма Ганди, Неру, поэты и писатели Гёте, Шелли, Вордсворт, Гейне, Уитмен, Торо, Эмерсон, Гессе, Олдос Хаксли, Николай Новиков, Лев Толстой, Бунин, Ромен Роллан, Герман Гессе, музыканты Бетховен, Джордж Харрисон, Филипп Глас, Борис Гребенщиков, который, как уже говорилось, сделал перевод священной книги Индии. Великий человек всегда поэт в душе и едва ли будет восхищаться каким-то древним текстом, если не найдёт в нём подлинную поэтическую красоту.

8. «Гиту» нужно переводить по-разному, потому что смыслы, заложенные в ней, бесконечны, и переводчики разных эпох открывают эти смыслы заново, в том числе и в поэтических строчках.

Первые переводчики «Гиты» просто стремились открыть своим переводом новую страну. Затем переводчики пытались передать западному читателю яркую восточную экзотику. Позднее пришло время осмысления священной книги на уровне строгих академических значений. Совре-

менного думающего человека может заинтересовать в «Гите» многое — сама концепция мироздания, способы познания Бога, взгляд древних на состав человека, фундаментальные законы бытия, глубинные проблемы психологии и этики (проблема «светотени» во внутреннем мире и поступках), типология человека, искусство сочетания созерцания и действия, принципы воинской философии. «Гиту» можно считать выдающимся текстом древней философско-психологической антропологии: уже говорились, что по количеству терминов психологического характера она в десятки раз превосходит древнегреческие «Илиаду» и «Одиссею». Она включает в себя множество аспектов бытия, в том числе такие категории, как философия мира с организацией жизни и внутреннего сознания человека и философию войны. В этом, последнем своём качестве древнеиндийский памятник «Бхагавадгита» несколько не уступает знаменитому древнекитайскому трактату «Сунь-цзы» («Искусство войны»), который изучают в военных академиях всего мира.

ПОПЫТКА СИЛ ТЬМЫ ОБОСНОВАТЬ СВОИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФИЛОСОФИЕЙ «ГИТЫ»

При всей своей нравственной определённости и незыблемой духовной вертикали текст

«Гиты» неожиданен и парадоксален: в зависимости от своей природы человек способен вычитать в ней всё, что угодно. Так «Гитой» восхищался индийский националист-радикал, убивший Махатму Ганди, Натхурам Винаяк Годзе. И фашисты пытались найти в ней (абсолютно безуспешно) созвучие со своей античеловеческой философией (Савитри Деви и даже Гиммлер). А создатель атомной бомбы Роберт Оппенгеймер, наблюдая за взрывом своего создания, признался, что в этот момент вспомнил шлоки из «Бхагавадгиты»: «Если бы на небе разом возшли сотни тысяч солнц, их свет мог бы сравниться с сиянием, исходящим от Верховного Господа...» (Гита, 11.12) и «Я — Смерть, великий разрушитель миров» (Гита, 11.32). Понятно, что такая попытка прикрыть свою античеловеческую деятельность покрывалом высочайшей философии прошлого выглядит нелепо и не может повредить духовным вершинам «Бхагавадгиты» (в точности так же, как Фридрих Ницше не может отвечать за фашизм), но сама попытка тьмы вырядиться в одежды света весьма показательна.

Духовные искатели найдут в «Гите» методы созерцания и духовные практики, открывающие в человеке сверхсознание, а люди культуры по-

черпнут в ней крупницы мудрости, позволяющие более глубоко осмыслить свой жизненный путь.

ЕЩЁ РАЗ О ТОМ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «БХАГАВАДГИТА»?

Как писал об Индии востоковед С. В. Пахомов, Индию в течение многих веков принято рассматривать как «своеобразный духовный материк, необъятный край практических средств по самопреобразованию». Главная духовная книга Индии — «Бхагавадгита» — это и свод этических предписаний, и учебник мудрости, и краткая энциклопедия духовных практик, имеющих общечеловеческое значение, в ней можно найти перекличку со священными книгами любых высоких традиций, даже таких, как православное христианство и исихазм. По жанру и сути она представляет собой высокую философскую беседу, которая происходит между почитаемым в Индии божеством Кришной и его учеником Арджуной, царевичем, принадлежащим к древнему роду и готовящемуся к великой битве на легендарном поле Куру между родами Пандавов и Кауравов. В ответ на сомнения, поразившие душу Арджуны, Кришна призывает его к выполнению своего долга, объясняя ему,

что смертно только тело, но душа бессмертна, и убитый в справедливом сражении за родину попадает на небо. Тело и жизнь временны, а душа бессмертна, и при выборе между земным и духовным, вечностью, нужно всегда выбирать духовное. Защита родины — это священный долг человека, и нужно ему следовать, поскольку Кришна тоже участвует в битве и сам следует долгу, а иначе мир бы погиб. Попутно Кришна даёт картину мироздания с его незыблемыми законами и объясняет своему ученику, как нужно существовать в этой вселенной.

«БХАГАВАДГИТА» КАК ВОИНСКИЙ ГИМН

«Бхагавадгита» — это своего рода развёрнутый кшатрийский воинский гимн, блестяще обоснованный с помощью развёрнутой метафизики. Этот гимн призывает не только на битву с противником, несправедливо вторгнувшимся на его исконные земли, но и зовёт человека вступить в бой со своими собственными недостатками и пороками. Делая своё стихотворное переложение, Ю. М. Ключников старался передать этот воинский дух текста, используя богатейшие возможности русского поэтического языка. Надеемся, что читатель, подходящий к изучению

С. Ю. Ключников. *Индийская поэзия глазами Ю. М. Ключникова*

«Бхагавадгиты», уловит этот дух в предлагаемом переводе и, может быть, научится воспринимать жизнь как величайшую увлекательную битву с несовершенством мира и самого себя, в которой каждый шаг может быть прологом к победе духа.

Сергей Ключников,
кандидат философских наук,
академик РАН, писатель

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальмонт К. Асвагоша. Жизнь Будды. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.
2. Бенгальская поэзия. Пер. с бенгал. Сост, вступит. ст. и примеч. В. А. Новиковой. Пер. под ред. В. И. Балина и В. С. Шефнера. — М.-Л.: Гослитиздат, 1959.
3. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. — М.: Наука, 1980.
4. Бурба Д. В. Зеркало русского индуизма. Известный Лев Толстой. — Киев: София, 2006.
5. Бурба Д. В. Тирукурал. Священная книга тамильской мудрости. — М.: Рипол-Классик, 2014.
6. Бурба Д. В. Толстой и Индия. Прикосновение к сокровенному. — СПб.: Фэн-шуй центр, 2000.
7. Бурба Д. В. Махатма Лев Толстой. — М.: Эксмо, 2013.
8. Бхагавад-Гита и её комментаторы. //В мире книг. Ежемесячный журнал Государственных комитетов СССР и РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. — М.: Книга, 1987.
9. Васильков В. Я. Мифы Древней Индии. // Индия 1980. Ежегодник. — М., 1982. С. 281—296.

Список литературы

10. Васильков В. Я. Элементы устно-поэтической техники в «Махабхарате». // Литература Индии. Статьи и сообщения. — М., 1973. С. 3—23.
11. Васильков Я. В. «Махабхарата» и индийская практика паломничества в свете новых эпиграфических данных. // Зографский сборник. Вып. 2. — СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 157—197
12. Васильков Я. В., Невелева С. Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты»). // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. — М., 1988. С. 152—175.
13. Галиб, Мирза. Лирика. — М.: 1969.
14. Гринцер П. А. Древнеиндийский Эпос. Генезис и типология. — М.: Наука, 1974.
15. Гринцер П. А. Избранные произведения. Т. 1. Древнеиндийская литература. — М.: РГГУ, 2008.
16. Гринцер П. А. Избранные произведения. Т.2. Сравнительное литературоведение и санскритская поэтика. — М.: РГГУ, 2013.
17. Гринцер П. А. Тайный язык «Ригведы». — М.: РГГУ, 1998.
18. Дехлеви, Амир Хосров. Восемь райских садов. Поэма. — М.: 1975.
19. Индийская поэзия XX века. Т. 1—2. — М.: Художественная литература, 1990.
20. Индия говорит. Стихи индийских поэтов. — М., 1954.
21. Индуизм: йога, тантризм, кришнаизм. Карманный словарь. — СПб.: Амфора, 2002.

22. Калидаса. Избранное. Драмы и поэмы. — М., 1956.
23. Классическая драма древней Индии. — Л.: Художественная литература, 1984.
24. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М.: Художественная литература, 1977.
25. Лунин Б. Н. История индийской культуры. — М., 1960.
26. Махабхарата. Книга XIV. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. — СПб.: Наука, 2016.
27. Махабхарата. Книги XV—XVIII. — СПб.: Наука, 2016.
28. Молнии и лотосы. Индийская лирика XX века в переводах С. Северцева. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1975.
29. Ненасильственная борьба за мир без насилия схимса в индийской традиции и в учении М. К. Ганди // Пацифизм в истории идеи и движения мира. — М., 1998.
30. Пахомов С. В. Аспекты эзотеризма. // Метафизические исследования, № 8. — СПб., 1998. С. 89—107.
31. Рамаяна. В 7 кн. Кн. 1-2. Балаканда (Книга о детстве). Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / Пер. П. А. Гринцера. (Серия «Литературные памятники»). М.: Ладомир, 2006.
32. Рыбаков Р. Б. Индия. 33 незабываемые встречи. — М.: Алгоритм, 2014.

Список литературы

33. Рыбаков Р. Б. Индуизм в эпоху перемен. // Индуизм и современность. — М., 1994.
34. Свами Вивекананда. // Сарасвати. Вестник Общества Вивекананды. I. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», в России и СССР — итоги и перспективы. // Древние культуры Средней Азии и Индии. — Л.: Наука, 1984.
35. Сенкевич А. Н. Баччан: эк въякхъя (Баччан: комментарий к творчеству). — Дели, 1983
36. Сенкевич А. Н. Будда. — М.: Молодая Гвардия, 2018.
37. Сенкевич А. Н. Древняя и молодая. Проблемы и образы современной индийской литературы. — М.: Знание, 1987.
38. Сенкевич А. Н. Общество. Культура. Поэзия (Поэзия хинди периода независимости). — М.: Наука, 1989.
39. Сенкевич А. Н. Самкалин хинди сахитъя (Современная хиндиязычная литература). — Дели, 1984
40. Сенкевич А. Н. Хариванш Рай Баччан. — М.: Наука, 1979.
41. Серебряков И. Д. Литературный процесс в Индии (VII-XIII вв.). М., 1979
42. Серебряный С. Д. «Махабхарата», книга шестая («Бхишма-парва»), глава первая: опыт перевода и комментарии // Русская антропологическая школа: труды. Вып. 6. / РГГУ, Ин-т «Русская антропологическая школа». — М.: РГГУ, 2009. С. 465—500.

43. Серебряный С. Д. Авторская индивидуальность в санскритской поэме-«подражании» («Облако-вестник» Калидасы и «Ветер-вестник» Дхои) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. — М.: Наследие, 1994. С.171—219.
44. Серебряный С. Д. К анализу понятия «индийская литература» // Литература и культура древней и средневековой Индии: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т востоковедения; [отв. ред. Г. А. Зограф]. — М.: Наука, 1987. С. 228—266.
45. Серебряный С. Д. Видьяпати. — М.:Наука, 1980.
46. Серебряный С. Д. Чарья-гити — поэтический жанр в литературах Индии и Центральной Азии. // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. — М.:Наука, 1985. С. 145—155.
47. Суворова А. А. Индийская любовная поэма (маснави). — М.: Наука, Восточная литература, 1992.
48. Чельшев Е. П. Современная индийская литература. — М.: Художественная литература, 1981.
49. Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. — М.: Наука, 1980.

Переводы Бхагавадгиты:

1. Перевод Бурбы Д. В. — М.: РИПОЛ классик, 2009.
2. Перевод Гребенщикова Б. Б. — М.: АСТ, 2020.
3. Перевод Каменской А. А. и Манциарли И. В. — Вестник теософии, 1914

Список литературы

4. Перевод Липкина С. И. — М.: 1974.
5. Перевод Неаполитанского С. М. — М.: Амрита, 2012.
6. Перевод Семенцова В. С. — М.: Наука, 1985.
7. Перевод Смирнова Б. Л. — Ашхабад: АН ТССР, 1956.
8. Перевод (стихотворный) Тихвинского В. И. и Густякова Ю. М. — М., 2011.

Переводы Тируккурала

1. Тирукурал. Книга о добродетели, о политике и о любви. / Пер. с тамильского Ю. Глазова и А. Кришнамурти. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
2. Тируваллувар. Тирукурал. Праведность. Мудрость. Любовь. Избранные афоризмы. / Пер. А. Ибрагимова. — М.: Художественная литература, 1974.
3. Тируваллувар. Тируккурал. / Пер. В.П. Фурники. — М.: Центр по изучению индийской культуры «Васанта», 1990.
4. Тируккурал. Священная книга тамильской мудрости. / Пер. Д. В. Бурбы. — М., 2015.

При подготовке данного сборника использовались стихи и подстрочные переводы из книг:

1. Бхагавадгита. Перевод В. С. Семенцова. — М., 1985.
2. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М., 1977

3. Индийская поэзия XX века. Т. 1—2. — М., 1990
4. Индия говорит. Стихи индийских поэтов. Второе издание. — М., 1954.
5. Сенкевич А. Н. Хариванш Рай Баччан. — М., 1979.
6. Мирза Галиб. Лирика. — М., 1969
7. Молнии и лотосы. Индийская лирика XX века в переводах С. Северцева. — М., 1975.
8. Тируваллувар. Тирукурал. Праведность. Мудрость. Любовь. Избранные афоризмы. / Пер. А. Ибрагимова. — М., 1974.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ О Ю. М. КЛЮЧНИКОВЕ

Юрий Михайлович Ключников — известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 24 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской Академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой витязь», родился в рабочей семье 24 декабря 1930 года в городе Лебедин (Восточная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. В 1941 году вместе с родителями был эвакуирован: вначале — в Саратовскую область, а в 1942 году — в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Новосибирске.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 году был обвинен в идеализме и богоискательстве и после трехлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем 6 лет трудился грузчиком на хлебзаводе. В годы перестройки из-

Приложение

давал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожин, Ю. Селезнев, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихонос, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, В. Костин, М. Бушуева, Г. Красников, С. Дмитриев.

Работник тыла: Юрий Ключников во время войны в 13-летнем возрасте несколько месяцев трудился в качестве ученика токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе Ленинске-Кузнецкий. Путешественник. Совершил ряд экспедиций по высокогорным районам Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4000 метров.

Интернет-страницы Ю. Ключникова:

<http://korni.kluchnikov.ru/>

<http://www.stihi.ru/avtor/kluchnikov>

<http://www.rospisatel.ru/Klyuchnikov-stihi.htm>

С 1990 по 2019 год Ю. Ключников опубликовал более двух десятков книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России (1989)», «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная

Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004), «Стихия души: опыт постижения» (2005), «Годовые кольца» (2006), «Я в Индии искал Россию» (2009), «Лики русской культуры» (2009, 2012), «Русское окно» (2010), «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011), «Дом и дым: лирические итоги» (2013), «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014), «Душа моя, поднимем паруса!» (2015), «Откуда ты приходишь, красота?: вольные переводы французской поэзии XII—XX вв.» (2014, 2015), «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII—XX вв.» (2016), «Предчувствие весны: воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе» (2017), «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2018), «Сонеты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи. Тайна авторства: исследования» (2020).

Юрий Ключников неоднократно публиковался в таких изданиях, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», «Молоко», газеты «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Ю. М. Ключников — автор более 2000 стихотворений, Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Серебряный диплом), лауреат литературной премии им. Н. М. Гарина-Михайловского, Лауреат премии Союза писателей России (2016), Премия «Золотой Дельвиг» — 2015 (сборник стихов) — шорт-лист «Большой

Приложение

шая литературная премия России» (2016) — шорт-лист. Герой документального фильма «Белый остров» (режиссер В. Тихонов), награжденного специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». Женат (жена — художница, руководитель региональной общественной организации «Русский клуб»), сын Сергей (психолог, философ, писатель, издатель) и дочь Марина. Живёт и работает в Новосибирске.

BIOGRAPHY

Yuri Klyuchnikov is a Russian poet, essayist, philosopher, translator, traveller, author of 24 books of poetry, prose, an academic of Petrovsky Academy of Sciences, a member of the Union of Writers and the Union of Journalists of Russia and a prizewinner of the Slavonic Literature Festival “Golden Knight”. He was born in a workers’ family on December 10, 1930 in a small town of Lebedin in Eastern Ukraine. At the beginning of the Great Patriotic War his family was evacuated to Siberia. At the age of 13 he worked in the rear as a turner’s apprentice at the factory “Red October”. Since 1942 he has been living in Novosibirsk.

After graduating from the Tomsky University he worked as a teacher of Literature, a headmaster of school, a journalist and a radio reporter. He was rather successful at the beginning of his journalistic career and in 1964 during “the thaw” he was sent to the Higher School of

the Communist Party in Moscow where he studied journalism and French for 2 years. Yuri worked as a guide with tourists and professors of Sorbonne, with journalists and writers. It pushed him to study the French poetry which he found fascinating and absorbing. Especially he was deeply interested in the poets unknown to the Russian readers. Several years later he translated 250 poems of 57 French poets of the XII—XX centuries into Russian and published a book of translations named “Where does the Beauty Come From?”

Thanks to the access to the special funds of the Lenin Library he managed to familiarize with philosophic and religious sources of the world literature which were not available to ordinary people and it surely had a great influence on the views of the future poet. Still loyal to the socialist ideas, Yuri saw the hopelessness of the cruel soviet atheism. In 1966 he came back to Novosibirsk where he started working as a chief editor of the local radio and Western-Siberian studio of documentaries. Besides, he started the project of publishing eastern literature in the Siberian Department of the Publishing House “Science” attached to the Russian Academy of Sciences.

In the end of the 1970s Klyuchnikov started searching religious meaning in our life by studying eastern philosophy and Roerich’s theory. Then he willingly participated in signing the letter addressed to the Central committee of the Communist party of the Soviet Union stating that there was an urgent need to reconstruct and review the concepts of Marxism. It caused a big scandal

with 70 meetings and demands to plead guilty in trying to shutter the pillars of the Soviet regime.

Klyuchnikov refused to change his views and therefore was announced ideologically wrong to stay in the Party and work for the Publishing House. So he was fired with no right to work in this field. Now he worked as a loader and a rigger at the factories. He wrote poetry but it was not published.

In the years of “perestroika” he edited books on the spiritual culture of the East, West and Russia. He was published in lots of solid literary magazines. It happened because he was seriously involved in investigating Eastern philosophy, arts and spiritual practices. He made 6 trips to India and 2 trips to Nepal, participated in the expeditions to the mountains in Nepal, India and Altai, climbed to the top of 4000 metres, and he visited ashrams, met wise and saint people who are included in the number of 108 mahatmas being in charge of the spiritual processes in India. As a result of these trips he wrote a book named “I Was Looking for Russia In India: Travelling around Ariavarta”. During a long time he was studying the Indian, Chinese and Persian poetry, composed some imitation poems, made free translations of the Sufi poets of the VIII—XX centuries and edited a book called: “Caravan of Eternity”. The book was exhibited at the International Book Fair in Iran and Yuri became a prizewinner of the literature reward in the nomination of “artistic translation”.

Klyuchnikov’s first experience in writing poetry

happened at the age of 12 when he attended the literary club and was published in the local media in Kuznetsk. Then he worked as a journalist, wrote articles, plays and stories. His writings were not published but were popular with radio listeners. His first serious success came in 1982 when a famous magazine “Moscow” published just one poem, then he was acknowledged by famous writers and journalists: Astafiev, Solntsev who were very positive about his poetry and selected some of his poems to enter the collection of verses. Klyuchnikov got married and had two children. His wife is an artist and runs the local “Russian Club”, his son Sergei is a psychologist, philosopher, writer and editor and his daughter Marina is a journalist. She lives and works in Novosibirsk.

Since 1990 Yuri Klyuchnikov has published 24 books of poetry, prose and articles: “About the Mission of Russia” (1989), “Good news of the Good Epoch” (1991), “Mystical Pushkin” (1992), “To Beloukha” (1992), “Icons” (1993), “Heavenly Russia” (1994), “The White Island” (2000), “The Poet and the Fairy. Esoteric Fairy Story about the Travellings of the Soul in Visible and Invisible Worlds” (2004), “Powers of the Soul: Experience in Mastering” (2005), “Annual Rings” (2006), “I Was Looking for Russia in India” (2009), “Images of the Russian Culture” (2009, 2012), “The Russian Window” (2010), “The Autumn Pray. A Lyrical Diary” (2011), “Home and Smoke. Lyrical Conclusions” (2013), “The Music of Words and Colours. Heavenly Russia” (2014), “Where

does Beauty Come from?” (2015), “My Soul, Let’s raise the Sails!” (2015), a collection of free translations of the Sufi poetry of the VIII—XX centuries “Caravan of Eternity” (2016), “Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny” (2017), “Celestial chrysanthemum: 30 centuries of Chinese poetry” (2018), “My soul, Let’s raise the Sails! Favorites” (2020), “Shakespeare’s Sonnets and Poems. Poetry of the Shakespearean era” (2020), “The Word of Ariavarta: 35 Centuries of Indian Poetry” (2021).

His poems and prose were published in very prestigious magazines, such as: “Our Contemporaries”, “Siberian Lights”, “Literary Studies”, “Moscow Parnassus”, “Pushkin Almanac”, “Science and Religion”, newspapers “Tomorrow”, “Day of Literature”, “Soviet Russia”. He is the prizewinner of the forum “Golden Knight”, the hero of the documentary film “White Island” (director Tikhonov), besides he was awarded a special diploma “For the Philosophical and Poetical Search” at the international festival “Golden Knight”.

Poetry and journalism were highly evaluated by well-known literary men of various directions, writers and poets such as: V. Astafiev, V. Soloukhin, V. Kozhinov, Y. Seleznev, V. Sidorov, E. Evtushenko, V. Likhonosov, A. Prokhanov, V. Bondarenko, L. Anninsky, V. Smirnov, G. Ivanov, V. Kalougin, E. Balashov, A. Parpara, S. Zolotsev, V. Kurbatov, L. Hanbekov, Y. Linnik, V. Kostin, S. Dmitryev, M. Bushueva.

The author is a 90 year old poet — Yuri Klyuchnikov,

Об авторе

is one of the best masters of verses, who went through dramatic collisions and spiritual searches, and he tells us about his achievements and losses, his merits and demerits. His book reflects the atmosphere of the gone epoch, speculates about modern life, Russian history, poets and poetry. The author illustrates his comments with poems, dialogues with his son, documents and it makes the narration convincing and absorbing. The book starts with a “note” that opened his case when he insisted on reviewing the basics of the Communist party, and it is full of documentary evidences of the party meetings, conflicts and discussions about his life and future career.

Any person who is interested in the history of our country, in the reasons for the splitting of the Soviet Union is surely to fall in love with this book.

ОТЗЫВЫ
О ПЕРЕВОДЕ «БХАГАВАДГИТЫ»
Ю. М. КЛЮЧНИКОВА И КНИГЕ
«СЛОВО АРИАВАРТЫ: 35 ВЕКОВ
ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ»

А. В. МАНТЫЦКИЙ, в 2005-2010 года
генеральный консул в Мумбаи (Индия), в 2014—
2020 годах — чрезвычайный и полномочный
посол России в Афганистане:

Я приветствую поэтический перевод «Бхагавадгиты», сделанный российским поэтом Юрием Михайловичем Ключниковым. За годы моего пребывания в Индии (а я провёл в этой замечательной стране 9 лет) я не один раз мог убедиться, насколько индийцы трепетно относятся к своим священным книгам. Мне много раз приходилось бывать на индийских праздниках и фестивалях, где «Божественная песнь», так же как и «Рамаяна», исполнялась артистами, и я видел, с каким трепетом индийцы слушают это произведение, которое для них значимо, как для нас Библия. Безусловно, для индийцев важен сам факт обращения российских литераторов и деятелей культуры к их сакральным книгам, и они почитают как академические и точные переводы, сделанные зарубежными учёными, так и художественные переложения, созданные поэтами.

В России не один раз пробовали перевести «Бхагавадгиту», и на мой взгляд (а я по образованию ин-

долог, закончивший Восточное отделение МГИМО), это один из самых удачных художественных переводов древнеиндийского религиозно-философского памятника, причём «Гита» переложена довольно точно. Язык красоты доходит до человеческого сердца порою быстрее, чем язык ума. Литературный перевод «Бхагавадгиты» в исполнении Ю. М. Ключникова безусловно даст возможность широкому кругу российских читателей ознакомиться с великим произведением, которое сейчас знает и изучает лишь узкий круг специалистов. В случае дальнейшей заинтересованности «Гитой» читатели могут перейти к более сложному академическому изданию произведения.

Новый перевод «Бхагавадгиты» — это важный шаг для культурного сотрудничества наших братских народов, который, уверен, высоко оценят и в Индии, и в России.

**Н. Р. КУДАШЕВ, чрезвычайный и полномочный
посол РФ в Республике Индия:**

«Бхагавадгита» — самая почитаемая книга Индии на протяжении тысячелетий. С её содержанием знакомы практически все грамотные индийцы, ведь помимо её книжных изданий, «Гиту» постоянно слушают на разных религиозных праздниках, фестивалях, театральных представлениях. Каждый уважающий себя религиозный мыслитель Индии давнего и совсем недавнего прошлого считал своим долгом оставить комментарии к «Бхагавадгите», которая по-

стоянно издаётся и переиздаётся. Индия всегда внимательно следит за тем, как освещаются в зарубежной и, конечно, в российской прессе переводы своих священных текстов.

Индийская поэзия и духовная культура занимают немалое место в творчестве Ю. М. Ключникова. Долгие годы этот талантливый автор многих поэтических сборников, статей и эссе, писатель с разнообразными творческими интересами в мировой литературе работал на сближение культур разных народов, включая народы России и Индии.

Ещё в советское время он в течение ряда лет был заместителем председателя Общества Дружбы между СССР и Индией и вёл работу по сближению культур народов наших стран — проводил вечера дружбы, конференции, круглые столы.

Ю. М. Ключников при поддержке Посольства СССР и затем Российской Федерации шесть раз совершал длительные поездки по Индии, встречался с индийскими философами, религиозными и общественными деятелями, носителями традиционной культуры, индийскими мудрецами, святыми, результатом чего стала написанная им книга «Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте», которая была высоко оценена как в Индии, так и в России. В ходе поездок им проводились, в частности, литературно-художественные вечера русско-индийской культуры в культурном центре РФ в Дели. Помимо этого, он подготовил к изданию книгу «Слово Ари-

аварты. 35 веков индийской поэзии», которая, несомненно, вызовет интерес как в России, так и Индии, где подобные культурные акции иностранных исследователей оцениваются очень высоко.

Ю. М. Ключников вёл издательскую деятельность в России, разъясняя и популяризируя индийскую философскую мудрость, рериховское философское наследие, реализовал издание «Бхагавадгиты» в переводе А. А. Каменской и И. В. Манциарли. Позднее он сделал собственный художественный перевод «Бхагавадгиты» на русский язык, который был высоко оценен российскими индологами и литераторами. Эксперты отмечают, что перевод «Бхагавадгиты», осуществленный этим старейшим сибирским поэтом, сделан на высоком профессиональном уровне. Те, кто знает другие переводы «Бхагавадгиты» и тем более имеющие индологическое образование, отмечают, что несмотря на неакадемический, художественный характер данного перевода, смысл этого священного текста передан весьма точно, представляя собой сплав красоты стиля и точности. Не являясь специалистом по Индии, Ю. М. Ключников сумел глубоко погрузиться в глубины индийской философии, эпоса и поэзии. В результате ему удалось создать уникальный текст, свободный от обилия восточных терминов, что делает его более доступным для рядового читателя, а значит способным пробудить у него более глубокий интерес к индийской культуре, философии и духовности. Подобный подход, насколько

нам известно, приветствуется как российскими востоковедами, так и индийскими учёными, знающими русскую литературу и культуру.

Немалый вклад, высоко оцениваемый в Индии, сибирский поэт внёс в работу по культурному сближению народов России и Индии через популяризацию наследия семьи Рерихов, чем Ю. М. Ключников занимался многие годы.

Впечатляет диапазон творческих интересов Ю. М. Ключникова и масштаб проделанной им за многие годы работы в области литературы и искусства, просвещения, ознакомления российского читателя с выдающимися произведениями мировой литературы, особенно поэзии. Деятельность такого рода и объема, несомненно, вносит крупный вклад в дело культурного сотрудничества народов мира.

С. В. ПАХОМОВ, кандидат философских наук, доцент философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области религиозно-философских традиций Востока, исследователь мистико-эзотерических традиций Запада:

Книга «Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии» очень интересна не только огромным современным охватом лучших образцов индийской поэзии, но и довольно глубокими знаниями сакральных сторон восточной философии. Обычно поэты делают свои переложения, воспроизводя экзотику Востока, Ин-

дии, таинственных религиозных символов. Здесь же можно говорить о попытке проникнуть в смысловое ядро индийской философии и духовной практики, поскольку автор поэтических переложений разбирается в духовных практиках и хорошо понимает суть того, что превращает в стихотворные строки. Можно спорить о необходимости таких переложений с точки зрения строгой науки. Наверняка найдутся такие индологи, которые скажут, что в них нет необходимости, поскольку они не передают всех оттенков смысла, которые есть в оригинале и переданы академическими переводами. Я же полагаю, что пусть будут самые разные переводы священных текстов и лирики Индии. Главное, чтобы автор уважал предмет и талантливо пересказывал стихотворения, созданные представителями иной культуры. На мой взгляд, всё это в книге есть, она удалась, поскольку создана крупным поэтом, который думает не о самовыражении, а прежде всего о том, чтобы передать красоту первоисточника. Более того, книга наверняка привлечёт внимание к индийской поэзии, которая представлена как целостное явление и которая за последние десятилетия переводилась в России не так уж часто.

Д. Н. ПОПОВ, главный хранитель Музея Николая Рериха (Нью-Йорк):

Перед нами знаменитая «Бхагавадгита» — одна из главных священных книг Индии, составная часть Прастханатрайи (Три источника, Три основы).

Конечно, оценивать работу по её поэтическому переложению должны специалисты, индологи и филологи. Однако, как вдумчивый читатель индийской литературы, который изучает эту тему всю сознательную жизнь, и как человек, который сделал свой перевод этой книги с санскрита, могу сказать, что, на мой взгляд, сибирский поэт и переводчик Юрий Михайлович Ключников прекрасно справился с поставленной задачей создания поэтического перевода одного из основных памятников мировой поэзии.

Текст поэмы представлен в свободно ритмизованной форме и передан доступным литературным языком без избыточного насыщения специальной санскритской терминологией. Думается, что именно таким и должен быть поэтический перевод, встающий в один ряд с другими подобными работами, и в первую очередь, конечно, с переводом В. С. Семенцова. Несмотря на свободную форму, перевод Ю. М. Ключникова довольно точен и снабжён минимально необходимым справочным аппаратом.

Если же подходить к «Гите» как к памятнику мировой духовно-философской мысли, то её надо переводить непосредственно с языка оригинала, оставив в стороне поэтичность слога и ритма, полностью сосредоточившись на передаче смысла каждой фразы и слова на каком-то одном из возможных семантических уровней. Точно совместить эти два подхода слишком сложно, и скорее всего невозможно. Хотя, возможно, учёные и поэты ещё будут пытаться это сделать.

Отзывы о переводе «Бхагавадгиты» Ю. М. Ключникова

В любом случае, нельзя не приветствовать эту работу старейшего поэта Сибири, который всю свою жизнь глубоко изучал Восток и наследие семьи Рерихов, а в своё время издал «Бхагавадгиту» в переводе А. А. Каменской и И. В. Манциарли, дав ему своё предисловие. «Бхагавадгита» неисчерпаема по смыслу, и пусть в России будет множество её переводов, хороших и разных. Вне всякого сомнения, это всё больше сближает народы и культуры.

СОВРЕМЕННОКИ (ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВ, УЧЁНЫЕ) О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

Виктор Астафьев:

«Каким-то кружным и долгим путём до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме». (1981)

Вадим Кожинов:

«Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России». (2000)

Станислав Золотцев:

«Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет — волею недобрых сил — и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за “инакомыслие”), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остается, по существу, стезей обретения веры. Он пришел к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России, как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников». (2005)

Владимир Бондаренко:

«Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким “областным” писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооцененного в отечественной литературе, — это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием». (2007)

Сергей Гонцов:

«Когда читаешь стихи сибиряка Юрия Ключникова, невольно вспомнишь и самого колоссального Шаламова, и Александра Межирова, и Арсения Тарковского, вовсе не благодаря какому-то стилистическому родству, но по причине родства духовного... да мало ли отчего ещё... В стихотворениях Ключникова (а наш автор ещё и замечательный учёный, эссеист, сказочник, паломник-очеркист и пр., то есть, как это принято говорить сейчас, — универсальный литератор) прежде всего с удивлением и радостью обнаруживаешь отпечаток какого-то необыкновенного ландшафта, точно наяву странствуешь по Горному Алтаю или стоишь в Восточных Саянах перед могучим кедром. Возникает ощущение, что глядишь на срез яшмы или малахита, несущий разом тысячи изумительных картин. То есть тебя как бы уводят в “океанское безвластье” (Мандельштам).

Но как Шаламов изумляет вовсе не подробностями колымских широт, так и Ключников берёт читателя чемто совершенно иным. Ну да, дух простора, небесноземные скитания — всё это есть.

И тут же ловишь себя на мысли, что здесь царствует МЕРА, которую Автор и Модель (так скажем) определили друг для друга. Обыкновенно же в “сибирских стихах” эта чудесная мера просто игнорируется»... (2007)

Евгений Мартышев:

«Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова — поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения «Русский клуб». Он прожил трудную жизнь, но превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смирением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот — мир в гармонии и согласии под эгидой Зиждителя, любимое, но неласковое Отечество и... вечная, неувядающая поэзия. В ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие. И оно (его творчество) отнюдь не «глас вопиющего в пустыне». Ему благожелательно внимали столпы русской словесности: Виктор Астафьев, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Юрий Селезнев, Валентин Сидоров и др. Одна за другой в столице выходят его книги: «Стихия души»,

«Годовые кольца», публицистическая — «Лики». Растёт число поклонников его суровой Музы и в нашем городе. По воскресеньям они собираются во Дворце культуры железнодорожников, дабы послушать чеканные строки и философические размышления негнибаемого «солдата великой Империи». (2007)

Леонид Ханбеков:

«Об этой потаённости миров — тех, что есть, тех, что были, и тех, что, возможно, придут, — многие стихи Юрия Ключникова, до поры до времени бывшие как бы вне закона, вне литературного контекста, вне творческого состязания, вне пространства поэзии. Но вот пришли к читателю его книги, и стало видно, как загадки и тайны нерукотворного мира, что окружает нас, могут обрести форму народных притч и легенд, глубину философских обобщений и орнаментальность древних легенд, узорчатую красочность поэм на исторические сюжеты.

Любовь и ненависть. Созидание и небытие. Земля и Космос. Вечная тайна жизни всецело занимает его. С одинаковым упорством и жадной познания смысла жизни вопрошают Судьбу о планах Творца и русский неутомимый путешественник (бесспорное альтерэго поэта), и безмятежный ещёвчера турист, оторопевший от невиданных красот природы всего-то в сотнедругой километров от привычного жилья и прозябания, вопрошают и каменный идол в алтайских степях, и египетский сфинкс гденибудь

в древней Гизе... Строительство души, восстание её против пошлости и ханжества, против натужности и притворства — вот стержень его стихов». (2009)

Лев Аннинский:

«Юрий Ключников — замечательный сибиряк, “весёлый странник золотого века”, сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившийся ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение (“Фаворский свет”»». (2010)

Владимир Смирнов:

«Слово Юрия Ключникова — живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и все-ленского. В его стихах “дышит почва и судьба”. А это вековечный “патент на благородство”, как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет». (2011)

Валентин Курбатов:

«У нас уж лета-то вон какие, и поэтический “дневник” Юрия Ключникова (а это “дневник” зоркого, не

дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, “не уходит в запас”... Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести». (2013)

Станислав Джимбинов:

«Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке “тёмных” мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции». (2014)

Феликс Кузнецов:

«Юрий Ключников — один из самых умных и глубоких литераторов нашего времени. Я не буду говорить о его стихах, мне сподручнее говорить о публицистике и эссеистике сибирского автора. Мне очень понравилась статья Ключникова “Непонятый доктор” о Пастернаке. Поразила не только тем, каким лёгким, изящным слогом она написана, но своей глубиной и смелостью сопоставления “Тихого Дона” и

“Доктора Живаго”. Я занимаюсь Шолоховым много лет и никогда не встречал, чтобы кто-то так интересно сравнивал Григория Мелехова и Юрия Живаго. Удивительно по своей точности само определение этих двух героев своего времени как “Русских Гамлетов”, каждый из которых мечется между двумя полюсами истории! А пастернаковский перевод Гамлета Шекспира — это заход к проблеме с другой стороны. Юрий Ключников пишет: “Пастернак восстановил облик подлинного Гамлета в своём великолепном переводе знаменитой пьесы Шекспира. И собственным поведением оправдал в русском интеллигенте то, что принимается за слабость”. Обоих героев, при всей их разности действительно объединяла “страстность в желании через все противоречия эпохи дойти до сути, даже ценой собственной гибели”. Автор “Ликов русской культуры” убедил меня в том, что мы раз и навсегда должны сказать, что Пастернак — глубоко русский поэт прежде всего потому, что он очень этого хотел». (2014)

Ксения Мяло:

«В России всё ещё появляются — хочется думать, будут появляться и впредь, находя своего читателя, — всё новые и новые переводы, давно уже, казалось бы, переведённых строк. Очередным подтверждение этому можно считать выпущенную в 2015 году издательством “Беловодье” уникальную книгу ныне живущего русского поэта Ю. М. Ключникова, в за-

главие которой вынесена строка из Шарля Бодлера “Откуда ты приходишь, красота?”, а подзаголовок поясняет: “Вольные переводы французской поэзии XII–XX веков”. Уже одно это останавливает внимание — как по масштабу охваченного времени (шутка сказать — почти целое тысячелетие жизни одной из самых богатых частей поэтического наследия Европы!), так и потому, что не столь уж часто переводчики сразу же, как говорится, с порога, сообщают о “вольности” своих трудов. При этом, как бы не довольствуясь только подзаголовком, Ключников дополнительно заявляет своё переводческое “кредо” в строках собственного, предпосланного всему сборнику стихотворения: “Мне важно из безмолвия былого извлечь живую суть живой души”.

Тем самым давая понять, что речь для него идёт не только о достаточно “вольном” отношении к утвердившейся у нас переводческой традиции, предполагающей в целом сохранение всех особенностей оригинала — размера, строфы, системы рифм и даже, насколько это позволяет различие языков, созвучий, но о чёмто большем, что выходит за рамки имеющего давнюю традицию спора (в своё время в нём принял участие и Пушкин) между сторонниками верности “букве” подлинника и теми, кто первостепенной задачей своей видел передачу “духа” произведения. А именно: о праве переводчика на открытый диалог с переводимым поэтом, в который, так или иначе, вовлекается читатель, а временами даже на договарива-

ние за поэта чего-то, как представляется переводчику, недосказанного или недостаточно ясно высказанного самим поэтом...

А потому уникальной особенностью сборника французской поэзии, подготовленного Ю. М. Ключникова, особенностью, которая, собственно, и побудила меня к написанию этого очерка, можно считать впервые, как подчёркивает в предисловии к книге “Откуда ты приходишь, красота?” литературовед С. Б. Джимбинов, предпринятую им попытку соединить под одной обложкой французских поэтов XII и XX веков. Что даёт читателю исключительную возможность самому проследить пройденный за тысячелетие бурной истории Франции и попытаться угадать, несмотря на небольшой объём сборника, объединяющие их общие, родовые черты... Читателю предлагается весьма качественное и объёмное собрание переводов французской поэзии, которая, как видим, каким-то образом блистательно состоялась». (2017)

Владимир Яранцев:

«Стихи Ю. Ключникова немногословны, но чувствуется в этой благородной сдержанности и собственная узда — самоограничение, взятое у классиков. В первую очередь — у А. Пушкина, поэта для Ю. Ключникова нехрестоматийного, “дежурного”, а задушевного, родственного по всем статьям и параметрам...

При всей широте его эрудиции, усугублённой знанием восточной философии, он остаётся сибиряком, новосибирцем, сформировавшимся как мыслитель и поэт вблизи, в присутствии Алтая и его священных гор. Природа Сибири, алтайская особенно, — не менее мощный энергетический фактор, чем русская и мировая литература с феноменом Пушкина. И это особо остро чувствуется в его сибирскоалтайских стихах.

Это поэзия непосредственного соприкосновения с землёй, её стихиями и ландшафтами, конкретики, реалий, вплоть до дачной (цикл “Дачные стихи”), насыщающих тело и душу поэта, дающих вдохновение для поэтических, философских, религиозных прозрений и откровений. “Мне нужно в горах побывать хоть неделю, / Чтоб год продержаться потом на плаву”, — пишет Ю. Ключников в стихотворении “Алтайская тоска”. “Тихая” лирика Ю. Ключникова — это не просто “природные”, общепонятные стихи, а процесс и плод его восхождения к “неслышанной простоте” в своей поэзии. ...Природа у Ю. Ключникова всегда обожена через очеловечение, через личное её восприятие, уравновешенное с объективным, реалистическим. И потому в одном таком сибирскоалтайском стихотворении обязательно присутствуют и конкретика, и метафизика, описание реалистическое и образное, а зачастую и высокий пафос постижения Истины. “Здесь всё кругом, как было, с пылу, с жару, / Явилось в мир из Божеской печи: /

Цветы и лес, закатные пожары... / Здесь Истина, другую не ищи», — пишет Ю. Ключников в «Алтайской рапсодии». (2016)

Геннадий Иванов:

«В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Боков, Николай Тряпкин, Федор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встает Юрий Ключников...

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать». (2011)

«Юрий Михайлович Ключников живёт в Новосибирске, недалеко от его любимого места на планете Земля — Алтая. Поэтому так и хочется привести шукшинские слова: живёт такой парень! Даже несмотря на возраст парня, которому пошёл 87-й год! Но можно и подкорректировать: живёт такой Поэт! И в этом возрасте он весь в работе, в достижениях — недавно издал том переводов поэтов Франции XII—XXI веков “Откуда ты приходишь, красота?”, затем, совсем недавно, вышла его книга переводов суфийских поэтов “Караван вечности”. Вот у меня на столе блистательный том очерков Юрия Ключникова “Лики русской культуры”. Я с огромным удоволь-

ствием и читал, и перечитываю эти глубокие статьи, очерки, эссе о Пушкине, Блоке, Булгакове, Гумилёве, Пастернаке, Шукшине, Кожинове...

Наконец прочёл, пока ещё в рукописи, большую книгу мемуаров Юрия Михайловича “Предчувствие весны. Воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе”.

...Книга получилась очень густой на сюжеты, информацию, мысли. В неё автор включил несколько бесед с сыном Сергеем, который тоже философ и писатель. Темы бесед: от самых сложных, философских — предназначение человека и его сверхзадача, до самых животрепещущих и обыденных — сохранение здоровья и семьи. (Кстати, сам поэт, как говорилось, — долгожитель, работает ежедневно по 12 часов, живёт с женой 63 года, имеет двоих детей, двоих внуков и трех правнуков). Его беседы настолько интересны и познавательны (а надо ещё сказать, что Юрий Михайлович — один из самых образованнейших людей нашего времени), что профессор Литературного института Станислав Бемович Джимбинов, сам в высшей степени образованнейший человек, однажды сказал, что такого глубокого сотрудничества отца и сына, как у Ключниковых, он не знает во всей мировой литературе. Так что стоит особое внимание в этой книге обратить на эти беседы». (2017)

«Интуиция и талант автора вольных переводов китайской поэзии Ю. М. Ключникова помогли ему почувствовать что-то очень сокровенное и подлин-

ное в строках поэтических гениев Поднебесной. Его вольные переводы и переложения очень хорошо передают дух этой великой страны, образы, интонацию, ассоциативное богатство и тонкость поэтического мышления китайцев. С моей точки зрения, наиболее сильным и ярким в книге является третий раздел “Поднебесной хризантемы”, где представлена вся китайская лирика от древности до сегодняшнего дня. Хорошо выглядят и архаические стихи, да и философская поэзия переложена очень красиво. На меня большое впечатление произвели как притчи Чжуан Цзы, так и поэтическое переложение знаменитого трактата “Дао Дэ Цзин”. В целом в переводах и переложениях Ю. М. Ключникова есть чувство подлинности и правды, и каждый переводимый им поэт встаёт сквозь строки словно живой. Автору книги удалось показать поэтическую индивидуальность каждого поэта, отличающую его от других мастеров стиха. Они звучат как хорошая русская поэзия с нашими родными размерами (хотя восточный колорит передан очень ярко) и в таком виде лучше усваиваются нашими читателями.

В каком-то смысле — это новое слово в традиции русских художественных переводов. Много русских поэтов, включая Пушкина, интересовались китайской культурой и поэзией, но ни один русский поэт не переводил китайскую поэзию в таком объёме. У Фета, Гумилёва были только подступы к решению этой задачи. Анна Ахматова сделала больше, но это

нельзя сравнить с той большой задачей, которую поставил перед собой и, главное, решил Юрий Михайлович Ключников. (Я не сравниваю сейчас известность этих двух поэтов и масштаб их дарования, а говорю именно об объёме сделанного.) С одной стороны, это свободные, вольные переводы и переложения китайских стихов, а с другой стороны — довольно точные тексты, передающие не только дух, но и нередко букву первоисточника. К тому же они снабжены солидным справочным аппаратом — предисловием автора книги, биографическими справками (живо написанными и весьма подробными, может быть, иногда излишне), словарём поэтических терминов, большим послесловием сына и издателя поэта, в котором рассказывается об истории поэзии Поднебесной. Всё это делает книгу очень ценным пособием для изучения китайской поэзии. Её бы направить в вузы, где изучается китайский язык, где готовятся кадры для сотрудничества наших двух великих держав». (2018)

Надежда Мирошниченко:

«Я бы всем сегодняшним разработчикам новых учебников истории России посоветовала читать стихи Юрия Ключникова. Удивительная грань — правда по краю пропасти. И нигде ни разу не сорваться. И везде найти баланс мечты и ошибки и пройти посередине по пути Истины. И столько любви и к Богу, и к Отечеству, и к Русскому Человеку, и к Жизни. И

какое это счастье — Труженица Поэзия на службе вдохновенного Таланта. И какой вы молодец, Николай Дорошенко, что достаёте из глубин нашей России золотые слитки вдохновения и щедро дарите их нам. Кланяюсь обоим: и Поэту, и Редактору. Слава России!». (2016)

Владимир Костин:

«За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный — мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. Не может не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и ощутимо полный, онтологически и художественно самодостаточный». (2015)

«Книга переводов сонетов Шекспира и поэзии шекспировской эпохи, созданная Ю. М. Ключниковым доставила мне много положительных эмоций. В этой теме трудно удивить чем-то новым, но меня эта книга приятно удивила, хотя я давно знаком с оригинальным поэтическим творчеством этого автора и его вольными переводами мировой поэзии. Во-первых, высоким качеством переводов, это касается и сонетов Великого Барда, и переведённых стихов королевы Елизаветы, Филипа Сидни, Бена Джонсо-

на, Джона Донна. Во-вторых, объёмом проделанной переводческой работы. Не припомню издания сонетов Шекспира, которые соседствовали бы с целой обоймой тогдашних лучших поэтов. Это позволяет понять поэтический контекст эпохи и взаимосвязи между Шекспиром и его окружением, например, соперничество великого Барда и Джона Донна. Ключникову удалось передать возвышенный дух шекспировских сонетов, несущих в себе и влияние эвфуизма, и одновременно его преодоление.

Впечатляет и большая работа, проделанная сыном поэта, философом и психологом С. Ю. Ключниковым, — его обширная статья, посвящённая теме авторства Шекспира. За несколько веков споры на эту тему не утихли, а стали острее, причём вопросы, поставленные ещё в прошлом веке, до сих пор не получили внятных ответов от официального шекспироведения. С. Ю. Ключников свёл воедино все вопросы и гипотезы о том, кем был Уильям Шекспир, и попытался развить версию М. Д. Литвиновой о двойном авторстве Фрэнсиса Бэкона и графа Ратленда. На мой взгляд, система доказательств приведена убедительная, и теперь игнорировать вопросы всех сомневающихся в официальной версии больше невозможно. Сделан ещё один шаг на пути к раскрытию Великой Тайны». (2019)

Юрий Ащепков:

«Физикам известен такой факт: элементарная частица реагирует на взгляд наблюдающего за ней

исследователя. И даже две частицы при появлении третьей начинают менять свои характеристики. В химии при соединении (реакции) двух реакторов происходит превращение одних в другие. При этом исходное вещество расходует свою энергию и отдаёт её веществу новому.

Но особенно ярко реагируют на соседей растения. Садоводы знают, что от одних “соседей” растения погибают, от других бурно развиваются, ускоряя темпы роста.

Говорю о таких ассоциациях, имея перед глазами новую книгу Ю. М. Ключникова “Душа моя, поднимем паруса”! Никогда ранее поэт не соединял переводы французской и арабской поэзии со своими стихами. Не потому, что раньше не делал переводов. Просто высокая требовательность к себе и ответственность мастера перед ликом Времени не позволяли ему ставить себя в один ряд с Верленом и Саади. Но произошла удивительная вещь: собственные стихи поэта от соседства с французскими и арабскими засияли необычными до того скрытыми красками. Произошло удивительное взаимодействие трёх поэтических культур, слияние их в единую симфонию мудрости. И каждая из трёх культур, не теряя своей индивидуальности, засияла своим светом, обогащённая душами соседями.

Впрочем, надеюсь, что о новой книге поэта заговорят и сегодня первой строкой приведённого здесь эпиграфа из Гёте. Перед нами впечатляющий поэти-

ческий эксперимент, подобный алхимическому соединению трёх элементов. В результате получился философский камень, с разными гранями высокой духовной мудрости и красоты. Зазвучала космическая музыка, не боюсь сказать так, с тончайшими оттенками чистых чувств и смыслов. Без них нет человека. собственно, никогда и не было. Просто иногда негде укрыться от угрожающего миру потребительского варварства и политического хаоса. Можно спастись только там, где есть философский камень-спаситель, обнаруженный для нас большим художником. Поклонимся ему за это. А ещё за то, что новых его откровений мы ждём с возрастающей радостью и нетерпением». (2015)

Сейдахмет Куттыкадам:

«Так получилось, что мне, журналисту из Казахстана удалось ознакомиться с книгой “Караван вечности” ещё в рукописи, раньше, чем читатели из России. И я, пользуясь случаем, решил высказаться об этой книге и о творчестве поэта, тем более что до этого я знакомился с его книгой “Душа моя, поднимем паруса!”. Я — горячий поклонник русской культуры, и поэзия Юрия Ключникова на меня произвела большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью. Это большая и настоящая поэзия. Всё, что пишет и переводит Юрий Ключников, несёт в себе особую одухотворенность и изысканную чувствительность. Что касается переводов,

то они — изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное — мудрость. Я родом из города Туркестан — родины Ахмета Ясави и ещё застал последних суфиев — его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму. В суфизме два основных течения — поэтический ирфан и аскетический тасаввуф, в чистом виде они почти не встречаются, как правило, имеет место смешение их в той или иной пропорции. И в переводах Юрия Ключникова это можно различить». (2016)

Зинаида Лапина:

«Я знакома с творчеством сибирского поэта и переводчика Юрия Михайловича Ключникова уже много лет и прочитала целый ряд его собственных поэтических книг, переводов французской и персидской поэзии. Это тот редкий случай, когда, читая поэта, чувствуешь, что нет ни одного стихотворения, которое я бы не приняла как нечто очень близкое сердцу. Моя высокая оценка в полной мере относится и к его вольным переводам и переложениям китайской поэзии в книге «Поднебесная хризантема». В ней Ю. М. Ключников охватил огромный период китайской поэзии длиной в 30 веков — от «Шицзина» до Мао Цзэдуна. Ю. М. Ключников создал оригинальный жанр. Средствами русской поэзии с её рифмами и размерами он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китай-

ских мастеров слова. Для меня его вольные переводы и переложения, приближающие китайскую поэзию к русской, и его стихи по мотивам лириков Китая, сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников показал, насколько сакральна поэзия китайцев, даже если речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах.

Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка. Кстати, само знание языка ещё не гарантия успешного перевода китайских стихотворений. Ю. М. Ключникову это удаётся благодаря его большому художественному таланту, что подтверждают его коллеги — известные российские литераторы. Поэт проник в тайны китайской души и показал нам всем, что эта душа созвучна русской душе. Можно сказать, он искал Россию в Китае и нашёл её в стихах и одах поэтов Поднебесной.

Но нельзя не сказать ещё об одном объяснении творческого успеха 87-летнего поэта, всю жизнь занимавшегося большой духовной работой и над освоением наследия Востока, и над собой. Такая работа пробуждает в творце мудрость и художественный дар — поэтическую интуицию. На крыльях “шестого чувства” поэт преодолевает языковые и культурные барьеры, видит истину и проникает в глубину и суть поэзии. Ему удаётся соединить тщательное изучение подстрочников и многочисленных переводов с собственными интуитивными прозрениями. Благодаря этому он пробивается сквозь сложнейшую “китай-

скую грамоту” иероглифов. В стихах Ю. М. Ключников достраивает невидимые грани образа и смысла до совершенной гармонии и полноты». (2018)

Бронислав Виногородский:

«Книга переводов и стихов по мотивам китайской поэзии, выполненная настоящим одарённым поэтом Юрием Ключниковым, является бесценным вкладом в изучение культуры и искусства Китая.

Основная цель поэзии — оформить и передать переживания от соприкосновения с миром. Сделать это может поэт, умеющий описывать свои переживания не прямо, а через образы. Именно это и делает книгу Юрия Ключникова бесценным шедевром нового типа в китаеведении. Я не побоюсь применить определение “прекрасный китаевед” к этому талантливому и смелому поэтуисследователю». (2019)

Сергей Маркус:

«Радостно быть современником Юрия Ключникова. В нём раскрывается новый тип русского человека.

Это истинно русский — в служении своему народу и своему языку. И это всечеловек — в лёгкой и радостной открытости французскому, индийскому, иранскому... Недаром же Достоевский говорил о “всемирной отзывчивости русской души” в Пушкине. Но ведь Пушкин лишь только начал открывать многие горизонты... и многое не успел. Так и Ключников — и не успел, и... не успеет. Отчего же так?

Да оттого, что человек, нами видимый сегодня, не вечен — но, причастный вечности, проходит сквозь множество слоёв времени.

Очевидно, что и сибиряк Юрий Ключников до появления в России прошёл многие круги культур, языков и разных народов — отсюда и внутренняя память, и любовная отзывчивость. Очевидно, что возраст не умалит в нём жадности открытий и он пройдёт ещё множество странствий, которых мы здесь не увидим.

А новизна для нас вот в чём: русское общество не позволяло ранее быть личности одновременно сразу в нескольких измерениях. Западное и восточное, христианское и исламское, да ещё индуистское... советское и древнерусское... Ничто не исключает ничего. Мир целостен, полифоничен, хоть для удобства познания и разложен по полочкам.

Ключников — русский всечеловек, многогранный, до конца не воплощаемый. Он каждому из нас показывает: не бойся быть искрой Вселенной, которая жаждет в тебе отразиться!». (2017)

Николай Серебрянников:

«Книга “Караван вечности” — настоящее историческое исследование: отбор имён и произведений — это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасники мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце XX века. Она — итог долгого пути, результат проникновения в душевный

строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о Родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни своевременный и значимый культурноисторический и даже политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё — и неизбежно переходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна — она говорит о непреходящей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И прекрасно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, Замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом «хочу всё знать и понимать». (2017)

Сергей Небольсин:

«Перед нами книга “Поднебесная хризантема” — соцветие, даже созвучие голосов. Это долгая, много-

вековая и многотысячелетняя музыка поэтического Китая. Это долгий, полный трудов и богатый успехами путь переводчика. Впрочем, переводы у него по праву становятся перепевами (в хорошем смысле), переложениями, художественным развитием китайской поэтической темы. За несколько тысяч лет своего звучания она прошла путь от глубокой древности до современного творчества такой, скажем, величины, как Мао. Эта тема чудесным образом развита и в смене поколений внутри рода творчества Ключниковых. Сын собирателя и переводчика снабдил книгу полезным комментарием и глубокими раздумьями, с которыми интересно знакомиться даже искушенному читателю.

Хочется надеяться, что эта преемственность обогатится новыми поколениями русских читателей, переводчиков и комментаторов. Предрешить нынешней антологии вековой успех, может быть, рискованно, но нет сомнения, что она найдёт отклик в душах множества читателей, а возможно, и новых переводчиков китайского поэтического сокровища. Вот та надежда, которая крепнет у читателей Ключникова и которая наверняка даст богатые плоды в будущем». (2019)

Мария Бушуева:

«Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую, если искусство

не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и, как в жизни, так и в искусстве, ориентируясь на “чистейшей прелести чистейший образец”, противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлек из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом, то есть представителем той уникальной породы истинных “аристократов духа”, которые всегда были в меньшинстве, а сейчас становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И конечно, он остался верен своим идеям.

...«Китайский проект» Ю. М. Ключникова — это русскокитайский поэтический мост, воздвигнутый 87летним поэтом, который, точно бессмертный мудрец Поднебесной, прошёл через тридцать веков китайской поэзии под зонтиком любви к ней, не опровергая традицию перевода и переложения китайских стихов, существовавшую до него, но следуя ей и даже порой вплетая её точные ритмы в то, что расслышал у китайских поэтов сам. Можно пожелать читателям путешествия по этому мосту, соединившему в наше сложное время два великих поэтических берега — русский и китайский». (2019)

Анатолий Побаченко:

«Духовный проект Юрия Ключникова, именуемый как перевод великой Всемирной поэзии на русский язык, задуман в молодые годы, когда он изучал иностранный язык (французский), совершенствовался и рос как поэт России, видел не только поэзию европейскую, но и суфийскую, китайскую, индийскую.

Русский поэт Ю. М. Ключников, живущий в Новосибирске, в одиночку вот уже несколько лет осуществляет свой проект по сближению великих культур и единению народов. Он неустанно (по 10–12 часов в день) ведёт свою подвижническую деятельность, внося немалую лепту в общее дело. Жанр перевода из... подражаний, заимствований, переложений, вольного перевода, пародий, откликов, перекличек, стихов по мотивам существует, несмотря ни на что! Однако два способа переводов (“верный” и “вольный”) доминируют при освоении мировой литературы. Поэт Ключников в первую очередь яркий мыслитель, блестящий стилист, стихотворец, несущий знамя классики в новое время, а во вторую он — писатель, свободно владеющий всей полифонией русской речи, её великолепными тропами.

В чём сила поэзии Юрия Ключникова? В утверждении бессмертия классических традиций в современной поэзии, неисчерпаемости силлаботоники, в возможности каждому истинному и ответственному поэту внести свой вклад в удержание литературы от распада и забвения, чтобы помнил добро “всяк су-

щий в ней язык”. Примечательна роль личности поэта, его вера в могущество слова, поразительна убедительность в правоте своего дела, способного сблизить великие культуры мира и сохранить их». (2019)

Александр Горянин:

Я просто покорён мастерством Ю. М. Ключникова как русского поэта, ненатуральной точностью его вольных переводов. Есть прекрасный критерий: оценивать стихи, уже известные по каноническим переводам. Вот «Весна и осень» Беранже в версии Василия Курочкина. Кажется, лучше перевести невозможно. Но читаю перевод Ключникова и ясно вижу: не уступает! А если бы я не знал курочкинский с детства и прочёл оба впервые, подозреваю, предпочёл бы перевод Ключникова.

Следом идёт «Не надо о политике, мадам» — и это определённо лучше, ёмче и точнее перевода Всеволода Рождественского! И так далее.

«Как нарисовать птицу» Превера, вижу: это не подражание, а перевод, причём куда лучше, чем кудиновский.

Предмет отдельного восхищения — Омар Хайям, давно уже вошедший в пантеон русской поэзии. Есть столько переводов и подражаний (именно), что расплодилось тьма неумелых фантазий «на тему», даже с парными рифмами! А тут — истинный Хайям.

Свыше двух тысяч оригинальных стихотворений и полторы тысячи стихотворных переводов! В случае

Ключникова мы вправе (и даже обязаны) включать переводы в общий зачёт не только по причинам, упомянутым выше, но и просто потому, что они в большинстве своём превосходны, он бережный соавтор тех, кого любит и переводит. А сверх того, Ключников — автор двух десятков книг. Это проза, эссеистика, путешествия, мемуары, сказки, переводы... Он далеко обогнал всех, кто в XXI веке пробует разговаривать с мировой классикой в стихах и переводах. По складу личности он — универсалист, которому доступны все жанры, очень разнообразный в своём творчестве. Он гармоничный и счастливый человек, нашедший своё Беловодье. Естественно, Ключникову хочется, чтобы Беловодье обрела вся его любимая страна. (2020)

Алексей Шорохов:

Автору книги «Душа моя, поднимем паруса!» (М.: Беловодье, 2020), большому русскому поэту и блистательному переводчику Юрию Михайловичу Ключникову исполнилось 90! Иные времена, иная судьба...

А прописка всё та же — русская литература.

Хотя... слова «русская литература», наполнявшие восторгом Гамсуна и Томаса Манна, Хемингуэя и Поля Валери, Сартра и Рильке — в нынешней расфасовке всё чаще напоминают вкусом «оцет с желчью смешен», то самое горькое питьё, которым гонители пытались усугубить крестные муки Спасителя. И горько не только оттого, что кто-то подобное будет

обязательно читать, но и потому — что подлинные чудотворцы русского слова (такие как Юрий Ключников или Владимир Личутин) остаются в беззвучии посреди грохочущих и пустых бочек современности.

Тем важнее сказать о них, о чудотворцах, именно сейчас!

Книгу Юрия Ключникова можно назвать троечастной — по аналогии с богослужебными, которые называются в Православии «триоди» и состояются из трёх частей. Первая (и самая важная) часть книги — это лирические стихотворения. От сердца к сердцу. Родина, её богоданная природа во всём многообразии русских пространств — от Крыма и воюющего Донбасса до Алтая и Центральной Сибири; история России её боль («Отчизны затянувшийся позор...») и исчерпывающие, надмирные всечеловеческие смыслы; и, конечно, сама жизнь поэта — иногда внутри, иногда чуть-чуть сбоку (с приглядкой и оценкой), а иногда и по-над временем. Говоря о стихах Юрия Ключникова, правильнее было бы назвать их «тектонической поэзией». Много смыслов можно извлечь из этого определения, но есть один — о котором особо.

Одинокая вершина видится издалека. Её все знают, она попадает на модные туристические фото, этикетки бутылок и сигарет. Другое дело — горная гряда: идёшь, идёшь, перевал, за ним — вершина, одолеешь — а там следующая. И так — 90 лет. Здесь и неимоверный литературный подвиг, и грусть непри-

знания и преодоления твоего пути другими. Грусть всего нашего времени, возможно — времени вообще. Тем не менее, человек, работающий в Слове, уже приобщён вечности. И здесь он не одинок. Рядом встают Блок и Гумилёв, Ломоносов и Пушкин. (2020)

Виктор Боченков:

Сборник вольных переводов французской поэзии Юрия Ключникова называется «Откуда ты приходишь, красота?».

Название напомнило мне об одной книге, она есть у меня. Это исследование французского филолога Кристофа Каррера о Леконте де Лиле — одном из тех, кто включён в сборник. Понятно, его имя вряд ли можно бы было обойти стороной. Французский филолог, написавший биографию поэта, дал ей подзаголовок: «Страсть красоты». Или, если угодно, «одержимость Прекрасным». Не знаю, как перевести это «la passion du beau».

Здесь и страсть, и устремление, и боль — тяжёлая ноша, крест... Вопрос о красоте отсылает к античным временам, и, поскольку он вечен, звучал и до них, будет звучать после нас...

Знакомство, изучение чужого есть в то же время путь к себе.

Сборники Юрия Ключникова надо воспринимать тоже целостно — сами переводы и переложения, послесловие от автора, сведения о поэтах... Точно так же, как «Поднебесная хризантема», выстроен сбор-

ник вольных переводов персидской (суфийской) поэзии XVIII—XX веков «Караван вечности». Целью поэта, вернее, одной из целей, было сохранить сакральную глубину поэзии, вникнуть в духовную основу суфизма и пройти тем же путём, каким прошёл поэт. Русский поэт «увидел в суфийской поэзии с её служением высшей любви и красоте разновидность самостоятельного духовного пути к Богу». Дело поэта становится его творчеством, а творчество — делом. Поэзия даёт возможность прозрений, прорыва к высшему откровению.

Как лишнее доказательство разносторонности поэта — его переводы и переложения поэтического наследия Уильяма Шекспира и поэтов шекспировской эпохи. Понятно, чтобы браться за такое, надо быть уверенным в себе.

Юрий Ключников выбрал свой путь и знает его. Пойдём вместе с ним. На страницах его книг нам откроется многое... (2020)

Константин Фролов-Крымский:

Творчество Юрия Михайловича Ключникова в полной мере соответствует тем канонам, которые составляют основу высокой Поэзии. Здесь и форма, и содержание, и животрепещущие проблемы нашего времени, и исторические картины и сюжеты, и обращение к творчеству зарубежных творцов поэтического слова — всё на высоком уровне, с частицей своего мировоззрения и мироощущения человека,

прошедшего огромный путь, наполненный испытаниями и преодолениями, открытиями и достижениями. (2020)

Вячеслав Лютый:

Рифма в переложениях Ключникова соединяет сентенции Востока, порой абстрактные для русского ума и плохо формулируемые в рамках иноязычного художественного изложения, с отчётливостью лучших примеров отечественной стихотворной практики. Не используя в чистом виде афористичность, переводчик, тем не менее, стремится к пушкинской формуле внятного литературного слога, и уже поэтому древнекитайская архаика превращается под его пером в слегка стилизованную под старину живую картинку — философски емкую и изобразительно яркую. При этом назидательные строки у Ключникова не кажутся прописными истинами, за словами слышится дыхание русского автора, преодолевающего крутые взгорья своей собственной судьбы. Переводы стихотворений нового времени во многом утрачивают самобытность прежних образцов поэтического Китая, однако в них есть то, что сегодня почти уже не найти в современной западной лирике: способность удивляться красоте, искренности, понимать важность серьезных поступков и хранить верность своей родине, бережно относясь ко всем событиям её сложной, противоречивой — но всё-таки цельной истории. В переводах персидской — суфийской — по-

эзии Ключников удивительно точно находит интонации, казалось бы, взаимно исключающих эмоциональных состояний: спокойной мудрости и сильной воли, которая определяет жизненный путь человека. Переложения Ключникова совсем не кажутся «неповолительными вольностями» версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника.

Эта приверженность Правде в её высшей — возможно, надмирной ипостаси встречается в стихах Ключникова самой разной тематики. Такое свойство поэта характеризует его, в первую очередь, лично, а уже во вторую — накладывает отпечаток на все художественные средства, которые он использует в лирике. Он не делит историю родины на эпохи успеха и «чёрные дыры»; её движение сквозь годы и века для художника непрерывно. Но показать превосходные и прискорбные черты прошедших времён — в его власти, это продиктовано чувством долга. Как говорил Александр Блок, нужно говорить правду. По отношению к художнику такой императив звучит как самоидентификация.

У Ключникова практически везде прослеживается мысль о предопределённости судьбы России, которой свыше назначены сроки мытарств и обретений. Поэт склонен мифологизировать действительность, но подобное художественное свойство у него замыкается на евангельские предначертания и на загадоч-

ность пути России. Его стих просторен и свободен по речи, реалии естественно соседствуют с умозрением, с духовными проекциями. Для него важно «доопределить» собственные чувства и сформулировать свою мысль о мире — эти две задачи он, видимо, считает главными. (2020)

Александр Астраханцев:

Как пишет Юрий Михайлович Ключников, «поэтическое творчество Пастернака, как и проза Шолохова, по сей день остаётся для меня эталоном советского периода русской литературы». Да, хотя Пастернак и призывал: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту», — сам-то он шёл к этой «неслыханной простоте» необычайно сложными путями, через удивительную, просто головокружительную усложнённость своих тем и образов; поэтика же Юрия Ключникова — будто он усвоил совет старшего собрата сразу и навсегда: от раннего творчества и поныне тяготеет к простоте и ясности поэтической мысли, к трогательной, иногда просто беззащитной обнажённости поэтического образа, так что его поэтика, на мой взгляд, ближе к поэтике великого реалиста в поэзии и прозе, «мастера необычайно точных и тонких запечатлений» (по словам А. Твардовского) Ивана Бунина.

В японском литературоведении, так не похожем на европейское, есть понятие *макото*; дословно переводится оно на русский язык одновременно и как

Приложение

«дело», и как «правда, «истина»; в художественной же литературе *макто* обозначает реальную, истинную красоту явлений жизни и чистых, искренних побуждений и чувств человека. Всё это я говорю к тому, что я вижу поэтическое творчество Юрия Ключникова именно в таком вот ракурсе: ракурсе японского *макто*.

Елена Крюкова:

В изумлении стоишь перед Храмом Человеческого Духа, вольно расписанным художником слова XX—XXI столетия Юрием Ключниковым, и думаешь: как за одну малую человеческую жизнь этот художник смог сделать эти феерические фрески? (2021)

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. М. Ключников. <i>«Не в чудесах твоих для нас магниты...»</i>	4
А. Н. Сенкевич. Дхарма Юрия Ключникова	5
Ю. М. Ключников. Мой путь к «Гите»	14
Часть I. ЭПОС	19
Из «Ригведы»	21
Ю. М. Ключников. <i>«Однажды летом, на рассвете...»</i>	23
Молитва богу Агни	24
Евангелие индуизма (О «Бхагавадгите»)	25
«Бхагавадгита»	29
Глава 1	29
Глава 2	36
Глава 3	44
Глава 4	51
Глава 5	56
Глава 6	60
Глава 7	66
Глава 8	69
Глава 9	72
Глава 10	78
Глава 11	82

Глава 12	88
Глава 13	91
Глава 14	95
Глава 15	98
Глава 16	101
Глава 17	104
Глава 18	108
Вальмики (V в. до н. э)	117
Афоризмы и миниатюры	120
Тамильская поэзия. Тируваллувар	123
«Тируккурал» — святое откровение тамилы	127
Ю. М. Ключников. <i>Об итогах двух первых книг</i>	136
1. Книга Добродетели	136
Хвала Всевышнему	136
Хвала любви	137
Хвала дождю	138
О величии человека	138
О величии праведников	139
О сострадании	140
О милосердии	140
О мудрости	141
О великодушии	142
О сердечной щедрости	142
О непричинении зла	143
О зловредности мести	144
О назначении семьи	144
О спутнице жизни	145
О детях	145

Содержание

Об отречении	146
Об умении прощать	147
О добрословии	147
О сусловии	148
О правильных поступках	149
О пользе славы	149
О злых деяниях	150
О неубиении	150
О вреде ханжества	151
О благодарности	152
О самообладании	152
О правдивости	153
О скромности	154
О тщательно продуманных деяниях	154
О постижении знаний	155
Об учёности	155
О вреде невежества	156
О богатстве	157
О бедности	157
О людской вражде	158
О вреде скопидомства	159
О гостеприимстве	159
О беспристрастии	160
О пагубе зависти	160
О последствиях прелюбодеяния	161
Об опасности пристрастия к вину	162
О временности всего земного	162
О карме	163
Об устранении желаний	163
2. Книга о власти и устроении жизни	164
Задачи власти	164

Об уважении властелина	165
О справедливом правлении	165
О несправедном правлении.	166
О мудрости царя	167
О мужестве и упорстве в деяниях	167
О врагах в твоём стане	168
О решимости и решительности	169
О взаимопонимании.	169
Советы царю по одолению пороков.	170
О царской дружбе	170
О выборе друзей и врагов.	171
О предусмотрительности	172
Доверяй чиновникам после их испытания	172
Об отношениях с чиновником после испытаний	173
О дружбе и службе.	173
О враждебности	174
О ненависти	175
О непотворстве жене	175
О блудницах	176
Об энтузиазме	177
О войске	178
О крепостях	179
О выборе часа для удара	179
О выборе места победы	180
О благожелательности царя	180
О задачах соглядатая	181
О советниках	182
О красноречии	182
О поведении на собрании	183
О бесстрашии в беде	183
О величии воина	184
О изменности многих.	185

Содержание

О вреде лени	185
О самооценке	186
О близости к царю	187
О счастливой стране	187
О земледелии	188
О нужде	188
О глупости	189
Об азартных играх	190
3. Книга о любви	190
Муки при виде любимой	190
Тайна сердца	191
Блаженство объятий	192
Наслаждение красотой	192
О потере стыда влюблёнными	193
Молва о любви	194
Муки разлуки	194
Взаимные чары возлюбленных	195
Стенания жены-невесты в разлуке	196
О муках, вызвавших болезни тела	196
О связи тела, любви и страсти	197
Плач о прошлом	198
Страдания в ожидании любимого	198
Плач с приходом вечера	199
Моё цветенье блекнет	199
Разговор с сердцем	200
О моей потере стыдливости	201
О понимании тайных желаний	201
Стремлюсь к новым объятьям	202
Притворная обида	202
О чрезмерной ревности	203
Наслаждение от мнимой обиды	204

**Часть II. ЛЮБОВНАЯ
И ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ИНДИИ . 205**

Калидаса (приблизительно IV—V век)	209
Приветствие заре	212
Отрывки из поэмы «Времена года»	213
1. Лето	213
2. Сезон дождей	214
3. Осень	214
4. Сезон холодов	215
5. Зима	215
6. Весна	216
Лал Дэд (1320—1392)	217
«Легко читать, да трудно следовать тому...»	221
«Погрузившись в познание...»	221
«Я заслужила шутки и сарказм...»	221
«Поборола, подчинила...»	222
«Я вся поглощена священным слогом Ом...»	222
«Ты всё в моей сегодняшней судьбе...»	222
«Я стала всем отныне и навек...»	223
«Ни солнца, ни луны, ни речи, ни ума...»	223
«Во мне йогическому трансу места нет...»	223
«Твоя Суть именуется Богом...»	223
«Лишенные божественных касаний...»	224
«Аскет, не лишай своё тело еды...»	224
Видьяпати (1352—1448)	225
«Скрыв колючки, бутон распускает цветок...»	227
«Манят в юности мужа сокровища жён...»	228
«Мы отмечены Кришной недаром...»	229
«Что? Ей больно? Но это любви торжество...»	229

Содержание

«Одежды защитные на пол упали...»	230
«Я глаза подвела...»	230
Кабир Дас (1440—1518)	233
«Горька моя участь, низка моя каста...»	236
«Зовя на помощь Раму и Аллаха...»	236
«Зачем мулла залез на минарет?»	237
«Терпи нападок повседневных рать...»	237
«Зовут меня учёнейшим поэтом...»	237
«Я из глины слежавшейся слеплен...»	237
«Даны богатым шёлк и мех...»	238
Сурдас (1478/1479—1582/1583).	241
Молитва	242
Из цикла «Кришнаяна»	243
Детство Кришны	243
Шалости юного Кришны	246
Кришна и Радха	247
Мирабай (1498—1547)	251
«День мой тёмн, на радости скуп...»	253
«Мира впала в молитву свою...»	254
«Где Ты бродишь, в какой стороне...»	255
«Всю неделю не ем и не пью...»	255
«Погасли в печке тлеющие угли...»	256
«О Хари, Ты явился снова мне...»	256
«Ты оплот мой, и дом, и семья...»	256
Мирза Галиб (1796—1869)	257
«Не дай собою овладеть сомненьям...»	261
«Земной твой жребий рыцарями начат...»	262
«От прошлого не стану отрекаться...»	262

«Пошли, Всевышний, мне желанную награду...» . . .	263
«Во всё, что встретишь, в ликах и в словах...» . . .	263
«Солнце и свеча — враги в союзе мудром...» . . .	263
«Земля мала, выдерживает слепо...»	263
«Наш мир самим Творцом раздвоен...»	264
«Для отдыха орёл не пользуется веткой...»	264
«Безнадёжность не ждёт перемены погоды...» . . .	264
«Искатель истины всегда в неё влюблён...»	264
«Очисти взгляд от тёмного тумана...»	264
«Не докучай Аллаху просьбами даяний...»	265
«Не жди от женщин мудрого покоя...»	265
Рабиндранат Тагор (1861—1941)	267
Гитанджали — Жертвенные песни (фрагменты)	271
«Поведай, узник, кто поверг тебя...»	271
«Ты бесконечным сотворил меня...»	271
«Когда Ты мне повелеваешь петь...»	272
«Тебя не знаю, о Наставник светлый...»	273
«Жизнь моей жизни, я Твой целиком...»	274
«Желаний моих рой разнообразен...»	274
«Сорви моих стихов простой цветок...»	275
«Признаюсь: украшательства боюсь...»	276
«Опора — эти царственные стопы...»	276
«И всё-таки не стану горевать...»	277
«Себе твержу: “Не пой, не славословь...”»	277
«Нескоро нам придётся отдохнуть...»	278
Политика («Просил у тополя топор...»)	279
«Когда тебя во сне не нахожу...»	279
Метафора («Остановила путь реки плотина...») . . .	280
«К тебе пришёл из тьмы, где дикий дождь...» . . .	280

Содержание

«Та, что душе моей близка...»	280
Женщина («Ты не только создание Неба...») . . .	282
К цивилизации	282
Звезда и сари («Нисходит вечер синим сари...») . .	283
О мать-Бенгалия!	284
Обыкновенный человек.	285
Свами Вивекананда (1863—1902).	287
Песня саньясина	289
Афоризмы Вивекананды	295
Ауробиндо Гхош (1872—1950).	299
Ю. М. Ключников. <i>По мотивам стихотворений</i> <i>«Весна», «Танец Кришны, «Танец Кали»</i>	303
Единая личность	305
«Здоровый атеизм хранит людей от ран...»	305
«Мир не делим на жертв и палачей...»	305
Я отыщу сто сотен жизней.	306
«Вернётся непременно коммунизм...».	307
Нирвана	307
«Бог нами не потерян никогда...»	308
«Коль есть у правды противоположность...» . . .	308
«Мы были самым крепким в мире царством...» .	308
«Когда грядущая жена раскинет сети...»	308
«Конечно, новый коммунизм грядёт...»	309
Гитлер	309
«Пустой остерегайся болтовни...»	311
«Что толку принимать удачи или тучи...»	312
«Не отзывайтесь дурно о покойных...»	312
«Когда кого-то называешь дураком...»	312

Мухаммад Икбал (1873—1938)	313
Вопросы и ответы	316
«О житель Запада, планета — не ларёк...»	317
Сатана — Творцу	317
Доброта	318
Вечная жизнь	319
Одиночество	319
Крик боли	320
Сущность красоты	321
Сотворение Адама	321
Искушение Адама	322
Сароджини Найду (1879—1949)	323
Лотос	326
Коромандельские рыбаки	327
Песня носильщиков паланкина	328
Сумерки в Хайдарабаде	328
Коль позовёшь	329
Моим песням	330
Каприз	330
Беззаветность	331
Дели вечером	332
Весенние мотивы	333
Инайят Хан (1882—1927)	335
Опора	339
Согласие в споре	340
Философский спор	341
Из жизни поэта	342
Молитва	342
«Кто счастлив истинно, тот счастлив и везде...»	343
«Сердце человека — дом души его...»	343
«Странанье — обязательный закон...»	343

Содержание

Тайна	343
Два бутона.	344
Счастье	345
Творение и сотворение.	345
«О миротворец!»	346
Узоры чувств.	346
«Бог, обсуждаемый и зримый человеком...»	347
«При сотворении нам всем не повезло ...»	347
«Заложен в муже дефицит ума и чувства...»	348
«Отдай всё самое на свете дорогое...»	348
«Мечтаешь мир построить в целом мире...»	348
«Какой бы наша ни была дорога...»	348
«Не лезь в капкан рассудочной адвайты...»	348
«О безразличие! Ты самый близкий друг...»	349
«О моя скромность! Чем яснее смерти даль...» . .	349
«Павлин! Порезе распускай родные перья...» . .	349
«Босой! Сойди с протоптанной тропы...»	349
«Мой идеал! Напоминаешь мне качели...»	349
«Самодостаточность! Кажусь снаружи бедным...» .	349
«Ранимое чувствительное сердце!..»	350
«О деньги! Вы и цепи, и друзья...»	350
«Моё задумчивое “Я”, не упрекай ничто...»	350
«И ад, и рай — не проявление жизни...»	350
«Деяний добрых здоровенный ком...»	350
«У цельной совести и мощь подобна львиной...» . .	351
«Будь или праведным, или открыто лживым...» .	351
«Из уважения к другому подчиняется душа...» .	351
«В согласии живущий с идеалом...»	351
«Для правды полноценного вмещенья...»	351
«Мы ищем чуда, чтоб душою обогреться...»	351
«Немало зла в богатстве и в нужде...»	352
«Не провожайте вновь ушедших плачем...»	352

«Скупой, отдавший людям что-то даром...»	352
«Чтоб новых бесов не родить...»	352
«Сердечный грешник ближе нам и Богу...»	352
Хариванш Рай Баччан (1907—2003)	353
Голод	358
Жажда и сладость	359
Разговор с судьбой (Благодарность)	359
Предки (Наоборот)	360
Хлеб поэзии	361
Русская матрёшка	361
Знамение времени (Статуи)	362
Слова и дела	363
Старый колодец	363
У ворот богачей	364
Стальной прут	364
Цветы кактуса	365
Пять поколений	366
Субхаш Мукхопадхьяй (1919—2003)	369
Сталинград	370
Флаг	372
Воспоминания (Как далеко я бы ни уходил)	372
Вечер в городе (На склоне дня)	373
Вспомнить уже не смогу	373
Ашок Ваджпейи (1941)	375
Тайна	377
Ожидание	378
Новое стихосложение	378
Наши будущие дети	378
Душа — бесконечный сон тела	379
Приди	379

Содержание

Заключение	381
Ю. М. Ключников. <i>В долине Кулу</i>	381
<i>С. Ю. Ключников</i> Индийская поэзия глазами Ю. М. Ключникова	383
I. Глубинная близость индийской и русской культуры.	385
II. Об индийской поэзии.	391
III. Почему нужно переводить «Бхагавадгиту» русской метрикой.	406
Список цитированной и использованной литературы	424
Биографические и справочные данные о Ю. М. Ключникове	431
Отзывы о переводе «Бхагавадгиты» Ю. М. Ключникова и книге «Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии».	440
Современники (литераторы, деятели искусств, учёные) о Юрии Ключникове	448

16+

**СЛОВО АРИАВАРТЫ:
35 ВЕКОВ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
в переводах и переложениях Юрия Ключникова**

Составители:
Ю. М. Ключников
С. Ю. Ключников

Шеф-редактор, pre-press:
М. Г. Юхимова

Обложка:
С. А. Китов

Формат: 70×100^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
15,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. №
Центр творчества «Беловодье»

Издательство
E-mail: belovodje.moscow@gmail.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Производственная
фирма «Полиграф-Периодика»»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3